Унгаревич
Прол. револ.

М., 1935
1 экз.

ИМЛ — Библиотека
ГК215
У499

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ПРАВА

ГК215
У499

В. УНДРЕВИЧ и М. КАРЕВА

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ

ОЧЕРК ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА ГОСАППАРАТ в 1917—1918 гг.

под редакцией А. АЛЫМОВА

Издательство „Власть Советов" при Президиуме ВЦИК
Москва 1935

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ПРАВА

В. УНДРЕВИЧ и М. КАРЕВА

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ

(ОЧЕРК ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА ГОСАППАРАТ В 1917—1918 г. г.)

Под редакцией А. АЛЫМОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ВЛАСТЬ СОВЕТОВ" ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ ВЦИК
МОСКВА 1935

1 экз

85

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008

ГК215 Р
У499

ИЛ

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ при Ц.К. В.К.П.(б)

сф 12358

780 726885
35

Техред—Новиков. Уполном. Главлита—Б-3265

Сдано в набор 27/XII 1934 г. Подписано к печати 31/III 1935 г.
Объем $9^1/_2$ п. л. Тираж 8000. Формат 62×94/16. Зак. тип. № 3310

Тип. изд-ва „Крестьянская газета", Москва, Сущевская, 21.

Отпечатано с матриц в типографии изд-ва „Власть Советов" при Президиуме ВЦИК, Москва, ул. Куйбышева, д. 1. Зак. № 1808.

СОВЕТЫ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ БУРЖУАЗИИ ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

В. УНДРЕВИЧ

1. ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И СОВЕТЫ В ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ

«Все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать. Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве» [1], — таков важнейший вывод Ленина, сделанный им на основе изучения марксова наследства по вопросам государства и революции.

Это положение было развито Лениным, как одно из основных требований пролетарской борьбы за овладение государственной властью и за упрочение завоеваний пролетарской революции. Оно основывалось как на революционном анализе марксова наследства и очистке его от всех каутскианских и прочих оппортунистических извращений, так и на теоретическом обобщении опыта революции 1917 г., — эпохи от Февраля к Октябрю, эпохи блестящей проверки марксистско-ленинской теории революционной практикой.

О задаче слома государственной машины эксплоататоров Ленин со всей решительностью писал в своих «Письмах издалека»: «Нам нужно государство, но не такое, какое нужно буржуазии, с отделенными от народа и противопоставляемыми народу органами власти в виде полиции, армии, бюрократии (чиновничества). Все буржуазные революции только усовершенствовали эту государственную машину, только передавали ее из рук одной партии в руки другой партии. Пролетариат же, если он хочет отстоять завоевания данной революции и пойти дальше, завоевать мир, хлеб и свободу, должен «разбить», выражаясь словами Маркса, эту «готовую» государственную машину и заменить ее новой... Идя по пути, указанному опытом Парижской коммуны 1871 г. и русской революции 1905 г., пролетариат должен организовать и вооружить все беднейшие, эксплоати-

[1] Ленин, т. XXI, стр. 388,

руемые части населения, чтобы они сами взяли непосредственно в свои руки органы государственной власти, сами составили учреждения этой власти»[2].

16(3) марта 1917 г. Ленин в письме к т. Коллонтай писал: «Сейчас получили вторые правительственные телеграммы о революции 1(14)III в Питере. Неделя кровавых битв рабочих и Милюков + Гучков + Керенский у власти!! По «старому» европейскому шаблону»[3]. Но у русских рабочих была революционная партия большевиков. Эту партию возглавлял Ленин. Его ближайшим и непосредственным помощником был тов. Сталин. Поэтому тот «шаблон», о котором мечтала русская буржуазия, в который фанатически верили ее преданные оруженосцы и предатели пролетарской революции — меньшевики и эсеры, не осуществился.

В том же письме к т. Коллонтай Владимир Ильич подчеркивал, что начался «первый этап первой революции», но что этот этап не будет «последним». 26 февраля 1917 г. ЦК нашей партии в своем манифесте призывает к созданию «временного революционного правительства», как «правительства революционного народа». Это был лозунг развертывания рабочим классом борьбы за революционную диктатуру органов революционного народа — советов. Возвращенная революцией к жизни «Правда» на первой странице первого номера призывала рабочий класс «закрепить занятые позиции» для отражения возможного нападения как старой власти, так и контрреволюционной буржуазии, указывая, что «буржуазные партии уже теперь стремятся ввести революцию в умеренное русло»[4]. Большевики призывали к организации пролетарской гвардии для защиты совместно с революционной армией завоеваний революции. Московский комитет нашей партии в наказе депутатам совета предупреждал, что «народ проливал свою кровь в революционной борьбе не для того, чтобы заменить правительство Протопопова правительством Милюкова—Родзянко». Московский комитет считал основной задачей советов обеспечение свободы революционному народу «для борьбы за социализм».

Рабочий класс России с партией большевиков в авангарде, имея в прошлом великий опыт 1905 г., не хотел итти «шаблонными» путями буржуазной революции, невзирая на все потуги меньшевиков и эсеров повернуть его на этот путь. Несмотря на то, что «добросовестное оборончество», «доверчиво-бессознательное отношение к капиталистам, худшим врагам мира и социализма»[5], обусловило на первом этапе революции влияние социал-предателей, революционно-классовое сознание рабочих

---

[2] Ленин, т. XX, стр. 35.
[3] Там же, т. XX, стр. 5.
[4] «Правда» № 1 от 5(18) марта 1917 г.
[5] Ленин, т. XX, стр. 115.

давало себя знать как в выступлениях против попыток буржуазии «закончить революцию» свержением Николая Романова, так и в «самочинных» — по терминологии меньшевистско-кадетских законников — актах революционного народа.

Февральская революция означала «величайший перелом в истории России»[6]. Она смела прогнивший царский строй относительно быстро и легко потому, что в ней слились борьба революционных рабочих и солдат за хлеб, за мир и за настоящую свободу с борьбой империалистской буржуазии против мешавшего ей и ее победе в войне царизма. Это своеобразие Февральской революции подчеркнул Ленин на VII съезде партии, указав, что «первые успехи Февральской революции были обусловлены тем, что за пролетариатом шла не только деревенская масса, но и буржуазия. Отсюда легкость победы над царизмом»[7]. Об этом же на VI съезде партии говорил тов. Сталин, подчеркивая, что Февральская революция началась «с коалиции четырех сил: пролетариата, крестьянства, либеральной буржуазии и союзного капитала»[8], понимая под этой «коалицией» их одну цель — выступление против царизма, продиктованное, конечно, совершенно различными классовыми мотивами, но приведшее к полной изоляции царизма и тем обусловившее необычайно легкую победу над ним. Но Февральская революция в то же время с необычайной силой обострила классовые противоречия между свергшими царизм пролетариатом и крестьянством в серой шинели, с одной стороны, поднявшимися на борьбу не только против остатков диктатуры помещиков, но и против власти и политики буржуазии, и между этой буржуазией, с другой стороны, стремившейся закрепить свою диктатуру для победы в империалистической войне, для еще большего упрочения капиталистического строя, для еще большего порабощения рабочих и крестьян. Победу рабочих и солдат в Феврале буржуазия стремилась использовать лишь в своих интересах.

Буржуазии хотелось, чтобы Февральская революция, поскольку она, помимо ее воли, уже произошла (буржуазия предпочла бы дворцовый переворот, о котором она сговаривалась и с послами союзных держав и с отдельными представителями династии Романовых), расчистила бы дорогу для ее собственного правительства. Буржуазия давно уже была готова перенять власть из рук разложившегося царизма, она уже имела и кадры аппарата своей будущей власти — разветвленный аппарат городских и земских самоуправлений, объединенных во Всероссийский союз земств и городов (Земгор). Этот Земгор готов был стать правительственным аппаратом оппозиционной самодержавию буржуазии. Председатель его, князь Львов, давно гото-

[6] Сталин, Об оппозиции, стр. 107.
[7] Ленин, т. XXII, стр. 313.
[8] Сталин, На путях к Октябрю, 1925, стр. 96.

вился стать председателем совета министров; правда, мечтал он им стать волею монарха, а стал председателем временного правительства в результате революции, свергшей не только монарха, но и монархию. Буржуазия держала курс лишь на смену монарха, лишь на превращение империи Николая и Распутина в парламентарную, конституционную монархию. Поэтому все первые шаги нового буржуазного правительства были направлены, во-первых, на то, чтобы по возможности ничего не менять в аппарате свергнутого режима, во-вторых, на то, чтобы как можно скорее загасить пламя революции и загнать вновь в капиталистическое и милитаристское ярмо вышедших на улицу рабочих и солдат, только что совершивших революционный переворот.

В то же время и бюрократический аппарат царской России уже в значительной степени был освоен буржуазией, она легко могла с его помощью проводить свою политику, укрепив его верхушку и изгнав наиболее непримиримые и консервативные феодальные элементы, вроде придворной камарильи, для которой даже Гучков был «революционером»[9].

Но рядом с правительством буржуазии возникло другое правительство (по времени оно возникло ранее «временного правительства» буржуазии), правительство рабочих и крестьян — советы рабочих и солдатских депутатов. Три основных силы боролись в эти дни между собой: разбитый, но далеко еще не добитый царизм; империалистская буржуазия, добивавшаяся своей диктатуры и военной победы; пролетариат, выражавший интересы всех эксплоатируемых и несущих тяготы войны и помещичье-капиталистической эксплоатации. Для того, чтобы успешно вести борьбу и против всяких попыток реставрации старого строя и против взявшего на себя «управление» государством буржуазного правительства, пролетариат должен был вооружиться и укрепить свою боевую организацию — советы. Иными словами, государственному аппарату буржуазии, ее вооруженной силе пролетариат должен был противопоставить свою вооруженную силу, начать борьбу за такой государственный аппарат, который проводил бы политику рабочего класса и защищал его интересы.

Меньшевики и эсеры предали рабочий класс: они передали государственную власть буржуазии, передали в ее руки организацию государственного аппарата. Это была контрреволюционная линия. Большевики стремились вооружить рабочий класс и против царизма, и против буржуазии, и против соглашателей. Они вели рабочий класс в бой за свою, пролетарскую революцию. Это была революционная линия. Первой задачей большевиков на этом этапе была борьба за большинство рабочего класса,

---

[9] См., например, переписку Николая и Александры Романовых, т. III, стр. 295, письмо Александры Романовой Николаю, в котором она мечтает: «Ах, если бы только можно было повесить Гучкова».

за изоляцию соглашательских партий меньшевиков и эсеров и за создание политической армии для завоевания диктатуры пролетариата. Этот путь был условием осуществления большевистского лозунга превращения империалистической войны в войну гражданскую, т. е. пролетарской революции. Одним из важнейших моментов для этого было закрепление завоеванного в февральские дни, сохранение и укрепление органов революционной власти — советов, возможность противостоять всяким реставраторским попыткам буржуазии повернуть революцию на «шаблон». Для подготовки победы на втором этапе революции, для овладения властью, рабочие должны были «проявить чудеса пролетарской и общенародной организации» [10].

По-новому вставал вопрос о государственном аппарате, о той реальной силе, с помощью которой эксплоататоры осуществляли свое господство. Основой этого угнетательского аппарата являлись постоянная армия, полиция, чиновничество, т. е. те именно отряды «вооруженных людей», о которых говорил Энгельс, характеризуя государство.

Все буржуазные революционеры видели революцию в насильственном свержении правительства, в смене одних лиц другими, но нигде и никогда не ставили вопроса о той действительной силе господствующего класса, которая «господствующей обывательщине представляется наименее стоящим внимания, наиболее привычным, освященным предрассудками не только прочными, но, можно сказать, окаменевшими» [11]. А чего стоило бы господство эксплоататоров без войск и без полиции? Но они представляются буржуазному революционеру обязательной принадлежностью всякого «цивилизованного» общежития, так как в них он чувствует оплот спокойствия эксплоататорских классов и неприкосновенности их интересов.

Пролетарский революционер видит революцию не в комбинациях тех или иных политических группировок буржуазии и ее «социалистической» свиты, — он видит ее в смене классового господства. Поэтому для него вопрос о государственном аппарате, это вопрос о замене вооруженной силы эксплоататоров, их армии, полиции и чиновничества вооруженной силой эксплоатируемых, вопрос о создании государственного аппарата рабочего класса. При этом вопрос сводится не только к замене людей в аппарате, но и к созданию государственного аппарата принципиально иного типа — не аппарата, стоящего над трудящимися как сила угнетения и насилия, а аппарата, который состоит из трудящихся, действует в интересах трудящихся и подавляет эксплоататоров.

Одной из первоочередных задач в Февральской революции наша партия поставила вооружение пролетариата и создание

[10] Ленин, т. XX, стр. 19.
[11] Там же, т. XXI, стр. 374.

Красной гвардии. На этом этапе, готовясь к борьбе за диктатуру пролетариата, партия ставит своей задачей борьбу со всякими попытками реставрации, со всем тем в государственном аппарате, что помогает закреплению капиталистическо-помещичьего господства. Борясь за большинство во вновь возникших пролетарских организациях (советах, профсоюзах, фабзавкомах), как за условие перехода к непосредственной борьбе за овладение властью, взяв линию на разоблачение империалистической сущности буржуазного правительства и контрреволюционной роли его меньшевистско-эсеровских пособников, партия на этом этапе ставит своей задачей собирание и организацию сил для завоевания пролетарской диктатуры. В этом плане партия дает такие конкретные лозунги: уничтожить главную опору свергнутого строя — помещичье землевладение, устранить из армии контрреволюционные и монархические элементы и демократизировать армию, вооружить народ, создать рабочую и крестьянскую милицию. Таковы были те практические задачи в области госаппарата, которые на другой день после февральской победы должен был осуществлять рабочий класс, чтобы не потерять завоеванного и итти дальше.

Большевики ставили вопрос о передаче власти советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, выдвигая это требование как «лозунг мирного развития революции вперед» [12], поскольку фактическая власть находилась в руках советов, меньшевистско-эсеровское руководство которых еще не «успело» полностью сдать власть Временному правительству. Борясь за превращение советов в органы государственной власти, ведя линию на изоляцию меньшевиков и эсеров и разоблачая их предательство, большевики ставили вопрос об уничтожении постоянной армии и полиции и замене их вооруженным народом, о выборности и сменяемости чиновников с оплатой их работы не выше платы квалифицированного рабочего. Большевики требовали пологовного вооружения народа для замены милиции и армии, требовали оплаты капиталистами дней службы рабочих в милиции—без отрыва рабочих от производства на постоянную службу в милиции, без превращения последней в особую силу над народом. В набросках к тезисам по докладу о советах на апрельской конференции РСДРП(б) Ленин отмечает все эти вопросы: «Коммуна на местах, т. е полная автономия мест, самочинно: без полиции, без чиновников, всевластие вооруженных рабочих и крестьянских масс», и рядом с этим он ставит задачу «борьбы с бюрократизмом и буржуазно-успокаивающим влиянием мелкобуржуазных элементов» [13]. В написанном в мае 1917 г. проекте программы РСДРП Ленин вновь отмечает те же пункты: «11. Выборность судей и должностных лиц

[12] Ленин, т. XXI, стр. 34.
[13] Там же, т. XX, стр. 236. Разрядка моя,—В. У.

как в гражданской службе, так и в армии народом; сменяемость всех их в любое время по решению большинства их избирателей. 12. Замену полиции и постоянного войска всеобщим вооружением народа; рабочие и служащие должны получать обычную плату от капиталистов за время, посвященное общественной службе во всенародной милиции»[14].

Совсем иной программой выступала буржуазия. Стремясь к еще большему упрочению господства капиталистической собственности и эксплоатации, она была за сохранение старого чиновничества, полиции и противостоящей народу постоянной армии. Политическая форма правления для нее, в конце концов, была безразличной. Но зато буржуазия со всей силой держалась за полицию «обычного» типа и за постоянную армию, видя в них прочную опору своего господства, свою реальную вооруженную силу. Она всячески старалась уберечь старую чиновничью машину не только от попыток ее замены, но и от сколько-нибудь радикальной ее чистки от реакционных элементов. Эта армия чиновников была связана с буржуазией и происхождением, и связями, и службой не за страх, а за совесть, она была надежным проводником политики буржуазной диктатуры. Буржуазия требовала назначенства и несменяемости чиновников как условия сохранения их привилегированного положения.

Мелкая буржуазия в лице представлявших ее партий — меньшевиков и эсеров — ни в какой мере не разделяла большевистской программы и плелась за крупной буржуазией. Но, поскольку буржуазная программа была для нее чересчур откровенно классовой, слишком явно выдавала вожделения буржуазии, соглашатели не решались рвать с революционной фразеологией перед лицом только что свергшего царизм революционного народа. Болтая о роли советов, играя в «контактные комиссии», активно борясь против создания государственного аппарата по типу Парижской коммуны, они пассивно относились к вопросам реорганизации старого аппарата и по меньшей мере сквозь пальцы смотрели на попытки сохранить в неприкосновенности его существенные части.

Буржуазную программу в области государственного аппарата со всей откровенностью изложила кадетская «Речь»[15]. Основой «реорганизации» царского аппарата для нее было увольнение губернаторов и вице-губернаторов; на этом «реорганизация» должна была и закончиться, так как «административная деятельность органов губернского управления не должна прекращаться». Считалось также возможным ликвидировать политическую полицию и реформировать наружную полицию. Вся эта «реорганизация» громко квалифицировалась как «уничтожение облом-

[14] Ленин, т. XX, стр. 304.
[15] Передовая газеты «Речь» от 8 (21) марта 1917 г.

ков старого режима, быстрое строение нового здания русской государственности на общественных началах». Для буржуазии вопрос исчерпывался некоторыми передвижками в верхушке управленческой машины самодержавия, в замене царской полиции милицией, которая в силу своей организационной структуры столь же ревностно служила бы буржуазии, как городовые служили монархии. Бюрократический же аппарат брался под защиту полностью: «Учреждения, обслуживающие военные, финансовые, технические и культурные духовные потребности», должны были остаться неприкосновенными. Буржуазия хотела сохранить полную преемственность с военной политикой царизма, с его налогово-податной системой, с его националистической великодержавной «культурой» и «православной» идеологией.

Не случайно поэтому и сами представители царской бюрократии на местах в ряде случаев пытались предложить свои услуги новому правительству. Немногие из них оказались столь «тугими на поворот», как бессарабский губернатор, который еще 5 марта запретил опубликовать манифест об отречении Романова от престола и призвал население «не выражать своих чувств манифестациями». Другие губернаторы, не получая в течение нескольких дней конкретных директив из центра, кроме сведений о переходе власти к Временному правительству, торопились засвидетельствовать свою «преданность» новым хозяевам, с достаточным основанием полагая, что «успокоение» революционной стихии будет угодно кадетскому правительству князя Львова. Даже «самочинно» снимаемые с должности губернаторы не забывали о службе «верой и правдой» новой власти: вологодский губернатор, сообщая Временному правительству об образовании общественного исполнительного комитета и об устранении его самого и вице-губернатора от должности, считал «святым долгом выразить опасения, что вышеуказанными действиями обыватели вышли за пределы данных общественным самоуправлениям полномочий». В Киеве 4 марта полицмейстер заявил чинам городской полиции, что «полиция обязана служить новому правительству, исполняя свои обязанности по поддержанию порядка и спокойствия» [16].

Правительство особенно и не возражало бы против их сохранения, если бы... если бы на местах «самочинно» не повыгоняли и не переарестовали этих царских сатрапов с их полицейской челядью. Правда, царские генералы попытались поддержать Временное правительство, пробуя испытанными методами прекратить «самочинные» действия. Так, начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Алексеев приказывал: «При появлении где-либо подобных самозванных делегаций (которые разоружали жандармов — *В. У.*), таковые желательно не рассеивать, а стараться захватывать ее и по возможности тут же

[16] «Вестник Временного правительства» № 1 от 5 марта 1917 г.

назначать полевой суд, приговор которого приводить немедленно в исполнение»[17]. Но сила революционного напора масс была сильнее всяких бравых генералов, и получившее власть от соглашательского руководства Петроградского совета Временное правительство принуждено было примириться с необходимостью расстаться не только с Романовым, но и с губернаторами, жандармами и городовыми.

Зато Временное правительство проявляло максимум заботливости о слугах царской опричины. Так, 14 июня 1917 г. читаем приказ о том, что «командир упраздненного отдельного корпуса жандармов генерал-лейтенант граф Татищев увольняется согласно прошению от службы с мундиром и пенсией»[18]. Больше трех месяцев понадобилось Временному правительству (в котором к тому времени сидело уже шесть «социалистов»), чтобы решиться на такую «революционную меру», как увольнение «согласно прошению» шефа разогнанной революцией клики жандармов. Эту «заботливость» унаследовал от князя Львова и Керенский. 6 октября 1917 г., за две-три недели до Октябрьской революции, публикуется закон «о послеслужебном положении и обеспечении бывших чинов и служащих упраздненных полицейских учреждений»[19]. А один из новых сотрудников министерства внутренних дел через несколько месяцев после Февраля «случайно» обнаружил, что министерство продолжает выдачу усиленных пенсий и пособий по закону 1909 г. об усиленном вознаграждении пострадавшим в борьбе с революцией[20].

Буржуазное правительство и его «демократические» прислужники радели и о разных «особах» старого режима, вплоть до тех, кто в качестве «полуобвиняемых» фигурировал перед чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. Даже такой матерой распутинец, как бывший министр внутренних дел Протопопов, вооруживший полицию пулеметами для борьбы с революцией, признавался комиссии, что он «всей душой... чувствует благожелательное отношение» к нему комиссии[21]. Другой министр, не менее «заслуженный» реакционер и черносотенец, А. Н. Хвостов, пользуется не меньшим вниманием: председатель комиссии просит его зайти, по возможности, «завтра утром», так как Хвостов предупредил комиссию, что он «в понедельник хотел проводить семью в Орел»[22]. Та же чрезвычайная комиссия возбуждает ходатайство перед министерством юстиции о разрешении выезда из Петрограда князю Н. Д. Голицыну, последнему председателю царского совета министров,

---

[17] «Правда» № 4 от 9 (22) марта 1917 г.

[18] «Вестник Временного правительства» № 82 от 17 июня 1917 г.

[19] Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства № 246 за 1917 г., ст. 1750.

[20] «Вопросы самоуправления» № 2/3 за 1917 г., стр. 20.

[21] «Падение царского режима», т. II, 1925 г., стр. 154.

[22] Там же, т. I, стр. 82—83.

пытавшемуся, хотя и неудачно, потопить в крови восстание питерских рабочих. И не случайно старый придворный, князь Голицын, благодаря чрезвычайную комиссию за «внимательность», не только в порядке этикетной любезности просит верить, что его (Голицына) «самое сильное желание, чтобы оно (Временное правительство.—*В. У.*) укрепилось, ибо я вижу в нем спасение России»[23]. Трудно лучше выразить это родство правительств князя Голицына и князя Львова. А наряду с этим благоволением к братьям по классу «чрезвычайная комиссия» была проникнута и пиететом по отношению к царским законам. Именно эти законы она собиралась защищать от произвола наиболее ревностных слуг царизма. Председатель чрезвычайной следственной комиссии, либеральный адвокат Н. К. Муравьев, выступая на заседании I всероссийского съезда советов, подчеркивал, что с точки зрения «революционного народа» было «в высшей степени важно... поставить их (т. е. бывших министров и других царских слуг. — *В. У.*) в такое положение, чтобы они не могли сказать революционной демократии, что их судят за то, что не было запретным в их времена и что стало запретным только с того момента, как вы вышли на арену мировой истории. Так осторожно мы подходим к этому материалу, товарищи, создавая эти процессы»[24].

Если Временное правительство не смогло сохранить губернаторов, то оно попыталось заменить их «своими» людьми — теми же, из кого вербовались и кадры губернаторов. Циркуляром министра внутренних дел функции губернаторов и исправников передавались председателям губернских и уездных земских управ, как комиссарам Временного правительства. Этим комиссарам предоставлялись полностью все права и функции губернаторов и исправников, предусмотренные законами Российской империи.

Кто же были эти комиссары? В ряде случаев это были прямые черносотенцы, в «лучшем» случае — националисты или октябристы, помещичьи руководители земства, часто совмещавшие руководство земством с должностью предводителя дворянства. Это был оплот не только Земгора, но и съездов объединенного дворянства. Что это были за комиссары и каковы были «самоуправления», которыми они до этого руководили, показывает хотя бы пример Казанской городской думы, которая «единодушно» просила Временное правительство оставить местного губернатора, так как он действовал, по уверению думы, «в согласии с общественными организациями, завоевал общее уважение и авторитет». Через два дня этот губернатор был арестован рабочими и солдатами. В Курске рабочим и солдатам пришлось арестовать уже не губернатора, а комиссара Временного прави-

[23] «Падение царского режима» т. II, стр. 272.
[24] «Изв. Петрогр. СРиСД» № 95 от 28/VI 1917 г.

тельства, председателя земской управы, черносотенца и приятеля знаменитого Маркова 2-го — Раппа, который, единственный из всех руководителей земств, по «принципиальным соображениям» не вошел в Земский союз, ибо последний был оппозиционно настроен по отношению к Николаю Романову.

Естественно, что назначение подобных комиссаров было встречено на местах враждебно, особенно в уездах. Ардатовский совет рабочих депутатов телеграфировал в Петроград, что ввиду назначения комиссарами председателей земских управ он арестует местного председателя земской управы как сторонника старого режима. Вообще аресты этих комиссаров были нередки: в Рязанской губернии двое из назначенных комиссаров предпочли лучше скрыться, нежели вступить в комиссарскую должность.

А как действовали эти комиссары на местах, показывает следующий пример. В деревне Котлы Ямбургского уезда население сместило старые сельские и волостные власти и избрало новое волостное правление и волостную сельскую милицию. Ямбургский уездный комиссар граф Сиверс послал бывшего земского начальника сообщить населению, что до Учредительного собрания должен оставаться старый волостной старшина. Если же народ на это не согласится, то старому старшине приказывалось закрыть кассу и уйти из волостного правления: «пусть, мол, народ со своим новым правлением что хочет, то и делает»[25]. Земские начальники вообще неохотно расставались со своими функциями по «опеке» над крестьянством. Например, земский начальник I участка Шлиссельбургского уезда Михелес отправил следующее послание шапкинскому волостному старшине: «Получив полномочия от Временного правительства на заведывание участком в качестве земского начальника, я приступаю к исполнению своих обязанностей». Первой своей обязанностью, по привычке, земский начальник счел знакомство с «настроениями народа». Он выразил желание «лично беседовать с населением волости», для чего предложил волостному старшине явиться к нему с докладом о положении. Выражая «надежду на единение» со старшиной, этот земский «печальник» заканчивал свое послание желанием «сообща с народом... дружно работать». Ответ он получил для себя весьма неожиданный: ему ответили, что население в его услугах совершенно не нуждается и сумеет само, без его опеки, устроить жизнь волости[26].

Временное правительство охотно приспособляло для работы не только земских начальников. Например, «заложник демократии» и министр юстиции Керенский, выступая в Москве перед мировыми судьями, этими избранниками московских домовладель-

[25] «Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации», т. I, ч. 1, стр. 28.
[26] Там же, стр. 33.

цев и фабрикантов, подчеркнул, что они «всегда действовали по совести и совершенно независимо», и выразил надежду, что и «коронный суд последует их примеру». К этому призыву царские судьи не остались глухи. II департамент правительствующего сената, этого хранилища высокопоставленных мумий из царских сановников, принял следующее постановление: «Высоко ценя восстановление Временным правительством законности и порядка в дорогом отечестве, определяет: согласно предложению министра юстиции приступить к занятиям и просить господина министра довести об изложенном до сведения Временного правительства». В то же время к этому «господину министру», именовавшему себя эсером, шли иные решения, революционных низов, наподобие, например, постановления совещания крестьянских ходоков 6 марта при Московском совете рабочих депутатов, в котором выставлялось требование: «Очистить страну от остатков старой власти; сместить земских начальников, полицию и пр... Переизбрать всех сельских и деревенских должностных лиц... Разбираться и с осмотрительностью относиться к перевертням, т. е. к слугам старого режима, многие из которых теперь вдруг стали за народ, а в своей прежней деятельности были народными угнетателями... Необходима организация деревенской милиции»[27]. Но Временное правительство меньше всего собиралось всерьез очищать государственный аппарат от остатков старой власти. Выполняя волю капиталистов, оно хотело «парламентарной буржуазной республики, т. е. такого государственного порядка, когда царя нет, но господство остается у капиталистов, управляющих страной посредством старых учреждений, именно: полиции, чиновников, постоянной армии»[28].

Борьба вокруг организации милиции особенно показательна в этом отношении. Для буржуазии вопрос сводился к тому, чтобы вместо назначенного Протопоповым исправника сидел назначенный князем Львовым комиссар, а вместо вымуштрованного для борьбы с революцией городового стоял милиционер из студентов или обывателей под командой помощников присяжных поверенных. Для революционных же рабочих вопрос шел о перемене системы, о создании нового типа организации охраны революционного порядка. Пролетариат был против полиции, «как особой, отдаленной от народа и противопоставленной ему организации вооруженных людей, находящихся под командой буржуазии»[29]. Поэтому Ленин в «Проекте платформы пролетарской партии» требовал «не дать восстановить полиции... привлечь организационные силы всего народа к созданию поголовной милиции — таковы задачи, которые пролетариат

[27] «Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации», т. I, ч. I, стр. 43.
[28] Ленин, т. XX, стр. 145.
[29] Там же, т. XX, стр. 36.

должен нести в массы в интересах охраны, упрочения и развития революции»[30].

Происходившая на местах между советами и органами Временного правительства борьба вокруг организации милиции была борьбой за то, в чьих руках будет государственный аппарат: революционные рабочие не хотели допустить восстановления под видом милиции прежней полиции, стремились «не дать восстановить полиции, не выпускать местных властей из своих рук, создавать действительно общенародную, поголовно всеобщую, руководимую пролетариатом милицию»[31].

Буржуазия в те дни еще не смела выступать открыто против таких лозунгов, ибо вооруженная сила была в руках рабочих и солдат, передача власти соглашателями в руки буржуазии еще не означала разоружения пролетариата, — последнее было следующей ступенью предательства меньшевиков и эсеров. Поэтому буржуазия ограничивалась пока полумерами: создавалась «народная милиция» с «выборным начальством», но подконтрольная местным органам самоуправления — цензовым городским думам и земствам, а самая организация милиции отрывалась от пролетарских организаций. Под видом «народной» создавалась милиция из буржуазных и мелкобуржуазных слоев, которую стремились постепенно перевести на положение старой полиции, вплоть до пополнения ее кадрами «лучших» полицейских. Недаром князь Львов дал согласие своим губернским комиссарам привлечь в милицию бывших полицейских, и петроградский градоначальник Юревич уже собирался проводить в жизнь это «укрепление» милиции[32]. Рядом же готовилась и работа по «чистке» милиции от элементов, ненадежных с точки зрения буржуазии. Министерство внутренних дел указало, что милиционеры петроградской милиции остаются на своих местах лишь до 1 июня, а дальше набор милиционеров будет производиться градоначальником в том же порядке, как раньше набиралась полиция. Направление этой «чистки» было отчетливо указано телефонограммой помощника начальника петроградской милиции Иванова о том, чтобы задерживать и обезоруживать милиционеров с повязкой «Н. М.» (народная милиция) вместо повязки «Г. М.» (городская милиция)[33]. Так конкретно буржуазия стремилась «искоренить» даже всякий намек на связь милиции с народом, с рабочим классом, подчеркивая «городской», т. е. буржуазный, характер новой милиции.

Естественно, что в регулируемой и организуемой таким образом милиции подлинного народа — рабочих и крестьян — было

---

[30] Ленин, т. XX, стр. 121.
[31] Там же, т. XX, стр. 36.
[32] См. А. Юрьев, Полиция или милиция, «Правда» № 28 от 9 (22) апреля 1917 г.
[33] «Правда» № 64 от 6 июня (24 мая) 1917 г.

немного. Большевики же требовали милиции, состоящей из рабочих и крестьян, которая бы стала рычагом вооружения и обучения военному делу всей массы трудящихся, стала бы школой обучения масс управлению, стала бы действительной силой против всяких реакционных поползновений буржуазии. Такая милиция была бы органом советов, находящимся в их распоряжении.

Свергая старую власть, революционные рабочие направили первый свой удар именно против полиции и жандармов. Устранение и арест полицейского аппарата старой власти, от губернаторов до городовых, были первым делом вновь возникших советов. Одновременно многие советы под давлением революционных рабочих принимались и за организацию милиции, иногда параллельно с органами самоуправления. Так, исполком Петроградского совета 7 марта принял постановление о возможности объединения рабочей милиции с общегородской при условии сохранения за советом права контроля за кандидатами в милиционеры, а также постановил о недопустимости участия в милиции городовых [34]. На первом собрании Саратовского совета рабочих депутатов 2 марта т. Калинин в своем выступлении заявил: «Вопрос о милиции важный. Милиция — передовой отряд защитников. Ни студенты, ни учащиеся не нужны для рабочих, поэтому милицию нужно подбирать исключительно из рабочих — только в крайнем случае из студентов. Общественный комитет постарается черпать из иного источника, в борьбе с ним опираться на армию нельзя» [35], так как в те дни роль командного состава в армии еще не была разоблачена перед солдатами в полной мере. 6 марта Саратовский совет принял положение о милиции совета. По этому положению «Саратовский совет рабочих депутатов для самоохраны народа и нормального течения жизни города организует из среды рабочих народную милицию». Бывшие полицейские во вновь организуемую милицию не допускались. После организации милиции советом она передавалась городскому исполнительному комитету общественных организаций, причем в каждом милицейском участке один из помощников участкового комиссара избирался из членов совета. Запись желающих поступить в милицию производилась заводскими комитетами. Окончательно списки милиционеров просматривались исполкомом совета, а затем передавались в распоряжение начальника милиции. Вооружение милиции производилось советом. Кроме того, советом на фабриках и заводах создавались для их охраны особые милиционные дружины, организуемые фавзабкомами и подчиненные начальнику дружины, избиравшемуся заводским комитетом [36].

[34] «Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов»: Протоколы заседаний, 1925 г., стр. 24.

[35] «Саратовский совет рабочих депутатов». Сборник документов, 1931 г., стр. 4

[36] Там же, стр. 8—9,

Таким образом, инициаторами разгона царского аппарата, инициаторами решительных мер против слуг старого режима выступают революционные рабочие и солдаты. Это наблюдалось повсюду. Московский совет 2 марта постановил предложить исполкому общественных организаций и военному совету арестовать всех высших агентов прежней правительственной власти. Точно так же Саратовский совет настоял перед городским исполнительным комитетом на аресте «наиболее вредных представителей старого строя»[37]. В Оренбурге первое столкновение между советом рабочих депутатов и «общественными организациями» произошло именно на почве ареста представителей старого режима. В Астрахани вопрос об аресте их был поставлен инициативной группой социал-демократов и эсеров, а представители местного самоуправления согласились на это лишь на следующий день[38].

Особо следует подчеркнуть, что советы на первых порах не остановились и перед репрессиями в отношении наиболее реакционной черносотенной печати. Петроградский совет воспретил выход таких газет, как «Земщина», «Голос Руси», «Колокол», «Русское знамя» и т. п., а также временно приостановил выход «Нового времени», которое пыталось выйти без предварительного разрешения исполнительного комитета[39].

Подводя итоги первым шагам рабочего класса в борьбе против государственного аппарата эксплоататоров, апрельская Всероссийская конференция большевиков отметила, что «в целом ряде провинциальных местностей революция идет вперед путем самочинной организации пролетариата и крестьянства в советах, самочинного устранения старых властей, создания пролетарской и крестьянской милиции... Этот рост революции в провинции вширь и вглубь, с одной стороны, является ростом движения к переходу всей власти к советам и к контролю самих рабочих и крестьян за производством, а с другой стороны, служит залогом подготовки во всероссийском масштабе сил для второго этапа революции, который должен передать всю государственную власть в руки советов или других органов, непосредственно выражающих волю большинства народа...»[40]

Этот разгон царских властей на местах не был еще ломкой старого государственного аппарата. Для слома государственной машины эксплоататоров нужна была пролетарская революция, переход государственной власти в руки советов. Но разгон наиболее реакционных частей этой государственной машины был необходимым этапом для подготовки слома всей машины. Элементы ломки госаппарата старого, эксплоататор-

[37] «Организация и строительство советов рабочих депутатов в 1917 г.», 1928 г., стр. 39.

[38] Там же, стр. 42—43.

[39] «Петроградский совет», стр. 14, 18, 34.

[40] «ВКП(б) в резолюциях», ч. 1, 1932, стр. 161.

226885

ского типа мы видим уже в февральские дни. Нет китайской стены между тем, что начали делать революционные рабочие, солдаты и крестьяне в февральские дни, и той ломкой государственного аппарата в Октябре, когда рабочие и крестьяне навсегда свергали господство капиталистов и помещиков, разбивали их государственную машину, по всей стране строили госаппарат нового, пролетарского типа—советский госаппарат, обладавший всей полнотою власти и ни с кем ее не деливший. Февральские дни были днями «короткого бурного успеха, когда создалась новая организация — организация советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», а за ними «последовали для нашей революции долгие месяцы переходного периода — периода, когда власть буржуазии, сразу подорванная советами, поддерживалась и укреплялась мелкобуржуазными соглашательскими партиями — меньшевиками и эсерами, поддерживавшими эту власть»[41]. Вот этот подрыв буржуазной государственной машины и заключал в себе уже элементы ломки старого госаппарата под ударами революционных масс. Но, чтобы возможным был слом всей государственной машины эксплоататоров, нужен был переход всей власти к советам. Это произошло лишь в Октябре. А в февральские дни, хотя революционные организации местами уже взяли в свои руки власть (Урал, Шлиссельбург), минуя так называемые «комитеты общественного спасения», но «призванный руководить революцией Петроградский исполнительный комитет беспомощно топчется на месте, отставая и отходя от масс, а кардинальный вопрос о взятии всей власти подменивает пустяковым вопросом о «кандидатурах» во Временное правительство. Отставая же от масс, исполнительный комитет отстает тем самым от революции, затрудняя ее поступательное движение»[42]. Поэтому пришлось нам пройти через «переходный период» буржуазной диктатуры, когда советы, руководимые меньшевиками и эсерами, были лишь придатками этой власти. Первые шаги по разбитию старой государственной машины тщательнейшим образом локализовались предателями революции, стремившимися в угоду буржуазии скорее восстановить первоначальное положение, т. е. неприкосновенность буржуазного госаппарата.

Главной опорой борьбы революционных рабочих и солдат против старого госаппарата могли быть только советы. Пролетариат, вооруженный опытом 1905 г., приступил к организации советов в процессе революционного восстания против царизма. Опыт 1905 г. способствовал быстрому возникновению советов по всей России. Это нашло свое характерное выражение в том, что инициаторами организации советов, рядом с большевиками, выступали и рабочие — участники революции 1905 г.

[41] Ленин, т. XXII, стр. 389.
[42] Сталин, Отставшие от революции. «Правда» № 48 от 17(4) мая 1917 г.

(например, в Одессе, Николаеве и др.). В иных случаях организаторами советов являлись представители Петроградского и Московского советов (например, в Петрозаводске совет рабочих депутатов был организован представителями Петроградского совета; в Орехово-Зуеве—Московского совета). Московский совет 3 марта принял постановление «послать делегатов от совета рабочих депутатов в промышленные центры для осведомления о событиях, для организации и постепенного установления связи» [43].

Подчеркивая опыт революции 1905 г., Ленин писал: «Революция 1905 г. чрезвычайно много сделала для политического обучения масс рабочих и крестьян как в смысле ознакомления их авангарда с «последним словом» социализма на Западе, так и в смысле революционного действия масс. Без такой «генеральной репетиции», как в 1905 г., революция в 1917 г., как буржуазная Февральская, так и пролетарская Октябрьская, были бы невозможны» [44]. На VII съезде партии Ленин указывал на все огромное значение организационного опыта масс в строительстве советов, как важнейшей предпосылки овладения государственной властью в Октябре и слома буржуазной государственной машины: «Если бы народное творчество русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 г., не создало советов еще в феврале 1917 г., то ни в каком случае они не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависел только от наличности уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы. Этой готовой формой явились Советы... и нам оставалось только несколькими декретами превратить власть Советов из того эмбрионального состояния, в котором она находилась в первые месяцы революции, в форму законно признанную, утвердившуюся в Российском государстве, — в Российскую республику» [45].

«Массы создали советы раньше даже, чем какая бы то ни была партия успела провозгласить этот лозунг» [46]. Быстрый рост советов явился и результатом не прекращавшейся ни на минуту революционной работы большевиков в массах. Та огромная организационная и пропагандистская работа, которую вела большевистская партия в царском подполье, цементировавшая революционный опыт рабочих масс, сказалась на творчестве народных масс, создававших свои советы в февральские дни. Поэтому в некоторых советах, несмотря на меньшевистско-эсеровское большинство в них, во главе советов становились большевики (т. Шаумян в Баку, т. Васильев-Южин в Саратове

---

[43] «Организация и строительство советов», стр. 19.
[44] Ленин, т. XXIV, стр. 250.
[45] Там же, т. XXII, стр. 315.
[46] Там же.

и т. п.). В Баку созданию советов предшествовал ряд митингов, на которых были избраны уполномоченные для производства выборов в совет. В Екатеринбурге совет был создан по прямой инициативе местного комитета РСДРП—большевиков, который немедленно по выходе из тюрьмы приступил к организации совета рабочих депутатов [47].

Советы возникли как органы победившего народа, как органы революционной власти. Петроградский совет в своем обращении к населению Петрограда и России, сообщая об организации 27 февраля совета рабочих депутатов, указывал, что «Совет рабочих депутатов.... ставит своей основной задачей организацию народных сил и борьбу за окончательное упрочение политической свободы и народного правления в России». Советы были тем органом, который обеспечивал рабочему классу и всем трудящимся невозможность восстановления старого строя.

«Для того, чтобы разбить старую власть, достаточно было временного союза восставших рабочих и солдат... Но для того, чтобы сохранить добытые права и развернуть дальше революцию, — для этого одного лишь временного союза рабочих и солдат отнюдь недостаточно.

Для этого необходимо союз сделать сознательным и прочным, длительным и устойчивым, достаточно устойчивым для того, чтобы противостоять провокаторским вылазкам контрреволюции. Ибо ясно для всех, что залог окончательной победы русской революции — в упрочении союза революционного рабочего с революционным солдатом.

Органами этого союза и являются советы рабочих и солдатских депутатов.

И чем теснее сплочены эти советы, чем крепче они организованы, тем действительнее выраженная в них революционная власть революционного народа, тем реальнее гарантии против контрреволюции.

Укрепить эти советы, сделать их повсеместными, связать их между собой во главе с Центральным советом рабочих и солдатских депутатов, как органом революционной власти народа, — вот в каком направлении должны работать революционные социал-демократы» [48]

Эта большевистская постановка вопроса была выражением линии на осуществление советами революционной диктатуры пролетариата и крестьянства как перехода к пролетарской революции и пролетарской диктатуре.

Хотя руководимые в большинстве случаев меньшевиками и

---

[47] «Организация и строительство советов», стр. 30—39

[48] Сталин, О советах рабочих и солдатских депутатов, «Правда» № 8 от 14 (27) марта 1917 г.

эсерами советы, начиная с Петрограда и Москвы, передавали власть и госаппарат в руки Временного правительства, этого органа буржуазной диктатуры, сила революционного натиска и классового недоверия и ненависти к носителям старого режима определила роль советов в этот период как органов власти революционного народа, начавших разбивать старую государственную машину вопреки своим оппортунистическим руководителям. Рабочие начали разбивать государственную машину царизма, смещая и арестуя полицию, вводя выборные комитеты солдат в армии, устраняя назначенцев-комиссаров и организуя контроль над работой чиновников. Арест наиболее ненавистных представителей старой власти — министров, губернаторов, жандармов и полицейских, разоружение полиции, разоружение отдельных лиц из командного состава воинских частей и т. д. — все это осуществлялось советами. Как правило, это делалось при прямом сопротивлении со стороны буржуазии и ее «социалистических» лакеев.

Чрезвычайно показателен в этом отношении знаменитый приказ № 1 по гарнизону Петроградского военного округа, изданный 1 марта Петроградским советом и затем повторенный 3 марта Московским советом. Этот приказ предлагал во всех воинских частях «немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов». В отношении политических выступлений воинские части должны были подчиняться Петроградскому совету и своим комитетам, приказы же военной комиссии Государственной думы должны были исполняться лишь при условии, что они не противоречат приказам и постановлениям совета. Всякого рода оружие передавалось в распоряжение и под контроль солдатских комитетов и не должно было «ни в коем случае выдаваться офицерам, даже по их требованиям». Вне строя солдаты должны были пользоваться всеми правами граждан. Отменялось титулование начальников и отдача чести вне службы [49]. Приказ № 1 вызвал целую бурю «негодования» среди буржуазии и царских генералов, отлично понимавших, что он подрывает основу их власти в армии. Перепуганные этим, соглашатели сразу пошли на ряд уступок и впоследствии даже отрекались от этого приказа. Уже 6 марта исполком Петроградского совета поторопился «разъяснить», что приказ этот относится лишь к Петроградскому гарнизону, на деле же приказ стал основой для демократизации всей армии.

Приказ № 1 был встречен в штыки всей буржуазией потому, что он был началом р а з р у ш е н и я с т а р о й а р м и и, как решающей силы госаппарата, построенной так, чтобы была обеспечена ее враждебность народу. В то же время приказ был горячо воспринят солдатами, вышедшими на улицу вместе с рево-

[49] Приказ № 1 опубликован в «Правде» № 2 от 1 (20) марта 1917 г.

люционными рабочими и почувствовавшими с небывалой до того ясностью в командном составе армии своих исконных врагов: солдаты были рабочими и крестьянами в шинели, офицеры были помещиками и буржуазией в военной форме. Революция сразу обнажила эти классовые противоречия внутри армии, которые тем быстрее и глубже накоплялись, чем больше мобилизации меняли кадровый состав армии, чем меньше в ней оставалось места для той казарменной муштры, которая в мирное время должна была «аполитизировать» солдата, превращать его в автомат. Приказ № 1 оформлял это расслоение армии: он брал упор на создание солдатских организаций, связанных с рабочими организациями — советами. Под контроль солдатских комитетов и советов бралось офицерство, эта помещичье-буржуазная верхушка армии.

Вновь образовавшиеся советы одной из первых своих задач поставили организацию представительства солдат в советах (об этом говорилось и в приказе № 1) или создание самостоятельных советов солдатских депутатов, как и организацию трудящихся вообще. Выступая на заседании Саратовского совета, его председатель т. Васильев, например, так определял ближайшие задачи совета: а) организация рабочих и солдат в советах, б) организация средних слоев вокруг вопросов продовольствия, в) организация крестьян в комитетах [50]. Это была большевистская постановка организационного вопроса в революции.

В те же дни «Правда» писала о ближайших организационных задачах для закрепления власти в руках органов революционного народа: «В интересах пролетариата и крестьянства, чтобы движение в крестьянстве и в армии приняло искательные * и организационные формы... Временное правительство противится организации армии на началах самоуправления и оставляет ее в руках старых начальников. Революционеры должны сменить старых начальников и организовать всю армию на демократических началах... Временное правительство, сменив губернаторов, назначило на их место председателей дворянских земских управ; оно оставляет деревню до сих пор под властью помещика и земского начальника и не дает ей организоваться. Лозунгом революции должна быть смена старых властей в деревне. Организованное крестьянство должно взять на местах власть в свои руки. Урядники, земские и прочие органы старой власти должны быть арестованы и обезоружены. Крестьяне должны образовать на местах свои, революционные крестьянские комитеты и передать власть в руки этих комитетов. И в городе старая власть должна быть заменена новою. На место власти, назначаемой сверху Вре-

[50] «Саратовский совет», стр. 7.
* Так сказано в оригинале.

менным правительством, и в городе должна вырасти новая власть, вышедшая из недр городской демократии. Итак, замена властей, назначенных сверху, властями, созданными снизу революционной городской демократией, революционной армией, революционным крестьянством, демократическое самоуправление в армии, в деревне и в городе»[51].

Эта статья отчетливо показывала линии борьбы за принципы реорганизации госаппарата царской России. Линия революционная, линия большевиков — на ломку госаппарата и замену его советами и др. организациями трудящихся, на переход к государственной власти советов, к диктатуре пролетариата. Линия контрреволюционная, линия буржуазии — на максимальное сохранение старого госаппарата в неприкосновенности, на минимальные передвижки людей в этом аппарате. И между ними болтающаяся, беспринципная — не линия, а зигзаги социал-соглашателей, подталкиваемых революционной массой на санкционирование отдельных шагов к ломке старой государственной машины, но трусливо оглядывающихся на буржуазию и, в конце концов, последовательно проводящих только ее контрреволюционную линию.

Советы рабочих депутатов в большинстве случаев соединялись с советами солдатских депутатов в объединенный совет рабочих и солдатских депутатов. В Петрограде это соединение произошло сразу: представители воинских частей избирались непосредственно в совет рабочих депутатов. В первом же воззвании к населению Исполнительный комитет Петроградского совета предложил «всем перешедшим на сторону народа войскам немедленно выбрать своих делегатов по одному на тысячу». В Москве объединение несколько затянулось. Здесь обычно происходили общие пленарные заседания обоих советов, имевших отдельные исполнительные органы. Та же картина наблюдалась и в провинциальных городах. В одних объединение происходило быстрее или вообще сразу создавалась единая организация, в других — затягивалось. Причина лежала, во-первых, в большей или меньшей степени влияния командного состава, противившегося объединению, чтобы изолировать солдат от революционного воздействия рабочих депутатов; во-вторых — в меньшевистском саботаже этого объединения, как утверждения пролетарского руководства непролетарскими трудовыми массами, из боязни подкрепления революционных рабочих массой революционных солдат. Но революционное сознание рабочих преодолевало этот саботаж, а реакционная роль командного состава становилась все более ясной; поэтому уже в течение первых двух месяцев почти повсеместно произошло соединение советов рабочих и солдатских депутатов, инициатарами которого, как правило, выступали советы рабочих депутатов.

[51] «Правда» № 6 от 11 (24) марта 1917 г.

Необходимо отметить также и попытки организации буржуазных элементов армии в форме советов офицерских депутатов. Эти «советы», выступая под советским знаменем, спекулируя на популярности советов, играли явно реакционную роль, объединяя вокруг себя шовинистические и контрреволюционные элементы офицерства, пытавшиеся бороться с советами рабочих депутатов за влияние на советы солдатских депутатов. Сущность этих «советов» была показана постановлением пленума Московского совета от 23 апреля, в котором говорилось, что «совет рабочих депутатов и совет солдатских депутатов есть единая пролетарско-крестьянская организация, стоящая на-страже завоеванных революционным народом прав», тогда как «совет офицерских депутатов в большинстве своем представляет организацию привилегированных классов, а потому предложение о слиянии совета солдатских и совета офицерских депутатов совершенно неприемлемо. Общее собрание считает, что солдаты имеют право выбирать в совет солдатских депутатов и офицеров, достойных их доверия и отстаивающих интересы солдат, рабочих и крестьян» [52].

Общий совет рабочих и солдатских депутатов означал, что рабочие руководят солдатами. Он обеспечивал руководящую роль пролетариата в союзе с одетыми в солдатские шинели крестьянами для совместной борьбы против буржуазии. Меньшевики, рассматривавшие советы как временные представительные органы, а не как органы революционной борьбы за власть, обычно выступали против слияния советов, прикрывая свою предательскую тактику требованием «чистоты» пролетарского состава советов, на деле означавшей организационную изоляцию солдат от рабочих. Очень показательны прения по этому вопросу на Московском областном бюро советов 14 апреля. Докладчик Эмдин прямо выставил тезис, что «состав совета рабочих депутатов должен быть строго классовым, и потому организационно советы рабочих депутатов не должны сливаться с другими организациями революционной демократии — ССД, СКД, а между ними должен быть создан лишь теснейший контакт». Герои «контакта» жаждали «контакта» и с буржуазией во Временном правительстве и с революционной демократией; они лишь не хотели совместной революционной борьбы рабочих и солдат против буржуазии. Эмдин был горячо поддержан меньшевиком Исувом, указавшим на «классовый характер организаций СРД и необходимость соблюдения их классового состава» [53]. Спекулируя на «чистоте» прин-

[52] «Организация и строительство советов», стр. 104.

[53] Там же, стр. 123—124, 126. Контрреволюционность меньшевиков и эсеров сказалась не только в этом раскалывании рабочих и солдат-крестьян, но и в том, что когда объединенные советы Р. и СД. все же образовывались, то меньшевики и эсеры взяли курс на увеличение солдатского (в основном — крестьянского) представительства при сокращении пролетарского.

ципов, на охране «классовых» позиций пролетариата, меньшевики вели предательскую линию изоляции рабочих от крестьянства, подменяя подготовку к борьбе за дальнейшее развитие революции и против консолидации контрреволюционных сил игрой в представительство и «контакт».

Соратники меньшевиков по союзу с буржуазией и предательству революции, эсеры, вели ту же линию в советах крестьянских депутатов. Боясь революционизирующего пролетарского влияния на крестьян, они решительно боролись против установления организационных связей между советами рабочих и советами крестьянских депутатов, выступая с теми же рассуждениями о «чистоте» крестьянских организаций. В результате этого, как правило, советы крестьянских депутатов существовали обособленно от советов рабочих депутатов. Крестьянские советы организовались позднее общей организации советов, тем не менее и здесь руководящая роль рабочих в ряде случаев преодолевала меньшевистско-эсеровский саботаж, и советы рабочих депутатов выступали организаторами объединения трудового крестьянства. Так например, Московское областное бюро советов в начале мая приняло постановление о необходимости политического объединения трудового крестьянства, указав как наилучшую форму — советы крестьянских депутатов, организационно тесно связанные с советами рабочих и солдатских депутатов[54]. С этой целью была специально организована крестьянская секция для организации работы в деревне. Но советы крестьянских депутатов на местах возникали уже до этого: так, Московский уездный совет крестьянских депутатов начал работать уже с апреля, немедленно приступив к организации советов в волостях. В отличие от волостных комитетов, созданных в первые дни революции, советы крестьянских депутатов должны были выражать интересы не всего населения волости, а только трудового крестьянства.

Крестьянство организовалось в советы с помощью рабочих. Это видно из приведенного выше постановления Московского областного бюро советов. Характерно, например, что первое организационное заседание совета крестьянских депутатов в Наро-Фоминске происходило на фабрике Цинделя[55] В Оренбурге совет рабочих депутатов сразу же поставил вопрос об организации крестьян на местах и командировал для этой работы своих представителей в деревню[56] Вообще же вопрос об организации крестьянства привлекал больше внимания в тех советах, где значительной была роль большевиков Там же, где царили меньшевики или эсеры, этому вопросу значения не придавалось.

---

[54] «Советы крестьянских депутатов», стр. 55—56.
[55] Там же, стр. 56.
[56] «Организация и строительство советов», стр. 43.

Как в городе советы начали разбивать аппарат царской власти, так и в деревне начинался тот же процесс. Большевики призывали крестьян к решительным действиям против старой власти в деревне. «Правда» писала: «Одна из первых и главных задач волостных и уездных крестьянских комитетов — произвести полную чистку старой власти в деревне... Как бы ни кричали крепостники, но неумолимые законы революции заставят и крестьянские комитеты итти тем путем, по которому идут рабочие комитеты, т. е. помимо политического захвата власти делать захваты и в области экономики. В области политики крестьянские комитеты, чтобы усилить свою мощь и значение, должны сейчас же, после очистки своего района от старой власти, сами приступить к занятию всех ответственных постов своими эмиссарами, всецело подчиненными распоряжениям местного крестьянского комитета, вооружить хоть часть крестьянства, организовать губернский крестьянский комитет»[57].

Вслед за советами в городах на революционный путь вступало и крестьянство. Сбрасываются с мест и арестуются наиболее ненавистные представители царского произвола на селе — урядники и стражники, становые пристава и земские начальники. Крестьянство заявляло: «Чиновников нам никаких не нужно. Поддержание порядка, сбор податей, местное образование, агрономическую и медицинскую помощь, управление лесами и все прочее мы берем на себя, и кто может сомневаться, что сумеем достигнуть лучших результатов, чем старое центральное правительство». Так, например, говорится в обращении Хреновского общинного исполнительного комитета Воронежской губернии[58]. Снимаются и кулацкие ставленники, холопы земских начальников — волостные старшины и сельские старосты, разгоняются волостные и сельские правления, эти, по выражению Ленина, «низшие полицейские должности» царской России.

Возникают различные волостные, народные, общинные и т. п. комитеты. Так, в Ивановской волости Шлиссельбургского уезда избирается народный комитет для «охранения общественной безопасности и снабжения населения волости продуктами первой необходимости». Этот комитет берет в свое ведение все отрасли хозяйства на территории волости, включая и удельное ведомство. Точно так же в Шапкинской волости того же уезда создается народный комитет для «заведывания делами волости»; в его составе организуются комиссии — продовольственная, финансовая, судебная, милиционная, ревизионная. В дер. Сковородке Лужского уезда избирается волостной совет, первым делом приступающий к организации волостной милиции[59] В кре-

---

[57] М. Калинин, Революция и деревня. «Правда» № 19 от 28 марта (10 апреля) 1917 г. Разрядка моя.—*В. У.*

[58] «Правда» № 23 от 1(14) апреля 1917 г.

[59] «Советы крестьянских депутатов», стр. 27—28.

стьянских губерниях, в районах со слабо развитой промышленностью, крестьянские комитеты превращались в целую систему органов крестьянского управления.

В центре это вызывало огромное недовольство. Министерство внутренних дел изо всех сил старалось затормозить этот шедший снизу процесс смены полицейско-административной власти на селе.

Но острота классовых противоречий, помещичья кабала, безудержный произвол урядников и земских начальников объединяли деревню в ее ненависти к наиболее нетерпимым остаткам царизма и крепостничества.

В Самарской губ., например, крестьянский съезд принял специальное постановление об организации комитетов народной власти. Эти комитеты носили еще кулацкий характер, но под стихийным давлением крестьянской вражды к царизму они брались за разгон старого административного аппарата в деревне. И в то же время эти комитеты решительно стали на защиту частной собственности: «Частная собственность, личные и имущественные права частных лиц твердо и властно должны быть ограждены местными комитетами от всяких самовольных посягательств» — постановил съезд. Сменялись все полицейские власти села — их функции передавались волостным, районным и уездным комитетам народной власти. Всем остальным чиновникам предлагалось продолжать работу, а для «примирения их с новыми требованиями жизни» комитетам разрешалось брать их под «общественный контроль». Вся эта организация строилась отнюдь не как классовая организация трудового крестьянства, а как организация всего населения, на основе демократических выборов. Каков был состав съезда, ярко характеризует такой, например, факт, когда предложение представителя Дергачевского района для изыскания средств для местного бюджета «реквизировать у состоятельных лиц деньги, оставив им на прожитие, как это делается с хлебом», было встречено... смехом. Тот же съезд, рассматривая вопрос о земельных волнениях в с. Черебаевке, возникших на почве малоземелья, постановил «черебаевцев пригласить к порядку и спокойствию». Так выглядело лицо новой «демократической» власти, вынужденной сделать известные шаги по разбитию старой бюрократической машины, но требовавшей «твердой и властной» защиты частной собственности, в том числе и помещичьей [60].

Примерно так же организовалась новая власть в Курганском уезде Тобольской губ. Основные положения ее организации были приняты съездом представителей 1800 кооперативов. Здесь тоже было постановлено сменить старый административный аппарат в деревне. Но здесь стремились сохранить старые фор-

---

[60] Материалы этого съезда см. «Советы Крестьянских депутатов», стр. 99—100.

мы крестьянского управления, закрепив их в руках местного кулачья; поэтому, например, на должности волостных старшин и сельских старост были проведены демократические выборы, а самые должности, как и волостные и сельские правления, были сохранены.

Бедняцко-батрацкие, а отчасти и середняцкие слои не могли долго мириться с этой перелицовкой эксплоататорской власти. В то же время посланные горсоветами в деревню агитаторы и организаторы и возвращавшиеся из армии солдаты с опытом советской и комитетской работы организовали маломощных крестьян на борьбу с кулацким и интеллигентско-чиновничьим составом разных комитетов «народной власти». И вскоре можно было прочесть такое донесение одного из уездных комиссаров Пензенской губернии: «В марте образовались повсеместно сельские, волостные и уездные комитеты, которые по составу своему были довольно удовлетворительные, так как туда входили интеллигентные силы, которые получили даже руководящие роли. Однако, с начала апреля общим ходом событий, а также с появлением различных агитаторов и возвращением амнистированных картина стала резко меняться: линия, принятая комитетами, стала не удовлетворять и вызывать недовольство, почему состав стал меняться, и начали избираться крикуны и демагогические элементы, а поэтому, — приходит к заключению комиссар, — комитеты оказались в большинстве случаев совершенно не деловитыми и не работоспособными» [61].

Так начинался переход от «смеха» к потере своих позиций в деревне, к банкротству линии на руководство «интеллигентных сил», так как их деятельность по «твердой и властной» защите помещиков и кулаков явно не удовлетворяла деревенскую бедноту, ждавшую от революции прежде всего не «спокойствия и порядка», а выхода из своей тяжелой кабальной жизни. Терявшим свое влияние «демократическим» поборникам частной собственности оставалось искать утешения в «неработоспособности» местных комитетов, когда последние стремились к революционному решению поставленных революцией задач.

II. КУРС СОЦИАЛ-СОГЛАШАТЕЛЕЙ НА «ДЕМОКРАТИЗАЦИЮ»

Стремясь удержать в своих руках власть, буржуазия изо всех сил старалась быстрее подавить революционную энергию рабочих и крестьян. Для этого она пыталась сохранить старые основы госаппарата, борясь всеми методами на первом этапе главным образом клеветой и обвинениями в «анархии» и «самочинных действиях» против начатого в феврале разрушения аппа-

[61] «Вестник Временного правительства» № 84 за 1917 г.

рата буржуазно-помещичьей власти путем уничтожения старой полиции. В этом деле буржуазии со всем усердием помогали меньшевики и эсеры, вручившие власть Временному правительству, а на местах — местным «демократическим» организациям, различным исполнительным комитетам «общественных организаций», заботливо обеспечивая в них большинство за представителями буржуазии. Если же власть вручить было некому, то меньшевики и эсеры доходили до того, что руководимые ими советы сами организовали такие комитеты «общественных организаций», чтобы затем передать власть им.

Эти общественные исполнительные комитеты создавались на основе представительства от самых различных местных организаций, но обязательно с преобладанием буржуазных и мелкобуржуазных элементов. Так, в составе Уфимского комитета мы находим представителей земства, городского самоуправления, сословных обществ (дворянства, купечества, мещанства), крестьянских организаций, сельских кооперативов, рабочих организаций (под последними подразумевались и советы рабочих депутатов), а также представителей уездных комитетов. Орловский губернский комитет составлялся на основе паритетного представительства (по одной трети от каждой группы) от советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, земств, городских и уездных комитетов общественной безопасности. Внутри самих исполнительных комитетов шла борьба между буржуазными и революционно-демократическими группами, причем последние отстаивали принципы выборности и коллегиальности в организации как комитетов так и их исполнительных органов. Как правило, везде побеждал принцип выборности комиссаров (с апреля Временное правительство было вынуждено примириться с этим принципом и согласиться на утверждение избранных местами комиссаров вместо их назначения сверху). В то же время, стремясь обеспечить большинство за буржуазными элементами, многие исполнительные комитеты ограничивали представительство советов, не смея, однако, возражать против такого представительства вообще. Вопрос об удельном весе советского представительства был одним из наиболее частых поводов к конфликтам между исполнительными комитетами общественных организаций и советами. Водораздел между этими организациями неплохо подчеркнул самарский делегат Дерябин на Поволжском областном съезде советов, указав, что «городской комитет с первых же дней вступил на путь успокоения, тогда как СРД повел политику широкой демократизации» [1]. Председатель Саратовского совета в одном из первых заседаний совета указывал, «как трудно работать в городском исполнительном комитете», оценивая его линию как «трусливую» [2].

[1] «Организация и строительство советов», стр. 45,
[2] «Саратовский совет», стр. 7.

Если большевики брали упор на укрепление советов как органов революционной власти, то оппортунисты рассматривали советы преимущественно как органы контроля и представительства, суживая рамки их работы под лозунгами охраны «чистоты» их классовой организации и сводя эту работу к представительству в различных исполнительных комитетах общественных организаций и местных самоуправлениях. А в качестве органов власти оппортунисты стремились утвердить именно эти исполнительные комитеты и местные самоуправления. Все это громко именовалось «демократизацией» местного управления и самоуправления.

В проведении политики «демократизаций» соглашатели опирались на цензовые городские и земские самоуправления. Они хотели разбавить их демократической водицей, чтобы привести городские думы домовладельцев и купцов разных гильдий и земские собрания помещиков и кулаков в соответствие с демократическими декларациями Временного правительства и своими собственными. Вторым этапом этой «демократизации» должны были стать выборы новых органов местного самоуправления на основе четырехвостки, которые и должны были, по мысли меньшевиков и эсеров, олицетворять собою местную власть. Вопрос о замене чиновничье-полицейского аппарата аппаратом революционного народа оставлялся в стороне, как не ставился и вопрос о самых принципах построения госаппарата. Рассматривая Февральскую революцию как буржуазную и стремясь поскорее закончить «революционную» перестройку, меньшевики и эсеры считали выборы самоуправления на демократических основах юридическим выражением завершенности революции и переходом к «нормальному» демократическому строю буржуазной республики.

Для большевиков политика демократизации органов местного управления и самоуправления была средством организации широких масс трудящихся на борьбу против буржуазной диктатуры. Своей задачей большевики ставили организацию масс для «полной победы следующего этапа революции и завоевания власти рабочим правительством», как писал Ленин в набросках тезисов 17 марта 1917 г.[3]. Ленин указывал, что февральская победа — это лишь «первая, далеко еще не полная, победа на своем великом пути», что рабочий класс должен «продолжать борьбу за завоевание демократической республики и социализма»[4].

В этих целях пролетариат должен был использовать ту относительную свободу, которой он добился при режиме Временного правительства сравнительно с царизмом. Поэтому для большевиков демократизация была лишь условием, облегчающим

[3] Ленин, т. XX, стр. 14.
[4] Там же.

организацию масс и борьбу за победу пролетарской революции, но ни в какой степени не являлась самоцелью, как это было для оппортунистов, стремившихся на путях демократизации уйти от пролетарской революции. Большевики рассматривали демократизацию управления, как одно из условий борьбы за расширение отвоеванной у помещиков и буржуазии свободы, дающей возможность осведомления самых широких масс населения и организации их»[5].

Но опорой осуществления демократизации управления большевики считали не цензовые самоуправления а советы и вооружение рабочих. Большевики переносили формы и методы действия пролетарских организаций в армию и в деревню; в последней, в частности как особую задачу, ставили организацию сельскохозяйственных наемных рабочих. Такова была пролетарская программа борьбы за демократизацию, в которой невозможны были никакие компромиссы, никакие соглашения с меньшевиками и эсерами, стоявшими на позициях буржуазной демократии. Как первый этап осуществления демократизации большевики требовали выборности командного состава в армии, немедленных демократических выборов в местные самоуправления и отмены всех ограничений прав последнего, упразднения всех чиновников, назначаемых центром для надзора за местным самоуправлением и т. д., а для создания условий, максимально благоприятствующих организации масс, требовали предоставления всех государственных и общественных зданий под митинги и собрания трудящихся.

Большевики понимали борьбу за демократизацию как борьбу «против восстановления полиции, против несменяемого и привилегированного чиновничества, против отделенной от народа армии»[6].

Поэтому для наиболее полного выражения демократизации (в целях осуществления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, — для создания предпосылок перехода к диктатуре пролетариата) большевики считали необходимым добиваться такого положения, при котором государством управляли бы «не полиция, не чиновники, безответственные перед народом, стоящие над народом, не постоянная армия, отрезанная от народа, а сам вооруженный поголовно народ, объединенный советами»[7]. Такова была большевистская программа демократизации как подготовки перехода к диктатуре пролетариата. Именно в коренной перестройке аппарата, а не в политических верхушечных комбинациях видели большевики путь к переходу от буржуазной дик-

---

[5] Ленин, т. XX, стр. 11.
[6] Там же, стр. 121.
[7] Там же, стр. 145.

татуры к государству нового типа, от буржуазной демократии к демократии пролетарской.

Разоблачая «левую» фразу оппортунистов, выдвигавших лозунг создания правительства из партий советского большинства, однако, «при сохранении в неприкосновенности всего старого аппарата правительственной власти, аппарата насквозь чиновничьего, насквозь недемократического, неспособного провести серьезные реформы, которые в программах даже эсеров и меньшевиков значатся» [8], Ленин указывал, что «власть советам» — «это значит радикальная переделка всего старого госаппарата, этого чиновничьего аппарата, тормозящего все демократическое, устранение этого аппарата и замена его новым, народным, т. е. истинно-демократическим аппаратом советов, т. е. организованного и вооруженного большинства народа, рабочих, солдат, крестьян, предоставление почина и самостоятельности большинству народа не только в выборе депутатов, но и в управлении государством, в осуществлении реформ и преобразований» [9] Только так могла быть обеспечена такая система управления, при которой реальная власть находилась бы в руках революционного народа, а не контрреволюционного чиновничества, руководимого и направляемого буржуазией. Только это и могло быть подлинной демократизацией. Но тогдашние руководители большинства советов — эсеры и меньшевики — ни в какой мере не были способны на проведение такой демократизации. Наоборот, они всячески старались все попытки реформировать местное управление и самоуправление направить в буржуазно-демократическое русло

Застрельщиками демократизации органов местного управления и самоуправления на первых порах выступают советы Иногда советы становились на путь роспуска цензовых городских дум. Так, в Оренбурге совет распустил городскую думу на почве конфликта из-за организации милиции [10] Точно так же Московский совет предложил распустить Городскую думу, как «орган, не пользующийся доверием населения и представляющий интересы только узкого круга лиц» [11]. Московская областная конференция советов 27 марта поставила вопрос о реорганизации органов временного революционного управления на началах демократических выборов, после чего цензовые самоуправления подлежали упразднению.

Демократизация обычно происходила в форме пополнения цензового состава дум представителями демократических организаций. Так, в Тамбове, например, в Городскую думу было довыбрано 100% гласных от демократических групп населения.

---

[8] Ленин, т. XXI, стр. 143
[9] Там же, стр. 143—144.
[10] См. «Организация и строительство советов», стр. 44.
[11] Там же, стр. 110.

В Баку состав думы был пополнен представителями от совета рабочих и военных депутатов в количестве, равном количеству гласных.

Как правило, представительство советов при демократическом пополнении цензовых дум было ведущим. Например, в Екатеринославе Городская дума была пополнена следующим представительством: от украинцев — 1, от служащих правительственных учреждений — 3, от городских служащих — 1, от железнодорожников — 1, от духовенства — 1, от еврейского общества — 10, от совета рабочих депутатов — 25, от совета солдатских депутатов — 30. Эти цифры, которые указывают на ведущую роль советского представительства, вместе с тем характерны выявлением половинчатости такой демократизации, при которой железнодорожникам предоставлялось одно место, как и духовенству, а представительство украинцев оказалось втрое меньше, чем представительство царских чиновников. В Саратове демократизация думы проходила под давлением совета, создавшего специальную контрольную комиссию над ее деятельностью до реорганизации думы «на демократических началах» [12]. Нередки были случаи попыток цензовых элементов отстоять свои позиции в местном самоуправлении, и если демократизация и осуществлялась, то лишь потому, что реальная сила была на стороне советов. Борьба цензовиков за сохранение своих позиций прежде всего выражалась в спорах о представительстве. Саратовский совет, например, вынужден был признать принятый Городской думой проект реорганизации городского самоуправления «заведомо антидемократическим, так как представители действительной демократии включаются в думу совершенно в ничтожном количестве» [13]. Там же, где авторитет совета был слаб, демократизация вообще носила смехотворный характер. В Уфе, например, не совет, а губернский комитет общественных организаций послал для «демократизации» Городской думы 10 представителей с совещательным голосом.

Такой же была и демократизация земства. Примерный наказ I всероссийского съезда крестьянских депутатов предлагал до избрания нового земства на демократической основе пополнить цензовое земство представителями всего населения [14]. Но на местах нередко становились на путь разгона цензового земства. Так, в Бронницком уезде Московской губ. земское собрание было заменено уездным исполнительным комитетом, а к трем членам земской управы было добавлено еще девять человек, по три представителя от советов, Исполнительного комитета и земских служащих [15]. В Вологодской губ., по

[12] «Организация и строительство советов», стр. 40.
[13] Там же, стр. 114.
[14] См. «Советы крестьянских депутатов», стр. 155.
[15] Там же, стр. 59.

требованию населения, состав земских управ был смещен в четырех уездах. В иных случаях смещение земских управ производилось самим демократизированным земским собранием; так было, например, в Черноярском уезде Астраханской губ., в Костромской губ. и т. д. В Новгородской губ. состав губернского земского собрания был пополнен представителями от каждой волости, от городов и крупных поселков и от кооперации [16]. Точно так же Киевский областной съезд советов 26 апреля постановил пополнить городские и земские самоуправления представителями демократических организаций, призывая «послать в городские думы стойких борцов за интересы рабочей демократии». Одновременно съезд констатировал «полную несостоятельность домовладельческих городских дум и дворянско-помещичьих земских собраний, приведших местное хозяйство своей сословно-классовой политикой к полному разложению» [17].

Характерным примером того, как буржуазия и Временное правительство шли на демократизацию, является демократизация петроградского уездного земства. В апреле в Петроградском уезде началось организационное оформление крестьянских органов управления. Наряду с волостными комитетами был организован уездный совет крестьянских депутатов, объединившийся с другими советскими организациями. Был создан уездный комитет крестьянских и рабочих депутатов, в который вошли также и представители солдат. В июне этот уездный комитет состоял из 34 представителей волостных комитетов, 17 членов совета крестьянских депутатов, 17 представителей советов рабочих и солдатских депутатов уезда, 24 представителей рабочих поселков и 12 представителей дачных поселков. Этот уездный комитет постановил заменить цензовое земство земством, избранным демократическими выборами. Но Временное правительство согласилось лишь на 100-процентное пополнение существующего цензового земского собрания представителями общественных организаций. Линию Временного правительства поддержали и соглашательские руководители Исполнительного комитета с.-р. и с.-д. Тогда уездный комитет, руководимый большевиками, объявил себя земским собранием и избрал новую земскую управу. Под давлением населения Временное правительство пошло на уступки и вынуждено было согласиться с демократизацией петроградского земства В буржуазной печати за эту «самочинность» демократизированное земство было прозвано «Республикой Петроградского уезда» [18].

Советы боролись также и за демократизацию местных органов управления в лице различных комитетов обществен-

[16] См. «Волостное земство» № 8 за 1917 г., стр. 241—242.
[17] «Организация и строительство советов», стр. 115.
[18] «Правда» № 73 от 17(4) июня 1917 г.

ных организаций. Тот же Киевский областной съезд советов требовал, чтобы исполнительные комитеты общественных организаций были не органами правительства, а представителями «революционно-демократических сил данного места». Съезд призывал советы к активному участию в этих комитетах, добиваясь, чтобы в них «сила и мощь (советов.—*В. У.*) была бы соответственно представлена» [19]. Одновременно съезд указывал и на необходимость представительства политически организованного крестьянства и сельских рабочих. Точно так же Поволжский областной съезд советов предлагал принять самое активное участие в работе общественных исполнительных комитетов. Наряду с этим, например, Саратовский совет принимал активное участие во всех комиссариатах, по его инициативе было создано продовольственное совещание и т. п. Харьковская губернская конференция советов признала необходимой организацию губернского комитета общественных организаций на паритетных началах, поровну от: а) крестьян, б) рабочих и солдат, в) цензовых элементов.

Но это была половинчатая демократизация. Она затрагивала верхушку местного управления и самоуправления, до известной степени развертывала представительство советов, но в то же время ставила своей целью локализовать развитие советов, сохраняя их пока как представительные органы. Эта демократизация не ставила всерьез задачи укрепления советов и создания подлинной власти революционного народа на местах. Поэтому всегда, когда советы выступали на местах как власть, Временное правительство и поддерживавшие его меньшевики и эсеры принимали немедленно все меры к тому, чтобы этому воспрепятствовать. Мы не говорим уже о дружном хоре кадетской и меньшевистско-эсеровской печати, единодушно травившей такие советы, как Кронштадтский или Царицынский, которые были наиболее типичными выразителями революционной власти на местах. Подоплеку этого ревнивого отношения центральной власти ко всяким проявлениям власти со стороны местных советов разоблачил Ленин, говоря о конфликте Временного правительства с Енисейским советом, отказавшимся принять и допустить к работе назначенных правительством чиновников: «гг. представители помещиков и капиталистов, заседающие во Временном правительстве, непременно хотят сохранить старый, царистский аппарат управления — сверху «назначаемое» чиновничество» [20]. Ленин призывал рабочих и крестьян «бороться против замашек Временного правительства восстановить монархические, царистские приемы и аппараты управления» и не забывать, что «сверху «назначаемое» — для «руководства» мест-

[19] «Организация и строительство советов», стр. 115—116.
[20] Ленин, т. XX, стр. 315.

ным населением — чиновничество всегда было и всегда будет вернейшим залогом восстановления монархии, таким же, как постоянная армия и полиция»[21].

И рабочие и крестьяне это сознавали. Они не хотели передать организацию местного самоуправления целиком в руки чиновников правительства или цензовых дум и земств. Во многих случаях советы активно участвовали в проведении выборов в органы самоуправления. Уральский областной съезд советов прямо указывал, что, «не доверяя старым цензовым органам самоуправления, советы должны принять самое горячее участие в организации и контроле над выборами», призывая одновременно советы принять участие и во временных местных самоуправлениях[22]. Примерно, такие же постановления приняли Харьковская губернская конференция советов и Екатеринославский губернский съезд советов[23]. Последний предлагал советам на местах организовать советские комиссии по выборам в земство, а также создать в волостях и селах избирательные комиссии из представителей союзов сельскохозяйственных рабочих, а где их нет, из «известных совету крестьян, солдат и рабочих».

Если большевики ставили вопрос о создании такого госаппарата, который прямо опирался бы на вооруженную силу народа, который сам был бы этой вооруженной силой, то соглашатели, временно опираясь на советы в проведении своей политики «демократизации», держали курс на буржуазно-демократическую реформу самоуправления. Большевики видели фундамент нового строя в революционной власти советов. Соглашатели искали этот фундамент в демократическом самоуправлении. I всероссийский съезд советов крестьянских депутатов так и отвечал на этот вопрос: «Только широкое местное самоуправление на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права с закрытой подачей голосов может создать прочный фундамент для демократической республики в России»[24].

Поэтому демократические органы самоуправления противопоставлялись советам и другим революционным организациям в городе и деревне.

В чем был классовый смысл этого противопоставления, чьим органом власти на деле были демократические самоуправления, показывает пример волостного земства, этой первичной единицы местного самоуправления в деревне по замыслу Временного правительства. Именно волостное земство и рекламировалось, прежде всего, как «прочный фундамент» демократической республики.

[21] Ленин, т. XX, стр. 315, 316.
[22] «Организация и строительство советов», стр. 348.
[23] Там же, стр. 274—276.
[24] «Советы крестьянских депутатов», стр. 148.

Что же это был за фундамент? Вот какую характеристику целей введения волостного земства мы находим у его апологетов: «Если волостная реформа ныне «провалится», то рухнет и все здание свободы, а деревня останется при разбитом корыте... От волостного земства крестьяне стремятся отстранить не только землевладельцев, но и интеллигенцию — учителей, агрономов и т. д... Борясь с землевладельцами, крестьяне местами переносят эту борьбу в волостное земство: ничего хорошего отсюда не получится тоже... Его основная задача — развить сознание в деревне права и законности, привить крестьянству начала свободы и порядка... К сожалению, первые месяцы революции... осложнили эту задачу водворения начал порядка, права и свободы. Не последнюю роль в этом сыграли разные комитеты... Самочинно или неорганизованно возникшие, такие комитеты... неумолимо стали подрывать те основы, на которых только и может покоиться свободное государство, — начала права, уважения к чужим правам и власти»[25]. Нетрудно разгадать, кто скрывался за этой декларацией о волостном земстве. Кто, кроме помещика или кулака, мог сожалеть, что от волостного земства «отстраняют землевладельцев»? Кто, кроме них, мог возражать против борьбы в этом земстве за интересы трудового крестьянства? Кто, кроме них, мог напоминать об «уважении к чужим правам», прежде всего об уважении к «священной» частной собственности. А «право», «законность», «свобода» и «порядок» были теми знаменами, под которыми всегда буржуазная демократия творила свою расправу над трудящимися во имя частной собственности капиталиста и ее неприкосновенности. Химерой «демократического» волостного земства пытались загнать поднятое революцией крестьянство обратно в ярмо помещичье-кулацкой кабалы. Ругали «самочинными» революционные организации трудящихся крестьян и приглашали проникнуться «уважением к чужим правам и власти»; да ведь это сотню лет до них проповедывали различные дворянские и земские власти, отнимая у трудового крестьянина всякие права и творя над ним любой произвол. Вот кто стоял за спиной волостного земства, вот кто собирался ликвидировать «самочинные» революционные организации, как только будет организовано волостное земство, которое должно было закрепить существующий порядок помещичье-кулацкой эксплоатации в деревне и не допустить посягательства на «чужие права», т. е. на обширные латифундии магнатов сельского хозяйства. Пытаясь квалифицировать работников местных комитетов как «случайных людей, успевших взять в свои руки власть», эти демократы» от капитала изображали волостное земство как «избранников всего населения», убеждая, что «управле-

---

[25] Земец, Деревня и волостное земство. «Волостное земство» № 19/20 за 1917 г., стр. 452—453.

ние не должно быть партийным — это дело всех, общее, государственное дело»[26].

Помещичье-кулацкие элементы, пропагандировавшие введение волостного земства, весьма беспокоились о целости своей земельной собственности, о сохранении своей политической и экономической власти в деревне. Они выражали сожаление, что земельный вопрос заслонял все остальные вопросы в деревне: «Нельзя сказать, чтобы волостное земство рождалось в благоприятную минуту... земельный вопрос заслонил собою почти все и вся в деревне... разные самочинные волостные комитеты сумели уже внушить недоверие к себе населения; самоуправно во многих местах действуют земельные, а отчасти и продовольственные комитеты, подтачивая народное благосостояние»[27]. Им очень хотелось отвлечь внимание крестьянства от земельного вопроса, они очень хотели попрежнему быть «опорой народного благосостояния», «солью земли». Они надеялись во «внепартийном», а на деле помещичье-кулацком, волостном земстве найти громоотвод против революционных стремлений крестьянства разрешить земельный вопрос, против тех организаций трудового крестьянства, которые упорно и настойчиво этот вопрос ставили. Вот почему они противопоставляли «демократическое» волостное земство «самочинным» крестьянским комитетам как «надклассовую» организацию помещиков и кулаков «классовой» организации трудового крестьянства. Надо ли удивляться после этого, что крестьянство проявляло полное равнодушие к введению волостного земства, а в ряде мест активно выступало против реформы, отказываясь принимать участие в выборах (губернии: Волынская, Харьковская, Ставропольская, Нижегородская, Казанская, Оренбургская и др.[28] Напрасно пытались это объяснить тем, что крестьянство «плохо осведомлено» о волостном земстве, — трудовое крестьянство видело в волостном земстве классово-враждебную его интересам организацию.

Что касается защиты «внеклассовых» позиций, то ее сущность ярко иллюстрирует следующий эпизод. 3 марта 1917 г. Керенский издал приказ об организации так называемых временных судов[29]. Эти суды вводились для устранения «печальных недоразумений, возникающих в городе между солдатами, населением и рабочими» (читай — в связи с конфликтами между буржуазией и революционными рабочими и солдатами). Естественно, что последние не доверяли царским судьям, хотя Керенский и превозносил их «независимость» и «совесть».

---

[26] Передовая «На пороге волостного земства», «Волостное земство» № 13/14 за 1917 г., стр. 303.

[27] Б. Веселовский, Первые шаги волостного земства, «Волостное земство» № 15/16 за 1917 г., стр. 319.

[28] «Волостное земство» № 17/18 за 1917 г., стр. 336—337, 344.

[29] «Вестник Временного правительства» № 1(46) от 5 марта 1917 г.

Народу их решения не казались авторитетными. Поэтому временный суд должен был состоять из мирового судьи и двух членов — представителей армии и рабочих (ранее же судил мировой судья единолично). Суды эти действовали в Петрограде и в некоторых городах Петроградской губ. и были упразднены, как только буржуазия несколько укрепилась с помощью соглашателей.

Как же мотивировалась необходимость их упразднения? «Суд, не связанный законом», — не суд, в лучшем случае его можно назвать «расправой»... Нынешний классовый его характер противоречит идее суда беспристрастного и всесословного»[30]. Так мировой судья из домовладельцев или буржуазных интеллигентов оказывался судом «всесословным», а тот же судья плюс представители еще двух «сословий», рабочий и солдат, оказывались судом «классовым». Этого противопоставления требовала логика буржуа, объявляющего «классовым» все, ограничивающее его интересы, и «надклассовым» — все, эти интересы охраняющее. Буржуазия стремилась оклеветать даже робкую попытку демократизации суда как «расправу», так как рабочий и крестьянин впервые пытались проникнуть в храм буржуазного правосудия, а проникнув туда на очень короткий, в условиях буржуазного господства, срок, они не хотели слепо следовать царским законам, — они хотели судить не по буржуазной, а по народной «совести», которая не находила себе места в законах эксплоататоров. Этот факт буржуазия пыталась замазать воплями о «расправе» и «классовости».

Именно в стремлении не допустить никакой действительной демократизации основ своего господства, не допустить ничего, посягающего на интересы эксплоататора, был источник всех криков о «произволе», «классовой несправедливости» и т. п. Этим поборникам «порядка» и «законности» Ленин отвечал: «Вы, господа капиталисты, криками об «анархии» прикрываете защиту интересов одного против трехсот. Вот в чем гвоздь... Разница между Шингаревым и нами только та, что мы говорим: 300 решат, 1 подчинись; а Шингарев говорит: если 300 решат, это будет «самоуправство», а пусть 300 «согласятся» с 1... Решение большинства рабочих и крестьян не есть анархия»[31].

Такова истинная подоплека «демократизма» соглашателей и их капиталистических хозяев. Если кадет Шингарев предлагал сотням крестьян создавать примирительные камеры, где один представитель 300 крестьян заседал бы на паритетных началах с помещиком, представляющим только себя самого, то меньшевик Колокольников разрабатывал закон о промысловых судах, в которых на паритетных же началах заседали бы пред-

---

[30] М. Раввич, Временные суды, «Право» № 17 за 1917 г., стр. 972—973.
[31] Ленин, т. XX, стр. 332—333.

ставители рабочих и капиталист, представляющий себя самого. А председателем над ними должен был быть «не принадлежащий ни к рабочим ни к предпринимателям» [32]. Меньшевики пытались всерьез уверить, будто есть люди, не принадлежащие ни к какому классу. И тот же меньшевистский министр труда так «разъяснял» права рабочих в «демократической» стране: «Ни полная передача управления предприятиями рабочим и служащим, ни то или иное соучастие их в управлении не могут быть допущены органами самоуправления. Это не означает, конечно, отрицания какого бы то ни было рабочего представительства в предприятиях. Демократическое самоуправление не может выступать против той или иной формы рабочей организованности. И рабочие комитеты, и профессиональные союзы должны в полной мере признаваться городами и земствами. Речь идет не об отрицании организованности, а только об ее функциях» [33]. Меньшевики и стремились к организации рабочего представительства, но... без функций. Они предпочитали бы, чтобы это представительство было никому не мешающей, никого не контролирующей, ничего не решающей представительной говорильней.

Они и сами, вместе с эсерами, так строили свою деятельность во Временном правительстве. Они составляли превосходные докладные записки, читали их в различных заседаниях, выносили звучные резолюции, а рабочий попрежнему эксплоатировался капиталистом, а трудящийся крестьянин попрежнему задыхался от земельной тесноты и кабалы помещика. Крестьянство развертывало в деревне борьбу за землю, а «демократы» из эсеров и меньшевиков взывали к «уравновешенности». Расхваливая в своих литературных и митинговых выступлениях прелести демократического строя и клеймя рабочих и крестьян за их попытки бороться против эксплоатации, они пытались с невинным видом замолчать тот факт, что «экономическая сущность капиталистической эксплоатации нисколько не затрагивается заменой монархических форм правления республиканско-демократическими» [34].

Поэтому проводимая соглашателями «демократизация» не затрагивала госаппарата, неспособного на минимальные, подлинно демократические реформы. Эта неспособность аппарата на действительные реформы проявлялась не только там, где соглашатели боялись посягнуть на классовые интересы буржуазии, но и там, где как будто дело шло об элементарных демократических преобразованиях. Так, Всероссийский совет крестьянских депутатов 9 сентября должен был констатировать, что министерство народного просвещения за шесть месяцев революции не про-

[32] «Вестник Временного правительства» № 100 за 1917 г.

[33] Статья П. Колокольникова в «Вопросах самоуправления» № 2/3 за 1917 г., стр. 29.

[34] Ленин, т. XXI, стр. 160—161.

вело в жизнь ни одного существенного законопроекта [35]. Школа демократической республики оставалась царской школой. Борьбу за перестройку госаппарата соглашатели подменяли борьбой за «дележ местечек» (Ленин).

«Через все буржуазные революции, которых видала Европа многое множество со времени падения феодализма, идет развитие, усовершенствование, укрепление этого чиновничьего и военного аппарата. В частности, именно мелкая буржуазия привлекается на сторону крупной и подчиняется ей в значительной степени посредством этого аппарата, дающего верхним слоям крестьянства, мелких ремесленников, торговцев и пр. сравнительно удобные, спокойные и почетные местечки, ставящие обладателей их над народом. Возьмите то, что произошло в России за полгода после 27 февраля 1917 г.: чиновничьи места, которые раньше давались предпочтительно черносотенцам, стали предметом добычи кадетов, меньшевиков и эсеров. Ни о каких серьезных реформах, в сущности, не думали, стараясь оттягивать их «до Учредительного собрания», а Учредительное собрание оттягивать помаленьку до конца войны. С дележом же добычи, с занятием местечек министров, товарищей министра, генерал-губернаторов и прочее и прочее не медлили и никакого Учредительного собрания не ждали! Игра в комбинации насчет состава правительства была, в сущности, лишь выражением этого дележа и передела «добычи», идущего и вверху и внизу, во всей стране, во всем центральном и местном управлении. Итог, объективный итог за полгода 27 февраля — 27 августа 1917 г., несомненен: реформы отложены, раздел чиновничьих местечек состоялся, и «ошибки» раздела исправлены несколькими переделами» [36]. Такова ленинская характеристика сущности всей игры соглашателей в «демократизацию».

Чем кончилась, например, «демократизация армии»? Начав с приказа № 1, о котором уже говорилось, соглашатели стали быстро отступать от его принципов и вскоре открыто пошли на поводу у буржуазии. Возникшие в силу приказа № 1 различные воинские комитеты проводили в армии огромную работу: вели следствия, ревизии, боролись с ворами и нарушителями военной дисциплины, разоблачали реакционные элементы в армии, сменяли их, ставили начальников, которым солдаты доверяли. Затем буржуазия решила попробовать сократить их деятельность: рядом приказов эти комитеты превращаются в совещательные органы при начальнике воинской части и должны ведать канцелярско-хозяйственными делами. Правда, благодаря революционной самодеятельности солдатских организаций эти приказы обычно оставались на бумаге. Но когда борьба монар-

---

[35] «Советы крестьянских депутатов», стр. 231;
[36] Ленин, т. XXI, стр. 369.

хических элементов в армии против комитетов достигла наибольшего напряжения и оппортунистам «представлялись две возможности: или сделать армию сильной, революционной, организовав ее на строго демократических началах, признав за комитетами ту власть, которая у них оспаривалась, ввести принцип выборности офицерского состава или вернуться к старине, не стесняться средствами и при помощи войсковых частей, монархически настроенных, восстановить единовластие начальствующих лиц и покончить с комитетами»[37], — «демократы», меньшевики и эсеры избрали второй путь: они поручили Керенскому восстановить единовластие в армии, что и началось с восстановления смертной казни, похода на комитеты и т. д.

Цену этого «демократизма» можно было обнаружить и на примерах борьбы за сохранение цензового земства. Если на местах настаивали на разгоне, ликвидации цензовых самоуправлений, то его защитниками выступало не только Временное правительство, но и Центральный исполнительный комитет советов. Вся суть соглашательского «демократизма» сводилась именно к тому, что миллионам рабочих и крестьян дозволялось быть равными тысячам эксплоататоров, что представительство горсточки помещиков и капиталистов становилось «паритетным» с представительством миллионных масс трудящихся. Лучшим символом этой «демократизации» был состав самого Временного правительства, в котором рабочие и крестьяне были «представлены» 6 меньшевиками и эсерами, а помещики и капиталисты 8 кадетами и октябристами (также, примерно, строилось «представительство» на государственном, а затем на демократическом совещаниях, в Совете республики и т. п.). Эти «демократы» боролись за сохранение неприкосновенности капиталистической собственности, пытаясь скрыть этот факт за изменением форм этой борьбы: «Изменить лишь форму борьбы за неприкосновенность и святость капиталистической прибыли» — говорил Ленин[38], разоблачая сущность комбинаций с подменой требования пролетарского контроля за трестами и синдикатами проектами общественного контроля.

Буржуазный характер проводившейся меньшевиками и эсерами демократизации достаточно подтверждается и ее вторым этапом — заменой разбавленных демократическими представителями цензовых самоуправлений избранными на основе демократических выборов.

Сентябрь 1917 г. был месяцем перехода к организации рабочим классом штурма буржуазной диктатуры. В этот момент руководство рядом советов переходит к большевикам, прежде всего — в столичных советах, Петроградском и Московском.

---

[37] М., О демократизме и монархизме в армии, «Рабочий и солдат» № 7 от 29 июля (12 августа) 1917 г.

[38] Ленин, т. XXI, стр. 161.

А вот каковы были данные выборов в городские думы на 20 сентября по 643 городам (в %%):

	губернские города	уездные города
Большевики	7	2
Социал-соглашатели	58	35
Буржуазные группы	35	63

Большевики получили абсолютное большинство в Орехово-Зуеве и Нарве и относительное большинство в Петрограде, Кронштадте, Ревеле, Твери, Иваново-Вознесенске, Царицыне [39].

Таким образом, в то время как революционные рабочие и солдаты уже отдали свои голоса большевикам, «демократия» шла за соглашателями и даже за кадетами и разными «беспартийными» союзами домовладельцев, любителей порядка, и т. п. Демократия явно обнаружила свое антидемократическое, контрреволюционное лицо. Еще раз подтвердилась азбука революции, что «всеобщие» выборы — кривое зеркало подлинных настроений революционных рабочих и крестьян.

Но именно это заставило соглашателей взять курс на демократические самоуправления. Теряя опору в рабочих и крестьянских массах, эти банкроты искали ее в демократических самоуправлениях. Пролетарской революции они хотели противопоставить буржуазную демократию всеобщих выборов. Одновременно они спешили разделаться с уходившими из-под их влияния советами.

В ряде постановлений и резолюций они тщательно стараются подчеркнуть, что кто угодно является «законным» органом власти на местах, только не советы. Так, ЦИК советов рабочих и солдатских депутатов в резолюции о власти на местах указывает, что «до выборов и скорейшего сосредоточения всех функций местного управления в ведении органов местного самоуправления... органами государственного управления и носителями революционной власти на местах являются губернские объединенные комитеты общественных организаций, действующие через свой исполнительный орган: выборный комиссариат, единоличный или коллективный». Далее ЦИК предусмотрительно оговаривает, что «в чрезвычайных случаях, угрожающих единству и завоеваниям революции, Временное правительство в целях водворения революционного порядка собственным распоряжением устанавливает местную власть» [40]. Таким образом, и органы самоуправления, и общественные исполнительные комитеты, и «защитник» революции — Временное правительство — все являлись органами власти, только не советы. Таково было мнение Центрального исполнительного комитета советов: даже

[39] «Волостное земство» № 17/18 за 1917 г., стр. 335.
[40] «Известия Петроградского совета» № 134 от 3 августа 1917 г.

в «чрезвычайных условиях» он боялся вверить им защиту завоеваний революции. Он понимал, что действительную защиту революции можно было осуществлять только против меньшевиков и эсеров, только против меньшевистско-эсеровского ЦИК советов.

Точно так же и Всероссийский съезд советов в июне 1917 г. указал, что «функции местного управления, как правило, выполняются органами местного самоуправления, являющимися местными органами государственной власти». Соглашатели торопились с демократическими выборами самоуправлений не во имя демократизации, а ради скорейшей ликвидации советов на местах или, по крайней мере, скорейшего превращения их только в представительные организации — без функций, по рецепту Колокольникова.

Кампания соглашателей за ликвидацию советов или превращение их в парламентскую говорильню «для рабочих» особенно усилилась, когда большевики стали завоевывать большинство в советах. В этот период «социал-оборонцы ведут усиленную кампанию обхода советов рабочих и солдатских депутатов, предлагая заменить эти органы революции учреждениями, более «полно» представляющими «все население страны» (читай: и кадетов в том числе!)» [41]. «Известия ЦИК», руководимые меньшевиками и эсерами, цинично сравнивали советы с «временными бараками» и предлагали заменить их «каменным зданием нового строя», т. е. предпарламентом и находящимися в руках соглашателей и кадетов органами местного самоуправления. А чтобы сохранить термин «советы», петроградский городской голова, эсер Шрейдер, предложил создать советы... городских и земских депутатов, так как они являются «единственно правильно организованной демократией».

Эту контрреволюционную игру решительно разоблачали большевики. Тов. Сталин, вскрывая подлинный смысл кампании за свертывание советов, говорил: «Вы слышите? «Временная организация»—это революционные советы, свергнувшие царизм и его произвол. «Постоянная и всесторонняя организация» — это лакейский предпарламент, услужающий Алексееву и Керенскому. «Временные бараки» — это революционные советы, рассеявшие отряды Корнилова. А «постоянное каменное здание» — это корниловский выкидыш, предпарламент, призванный прикрыть своей болтовней мобилизующуюся контрреволюцию... Надо упразднить советы, говорит сэр Алексеев. Рады стараться, — отвечают «Известия», — достраивайте только последний «этаж» в «каменном здании» Зимнего дворца, а «мы» к этому времени разберем «бараки» Смольного института» [42]. Тов. Сталин квалифици-

[41] «Рабочий путь» № 11 от 28/15 сентября 1917 г.

[42] Сталин, Штрейкбрехеры революции, «Рабочий путь» № 37 от 28(15) октября 1917 г.

рует эту линию соглашателей как «прямую измену революции и ее завоеваниям», а самих соглашателей клеймит как «гнусных штрейкбрехеров революции и ее организаций».

III. ОРГАНИЗАЦИЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

В то время как соглашатели игрой в «демократизацию» подменяли подлинно революционную реорганизацию госаппарата, в то время как под их руководством готовилось свертывание и ликвидация советов и сокращалась их деятельность, шел процесс собирания контрреволюционных сил. Меньшевики и эсеры последовательно проводили линию предательства революции: все свое усердие они обратили на разоружение революционных рабочих и крестьян, на борьбу с их организациями, в то же время ничем не мешая буржуазии собирать ее силы, готовиться к решительному наступлению на революцию. «Демократическая» игра соглашателей была ширмой для деловой контрреволюционной работы буржуазии.

Расширенное совещание ЦК РСДРП(б) 13—14 (26—27) июля констатировало, что «контрреволюция, обнаглевшая благодаря попустительству меньшевиков и эсеров, переходит уже от нападения на большевиков к нападению на советы и партии советского большинства. Желая спасти свои позиции от натиска контрреволюции, мелкая буржуазия не решается дать сражение этой контрреволюции, предпочитая итти с ней на соглашение, сдавая одну позицию за другой. В результате пролетариат фактически поставлен «вне закона», роль советов падает, и органы революционной власти сменяются учреждениями с решающим влиянием всех собственнических групп, идущих под гегемонией империализма (восстановление Государственной думы, съезд в Москве и т. д.)» [1]. Оценивая момент, т. Сталин писал: «Дело тут конечно не в лицах... Дело в том, что во всей этой суетоке, — в погоне за портфелями и прочее, в основе которой лежит борьба за власть, — верх взяла линия кадетов, линия контрреволюции — во внутренней политике, линия «войны до конца» — во внешней... «Надо сделать окончательный вывод, — говорит Некрасов на известном совещании: — либо возьмите власть себе (обращается он к совету), либо дайте другим возможность взять эту власть!» Иначе говоря: либо революция, либо контрреволюция. Меньшевики и эсеры отказались от революционного пути, значит, они неизбежно должны были подпасть под власть кадетов, под власть контрреволюции» [2].

Демократия была прикрытием контрреволюции. За спиной демократии, охранявшей неприкосновенность организационных принципов старого аппарата власти и самых его кадров, контр-

[1] «Рабочий и солдат» № 1 от 5 августа (23 июня) 1917 г.

[2] Сталин, Победа кадетов, «Рабочий и солдат» № 2 от 7 августа (25 июля) 1917 г.

революция собирала силы и организовалась для решительного боя за власть. Июльские дни — показатель острейшего политического кризиса, провокационная травля единственной революционной партии — большевиков, безудержные репрессии против революционных рабочих и крестьян, со всей наглядностью обнажили лицо контрреволюции. Июльские дни показали открытый переход меньшевиков и эсеров на сторону контрреволюции: соглашатели свалились «в яму контрреволюции. На деле государственная власть переходит в ее руки, в руки военной шайки. Керенский и правительство Церетели и Чернова — лишь ширма ей, они вынуждены задним числом узаконять ее меры, ее шаги, ее политику»[3]. Начав превращением в придаток буржуазной власти, соглашатели кончали совместной работой с этой властью по ликвидации советов. Они долго прикрывали контрреволюционную буржуазию, беря на себя представительство от имени буржуазного правительства, выступая в советах и перед революционными рабочими.

Укрепив позиции контрреволюции, дав ей возможность перейти в наступление, соглашатели не переставали клясться в своей «революционности», стараясь найти «виновников» торжества контрреволюции на стороне. Так, «Рабочая газета», центральный орган меньшевиков, продолжала величать корниловское правительство Керенского «правительством революционной обороны страны и решительных демократических преобразований, правительством беспощадной борьбы с контрреволюцией»[4].

Как же меньшевики и эсеры проводили «беспощадную» борьбу с контрреволюцией? Они пригласили в правительство кадетов, представители которых — Милюков, Родичев и другие — требовали разгона советов и уничтожения всяких следов их власти. Они уверяли советы в своей поддержке и одновременно заседали в правительстве с теми, кто заявлял, что «ответствен лишь перед своей совестью». Называя себя правительством «решительных демократических преобразований», меньшевики соглашались одновременно на требование кадетов обеспечить ненарушимость земельных отношений, охранять неприкосновенность помещичьей собственности «до учредительного собрания», созыв которого все откладывался с их согласия. Такова была «борьба» демократии с контрреволюцией, — это было охраной всех позиций контрреволюции.

Зато с тем большим усердием обрушивались меньшевики и эсеры на большевиков, изображая их как «главных врагов революции», как «виновников» разложения армии, помогая этим контрреволюции лишний раз в удушении революции и в деле погрома революционных рабочих и солдат. И в то же время они сами вынуждены были признаваться, что, например, контр-

[3] Ленин, т. XXI, стр. 58.
[4] «Рабочая газета» № 116 от 26 июля 1917 г.

революционный командный состав верхушки армии является одной из причин неудач на фронте. Так, Савинков признался, что главная причина неудач — это «никуда негодный командный состав армии, особенно высший, — во главе армии почти только генералы Николая». На заседании ЦИК по этим вопросам делегаты из соглашателей вынуждены были указывать на контрреволюционность штабов, на невыполнение ими приказаний «демократического» министра, на неясность и непонятность целей войны. И тем не менее «демократические» защитники революции одной из своих основных задач ставили задачу травли подлинных революционеров, — тех, кто на деле боролся против контрреволюции и реставрации.

Большевики беспощадно клеймили эту предательскую, двурушническую политику меньшевиков и эсеров:

«Сдав без боя все революционные завоевания, позорно введя смертную казнь, отдавши на поток и разграбление единственное достояние революционного солдата — его армейские организации, «ответственные вожди» демократии продолжают свое губительное дело — дело капитуляции перед контрреволюцией, громко именуемое ими «делом спасения революции» [5].

До тех пор, пока буржуазия не смела еще выступать открыто, она стремилась сохранить в своих руках рычаги контрреволюционного переворота—чиновничий аппарат, командные кадры постоянной армии, подчиненную ей милицию. Об этом предупреждал Ленин еще до июльских дней: «Главное для помещиков и капиталистов в настоящее время, когда они убедились в силе революционных масс, отстоять... старые орудия угнетения: полицию, чиновничество, постоянную армию. «Гражданскую милицию» стараются свести на старое, т. е. на небольшие, оторванные от народа, стоящие возможно ближе к буржуазии, отряды вооруженных людей под командой лиц из буржуазии» [6]. Буржуазия выступила с лозунгом «порядка», понимая под порядком сохранение ее господствующего и привилегированного положения и сохранение ее реальной силы — старого госаппарата. Гениально предвидя неизбежный, благодаря политике соглашателей, приход корниловщины, Ленин показывал расстановку сил: «Кадеты хотят положить конец революции, ненавидя революционный пролетариат... мелкая буржуазия боялась довериться руководству революционного пролетариата, не понимая, что эта боязнь осуждает ее на доверие к буржуазии... Пролетариат... стремился не к «примирению» с буржуазией, а к победе над ней, к безбоязненному развитию революции вперед и притом в меж-

---

[5] В. Володарский, Все по-старому, «Пролетарий» № 10 от 6 сентября (24 августа) 1917 г.

[6] Ленин, т. XX, стр. 205.

дународном масштабе»[7]. И Ленин предупреждал: «Не Церетели или Чернов лично и даже не Керенский призван играть роль Кавеньяка — на это найдутся иные люди, которые скажут в надлежащий момент русским Луи Бланам: «Отстранитесь», — но Церетели и Черновы являются вождями такой мелкобуржуазной политики, которая делает возможным и необходимым появление Кавеньяков»[8].

Это было написано за две недели до июльских дней, за два месяца до корниловского выступления. Ленин видел, куда ведет линия соглашателей со всей их «демократизацией». Он не раз указывал, что не смена министров является решающей для борьбы за власть, а наличие той армии чиновников, офицеров, генералов, которые саботируют всяческие реформы, которые всячески стремятся оставить побольше почвы для контрреволюционной реставрации в подходящий момент и которые благодаря политике соглашателей остаются на месте при всяких сменах министров. Соглашатели боялись опереться на советы, сделать их основой нового госаппарата. Они предпочитали доверять старому госаппарату, тысячью нитей связанному с господствующими классами царской России. Даже там, где происходила смена лиц, соглашатели все время стремились не менять организационных принципов построения аппарата и тем самым обеспечивали буржуазии сохранение ее контрреволюционной опоры. Соглашатели добросовестно проделали то, что полагалось во всех буржуазных революциях: «Вначале вооружить пролетариат, потом обезоружить, чтобы он не пошел дальше»[9].

Начав с «контактной комиссии», опирающейся на советы, они кончили линией на демократические самоуправления, добиваясь в самом тесном блоке с буржуазией упразднения советов. В центре они прикрывали организацию штаба контрреволюции в самом Временном правительстве, в стенах заботливо сохраняемого совещания членов государственных дум, в ставке верховного главнокомандующего и т. д.

Июльские дни были увенчанием этой политики. Меньшевики и эсеры пытались даже еще больше помочь контрреволюции. Одной из непосредственных причин быстрого успеха Февральской революции был переход армии на сторону революционных рабочих. То, что в феврале не удалось натравить армию на народ, было одной из причин гибели царизма. Не случайно поэтому все буржуазные газеты — во главе с «Речью», «Русской волей», «Новым временем» и др. — старались натравить солдат на рабочих, фронт на тыл и т. п., чтобы

---

[7] Ленин, т. XX, стр. 536—537.
[8] Там же, стр. 537.
[9] Ленин, т. XX, стр. 203.

разрушить тот союз рабочих и солдат, т. е. рабоче-крестьянский союз, который победил царизм и грозил гибелью и капитализму. В июльские дни это в известной степени удалось сделать с помощью соглашателей: «Меньшевики и эсеры, напуганные июльским движением, вошли в молчаливое соглашение с либеральной буржуазией и, опираясь на юнкеров и казаков, натравили одну часть солдат на рабочих»[10]. Это позволило буржуазии выступить открыто с контрреволюционной программой. Этому большевики противопоставили лозунг: «Очередная задача момента— воссоздать союз рабочих и солдат, возродив тем самым нашу великую русскую революцию»[11].

Как менялось отношение к советам благодаря политике соглашателей, показывает следующий небольшой пример. 7 апреля Исполком Петроградского совета признал допустимым совмещение должности председателя Гатчинского революционного комитета с должностью комиссара Временного правительства «при оговорке, что при первом же требовании исполнительного комитета он должен отказаться от должности комиссара»[12]. А 30 августа, в момент подавления корниловского восстания, товарищ министра внутренних дел Хижняков «разъяснил», что совмещение должности комиссара с председательством в местных «классовых, профессиональных и партийных организациях» недопустимо, так как «такое совмещение делает комиссара зависимым от решений организаций». Это разъяснение было сделано специально по поводу того, что некоторые председатели местных советов одновременно являлись и уездными комиссарами. Временное правительство заботливо оберегало своих комиссаров от «советского» влияния и совместительства, «демократы» же всячески старались оставить советы «без функций».

Понятия о «партийности» и «независимости» комиссаров были весьма своеобразны. Когда Ростовский совет после корниловского выступления, со всей очевидностью показавшего контрреволюционную роль кадетской партии, постановил снять с должности комиссара Зеелера, как кадета, министр внутренних дел предложил Зеелеру оставаться на работе, так как, разъяснял министр, «принадлежность к партии не может быть причиной удаления». Одновременно правительство поощряло тех, кто был за ликвидацию советов. Когда Харьковский совет, тоже после корниловского выступления, предложил революционному комитету общественных организаций сменить губернского комиссара, который считает эти комитеты излишними, министерство внутренних дел не приняло отставки этого комиссара, сообщив ему телеграммой, что оно «одобряет действия комис-

[10] «Рабочий и солдат» № 1 от 23 июля (5 августа) 1917 г.
[11] Там же.
[12] «Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов», 1925 г., стр. 89.

сара». Так, при поддержке «спасителей революции» — меньшевиков и эсеров, действовала контрреволюция.

Естественно, что правительство решительно боролось против всякой самодеятельности мест. Когда один из уездных комиссаров Пензенской губернии заявил, что «законы будут мною исполняться там, где они приносят пользу и не расходятся с общегосударственными интересами; но там, где частично устаревшие и несовершенные законы приносят вред, законом для меня будет совесть революционера и справедливое мнение народа» [13], — то все то же министерство внутренних дел предложило комиссару не «рассуждать», а «исполнять все неотмененные законы». Правительство оберегало не только «неотмененные законы, но и «неотмененные» учреждения. Когда Воронежский губернский исполнительный комитет советов упразднил губернское правление, этот департамент губернатора, министерство внутренних дел «разъяснило», что функции губернского правления должны «безостановочно продолжаться впредь».

Это сохранение под прикрытием «демобилизации» старой государственной машины делало возможным и успешное проведение ею привычной работы по расправе с революционными элементами и по реставрации дореволюционных порядков. В дни корниловского выступления большевики подвели такой итог полугодию революции: «Полугодовщина революции застает нас отброшенными далеко назад, с господством контрреволюционной диктатуры, с разгулом репрессий, с бешеной вакханалией явных и тайных контрреволюционеров... Полугодовщина революции находит тюрьмы переполненными, рабочие газеты закрытыми, рабочие организации загнанными наполовину в подполье, вождей рабочего класса преследуемыми и гонимыми» [14].

После июньского наступления и июльских дней была восстановлена смертная казнь. Под термином «контрразведки» возродилась охранка. Началась вакханалия обысков и арестов. Вновь вошел в действие царский уголовный кодекс, знаменитое уголовное уложение 1903 г. с его 102 и 129 статьями. На крупнейших заводах были введены особые военно-уполномоченные, которым было предоставлено не только право безапелляционного разрешения конфликтов между администрацией и рабочими и увольнения рабочих, но и право прибегать к военной силе и судебной расправе. Вожди контрреволюции спокойно разгуливали на свободе, вожди революции вынуждены были скрываться или сидели в тюрьме.

Так под указку буржуазии меньшевики и эсеры вели борьбу «на два фронта» — против «анархии» и против «контрреволюции». Правительство разрабатывало законопроект о предостав-

---

[13] «Вопросы самоуправления» № 2-3 за 1917 г.

[14] «Рабочий» № 3 от 9 сентября (27 августа) 1917 г.

лении министру внутренних дел по соглашению с министром юстиции права заключать под стражу тех, чья деятельность «особо угрожает завоеванной революцией свободе и установленному ныне государственному порядку», или высылать их «в особо указанные для сего местности». Восстановлялась знакомая по дореволюционному времени административная репрессия. Что эти меры направлялись только против большевиков и революционных рабочих и солдат, видно хотя бы из заявления министра юстиции Зарудного, который почти накануне корниловского выступления сказал: «Ни о какой крупной контрреволюционной организации я ничего не знаю и не слыхал, для них, по-моему, нет еще почвы». На основе клеветнических измышлений Алексинских и кадетской печати этот демократический блюститель «законности» держал большевиков в тюрьме, но не видел и не «слышал» открытой контрреволюционной агитации Пуришкевича за военную диктатуру, за введение генерал-губернаторов и за арест руководителей советов. Напротив, правительство весьма сочувственно внимало тому, что 20 августа на частном совещании членов Государственной думы Родзянко заявил, что Временный комитет Государственной думы — «источник власти», который «всегда на-страже, чтобы в случае кризиса вопрос о составе власти не был решен помимо комитета». Его товарищ по думе, князь Волконский, усумнился на том же совещании в «законности» самого Временного правительства, заявив, что Государственная дума, не распущенная ни одним актом правительства, — единственное законное собрание, единственное законное учреждение государства». Так монархисты, под сладенькие речи Зарудных и прочих демократических святителей смело выдвигали помещичье-поповскую третьеиюньскую думу на первый план, требуя одновременно разгона организаций миллионов трудящихся — советов.

В таких условиях мелочью было, например, запрещение товарищем морского министра лекции т. Мостовенко в Галерном городке, в Петрограде, по мотивам «опасения поджога».

Поход контрреволюции не ограничивался, конечно, советами. Он направлялся и против комитетов общественных организаций. Прежде всего, он направлялся против комитетов в армии, вплоть до армейских комитетов, в которых, как правило, заседали и верховодили офицеры и соглашатели. Несмотря на то, что армейские комитеты были послушными проводниками указаний штабов и генералов, они были ненавистны контрреволюции за самое свое революционное происхождение, за то, что они входили в систему выборных солдатских организаций, за то, что они заменили слово «нижний чин» словом «товарищ». Контрреволюция хотела устранить из армии даже малейший намек на ее демократизацию, вновь закрепить

свои позиции в отделяемой от народа армии и для этого разогнать все армейские и прочие комитеты.

До чего распоясалась контрреволюция в эти дни, показывает пример диктатуры полковника Корвин-Круковского в Царицыне. Этот вояка, изображая из себя «революционного демократа», выступил со следующим объявлением «к населению»: «Всякие митинги как на улицах, так и в помещениях безусловно запрещаются... Гражданам советую появляться на улицах лишь по мере необходимости для предотвращения возможных несчастных случаев и недоразумений. Выезд из города разрешается исключительно по моим разрешениям и лишь по весьма уважительным причинам. Всех, не исполнивших мои распоряжения, необходимые для укрепления завоеванных нами свобод, буду предавать суду по всей строгости закона, как изменников родины». Хорош и красочен литературный стиль этого «диктатора», сочетающий в себе и декламацию Керенского о «завоеванных свободах» и полицейское рычание об «изменниках родины».

Как демократы «берегли» старую государственную машину и как контрреволюция сразу смогла ее использовать, показывает пример судебного аппарата. Что сделала Февральская революция с царской юстицией? «Кое-где сменили прокуроров и других высших чинов магистратуры, припугнули царских судей, наконец, отняли у палат право политического суда, — но только для того, чтобы создать более решительный военно-полевой суд для борьбы с авангардом пролетариата (знаменитая 96 статья Воинского устава о наказаниях). Для буржуазии не было надобности менять основу суда или изменять в корне состав его: старый суд был и без того верным стражем основ буржуазного государства» [15].

Временное правительство не только не разгоняло царской юстиции, оно принимало все меры для ее охраны. В мае при министерстве юстиции было созвано специальное совещание старших председателей и прокуроров судебных палат, обер-прокуроров сената и председателей советов присяжных поверенных. В совещании участвовали также и представители совета рабочих и солдатских депутатов. Министр юстиции Переверзев и представитель совета рабочих и солдатских депутатов Н. Д. Соколов поставили вопрос о приостановке действия судейской несменяемости. Большинство совещания категорически высказалось против всяких «посягательств» на судейскую несменяемость, аргументируя «священностью этого института». Тогда Переверзев предложил следующий порядок увольнения чересчур реакционных судей: создается особый дисциплинарный суд с присяжными заседателями для рассмотрения в каждом отдельном слу-

[15] Д. Курский, Основы революционного суда. Материалы Народного комиссариата юстиции, вып. 1, 1918 г., стр. 55.

чае вопроса о том, может ли тот или иной царский судья оставаться на своем посту; о необходимости устранения дается предварительное заключение местным комитетом из представителей суда и адвокатуры. Окончательно вопрос разрешается самим министром юстиции [16]. Так щепетильно относилось правительство к кадрам царской юстиции. И оно не ошибалось в своей политике. Царские судьи и прокуроры показали, что умеют превосходно служить буржуазной диктатуре, служить теми же методами подлогов и фальсификаций, какими они прославились в деле Бейлиса и в прочих делах щегловитовской юстиции. Еще Маркс указывал на «кажущуюся независимость» судей, которая «только скрывала их подчиненность поочередно сменявшимся правительствам; они каждому правительству приносили присягу на верность и каждому изменяли» [17].

Это было вовсе не так трудно, — смена лиц и политических групп не меняла сущности классового господства: носителем его была буржуазия, основой его была капиталистическая собственность. И царская юстиция «верой и правдой» старалась служить буржуазной диктатуре.

Царские судьи и буржуазные адвокаты доказывали, что нельзя судить Николая Романова, так как он — «неприкосновенное лицо» и «безответственный» носитель власти. Зато прокурор Нежинского окружного суда Черниговской губернии доказывал свою преданность... новому строю, возбудив уголовное преследование по 1 ч. 289 ст. уложения о наказаниях [18] против одного из волостных общественных комитетов Глуховского уезда, как «учреждения революционного, самочинного, своевольно присвоившего себе власть волостного правления». Министерству внутренних дел пришлось разъяснить министерству юстиции, что волостные комитеты организованы по предложению министерства [19]. Только тогда, очевидно, улеглось возмущенное чувство «законности» у нежинского прокурора. Зато вот как понимал законность бывший «генерал-прокурор», а затем глава Временного правительства — Керенский: на докладе военно-судебного управления о деле т. Крыленко Керенский изволил начертать: «Если же поводов не будет, ...то содержать прапорщика Крыленко под стражей по моему личному приказу» [20].

---

[16] «Вестник Временного правительства» № 72/118 от 6 июня 1917 г.

[17] Маркс, Гражданская война во Франции 1871 г., Партиздат, 1933 г., стр. 62.

[18] В этой статье говорилось: «Кто, самовольно присвоив себе в каком бы то ни было случае власть правительственную или судебную..., употребляет оную на содеяние того, что само по себе безвредно и не составляло бы преступления, но не могло быть им совершено без сего присвоения не принадлежащей ему власти, тот за сие подвергается... заключению в тюрьме на время от четырех до восьми месяцев».

[19] «Вопросы самоуправления», № 2—3 за 1917 г.

[20] См. письмо Крыленко в редакцию газеты «Рабочий» № 3 от 9 сентября (27 августа) 1917 г.

Судебная машина старого режима, перешедшая без повреждений на службу буржуазной диктатуры и охраняемая фетишистским почтением соглашателей, бесперебойно работала на привычном ходу под маской «беспристрастного», «надклассового» правосудия. Старые уголовные законы оставались в силе, — это значило, что всех важнейших руководителей кровавого режима — всех Протопоповых, Штюрмеров, Сухомлиновых, Щегловитовых и прочих — будут судить, если только будут, по таким статьям о «превышении» или «бездействии» власти, максимальная репрессия по которым не превышает двух лет арестантских отделений. А большевиков, революционных рабочих и солдат уже привлекали к ответственности по наиболее свирепым статьям уголовного уложения — по 100-й и 108-й — за «насильственное посягательство на изменение в России... образа правления или порядка наследия престола» и государственную измену, которые карали смертной казнью и каторгой. Этот суд «демократической» России привлекал большевика Ермана за напечатание статей в большевистской газете по 102 статье уголовного царского уложения, квалифицируя его «преступление», как «принадлежность к преступному сообществу, присвоившему себе наименование РСДРП».

Особенно силен был разгул контрреволюционной юстиции в армии. Мы не говорим уже о бессудных арестах и расстрелах солдат и прапорщиков, заподозренных в сочувствии большевизму. Приведем лишь один пример, как будто далекий от политики: военно-революционный суд одной из пехотных дивизий приговорил солдата Кузьмина за похищение 15 яблок из помещичьего сада к смертной казни. «Демократический» комиссар армии возбудил ходатайство перед верховным комиссаром о замене смертной казни шестью месяцами тюрьмы.

«Русская революционная юстиция обогнала юстицию щегловитовскую»[21] — писала большевистская газета. Тов. Сталин, сравнивая эти две юстиции, в сущности, бывшие одной и той же юстицией, указывал: «Многие утверждают, что при царизме борцы за политические убеждения не подвергались такому произволу, заключенные в тюрьмах не переживали таких издевательств, как теперь, при современной юстиции, называемой почему-то «революционной» и претендующей на какую-то «гуманность». В этом утверждении есть большая доля истины»[22].

Вот почему неверным было мнение отдельных большевиков (Ногин), что скрывавшийся после июльских дней Ленин должен явиться на суд, чтобы «разоблачить» возводимую на партию клевету. Этим либералам, не понимавшим сущности судебной

---

[21] «Страна неограниченных возможностей». «Рабочий и солдат» № 8 от 14(1) августа 1917 г.

[22] Сталин, «Гуманность» современной юстиции. «Пролетарий» № 8 от 4 сентября (22 августа) 1917 г.

машины буржуазной диктатуры, Ленин отвечал: «Суд есть орган власти. Это забывают иногда либералы. Марксисту грех забывать это. А где власть? Кто власть? Правительства нет. Оно меняется ежедневно. Оно бездействует. Действует военная диктатура. О «суде» тут смешно и говорить. Дело не в «суде», а в эпизоде гражданской войны. Вот чего напрасно не хотят понять сторонники явки. «Я не сделал ничего противозаконного. Суд справедлив. Суд разберет. Суд будет гласный. Народ поймет. Я явлюсь». Это рассуждение наивное до ребячества. Не суд, а травля интернационалистов, вот что нужно власти»[23].

Трагическая судьба Карла Либкнехта и Розы Люксембург была историческим подтверждением этой ленинской постановки вопроса, подтверждением правильности позиции тт. Сталина и Орджоникидзе, категорически возражавших против оппортунистических требований о явке Ленина и указавших на полную вероятность самосуда со стороны контрреволюционного офицерства или убийства в тюрьме. VI съезд РСДРП(б) полностью одобрил эту позицию, указав, что «устанавливающиеся теперь приемы полицейско-охранных преследований и деятельности прокуратуры восстанавливают, как то признал и ЦИК советов рабочих и солдатских депутатов, нравы щегловитовского режима... При таких условиях нет абсолютно никаких гарантий не только беспристрастного судопроизводства, но и элементарной безопасности привлекаемых к суду».

Показательно, что сами «демократы» признавали такой характер сохраненной ими юстиции, но они уже были бессильны ее изменить, даже если бы они этого на деле пожелали. Если эта юстиция и проявляла некоторую «реформаторскую» активность, то лишь по линии еще большего усиления своей буржуазно-угнетательской сущности.

В начале июня вводятся в действие памятные всем деятелям революционного движения при царизме 129 и 131 статьи уголовного уложения для обеспечения «государственного спокойствия». 6 июля издается постановление Временного правительства о том, что виновные в публичном призыве к неисполнению законных распоряжений власти подвергаются заключению в тюрьме или крепости на три года, а виновные в призыве во время войны офицеров, солдат и прочих воинских чинов к неисполнению «действующих при новом демократическом строе армии» законов и распоряжений военной власти, отвечают как за государственную измену[24]. А в день сдачи Риги специальная комиссия при военном министерстве утвердила законопроект о распространении на тыл всех уголовных репрессий военного

---

[23] Ленин, т. XXI, стр. 24—25.
[24] См. «Вестник Временного правительства» № 93 за 1917 г.

времени вплоть до смертной казни. Под «тылом» разумелась вся Россия. Так действовала контрреволюция через сохраненный для нее соглашателями судебный аппарат. Так действовала она и в других областях управления через оставшуюся нетронутой государственную машину.

Подводя итог происшедшему после июльских дней, Ленин писал: «Контрреволюция организовалась, укрепилась и фактически взяла власть в государстве в свои руки»[25]. Перешедшая в наступление контрреволюция хотела уничтожить до конца всякую возможность покушений на ее вооруженную силу, она вела наступление не только на большевиков, но и на советы. «Настоящая суть политики военной диктатуры, царящей ныне и поддерживаемой кадетами и монархистами, состоит в подготовке разгона советов»[26]. Военная диктатура буржуазии не удовлетворялась уже тем, что меньшевики и эсеры превратили «и свои партии и советы в фиговый листок контрреволюции»[27]. Она хотела уничтожить всякую возможность организации революционных рабочих и солдат для борьбы против контрреволюции.

IV. БОРЬБА ЗА БОЛЬШЕВИЗАЦИЮ СОВЕТОВ

Буржуазия понимала, что резкое обострение классовой борьбы после июльских дней означает быстрый конец соглашательского влияния в советах, что приближается день, когда террор буржуазии до конца откроет перед массами все предательство соглашательских партий и руководство советами перейдет к большевикам. Поэтому линия буржуазии на разгон советов, хотя бы и безвредных в тот момент, была продиктована стремлением обезопасить себя от возрождения советов, как органов революционной власти, но уже руководимых большевиками, закрепить все винты и рычаги государственной машины буржуазной диктатуры, предоставив до поры до времени соглашателям болтаться в «демократических» самоуправлениях.

«Государство есть прежде всего отряды вооруженных людей с материальными привесками вроде тюрем» — писал Фридрих Энгельс. Теперь это — юнкера, реакционные казаки, специально свезенные в Питер; это те, кто... закрыл газету «Правда»; кто разоружил рабочих и определенную часть солдат; кто расстреливает столь же определенную часть... войска и армии. Вот эти палачи, это — реальная власть. Церетели и Черновы — министры без власти, министры-куклы, вожди партий, поддерживающих палачество. Это — факт»[1].

К такому положению привела политика соглашателей. Не разбив старой государственной машины, а наоборот, препятствуя

[25] Ленин, т. XXI, стр. 26.
[26] Там же.
[27] Там же, стр. 27.
[1] Там же, стр. 36.

всяким попыткам ее разрушения, по существу благоговея и робея перед громоздкой машиной царизма с чиновниками и генералами, переводя эту машину якобы на «службу демократии», а на деле превращаясь сами в ее придаток, — соглашатели расчистили дорогу буржуазной контрреволюции и превратили советы в иллюзорное украшение ее фасада.

Вот как т. Сталин характеризовал этот путь социал-предательства: «Временное правительство как единственная власть — вот чего добились кадеты... Советы, остающиеся без армии, армия, подчиненная только правительству, — вот чего добились кадеты... Было время, когда советы творили новую жизнь, вводя революционные преобразования и вынуждая Временное правительство закреплять эти преобразования в декретах и указах... Временное правительство шло на поводу у советов, прикрывая своей нереволюционной формой революционные мероприятия советов. Теперь наступило время, когда Временное правительство повернуло вспять, вводя контрреволюционные «преобразования», причем советы оказываются «вынужденными» молчаливо подтверждать их в своих водянистых резолюциях. Теперь ЦИК, этот представитель всех советов, идет на поводу у Временного правительства, прикрывая контрреволюционное лицо последнего революционной фразеологией»[2]. Все это стало возможным потому, что политика соглашателей обезоружила советы, лишила их реальной силы, наоборот, сохранив почти неприкосновенной эту реальную силу в руках буржуазии.

Задачей большевиков было создать такую же реальную силу в руках рабочего класса. Но в короткий исторический период после июльских дней это возможно было осуществить лишь помимо советов и даже против советов. «Лозунг перехода власти к советам звучал бы теперь как донкихотство или как насмешка... Власть нельзя уже сейчас мирно взять. Ее можно получить, только победив в решительной борьбе действительных обладателей власти в данный момент, именно военную шайку Кавеньяков, опирающихся на привезенные в Питер реакционные войска, на кадетов и на монархистов»[3]. Советы в эти дни были беспомощны и бессильны перед лицом победившей контрреволюции. Переход власти к этим советам ничего не изменил бы в общей картине власти, он означал бы лишь создание новых «конституционных» иллюзий. Вопрос должен был итти о создании силы для свержения господства буржуазии, свержения контрреволюционной диктатуры, независимо от любого прикрытия: «свержение буржуазной контрреволюции не может дать ничто, никакая сила, кроме революционного пролетариата. Имен-

---

[2] Сталин. Новое правительство. «Рабочий и солдат» № 3 от 8 августа (26 июля) 1917 г.

[3] Ленин, т. XXI, стр. 35.

но революционный пролетариат, после опыта июля 1917 г., и должен самостоятельно взять в свои руки государственную власть, — вне этого победы революции быть не может. Власть у пролетариата, поддержка его беднейшим крестьянством или полупролетариями — вот единственный выход... Советы могут и должны будут появиться в этой новой революции, но не теперешние советы, не органы соглашательства с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу советов, это так. Это не вопрос о советах вообще, а вопрос о борьбе с данной контрреволюцией и с предательством данных советов»[4]. И Ленин гениально предугадывал, что пройдет очень немного дней — и в борьбу войдут новые советы, «обновленные огнем борьбы, закаленные, обученные, пересозданные ходом борьбы»[5]. Этот момент наступил в корниловские дни.

Нарастание революционного кризиса и большевизация масс начали менять лицо советов. Открытое вооруженное наступление генеральской диктатуры резко встряхнуло массы. Большевики зовут массы к созданию своей вооруженной силы:

«Рабочие должны вооружаться, должны противопоставить свою вооруженную силу силе буржуазии. Это первая насущная задача... Эта мера (вооружение рабочих.—*В. У.*) должна быть немедленно проведена в общероссийском масштабе, в самых широких размерах... Представители и руководители контрреволюционной буржуазии должны быть обезврежены. Из всех государственных и общественных органов как экономической, так и политической жизни страны представители буржуазии должны быть устранены и заменены представителями рабочих»[6].

Тов. Сталин в статье по поводу корниловского выступления подчеркивал вплотную придвинувшийся новый этап борьбы за власть: «Не смена одних «правящих» групп другими и не игра в диктатуру нужна теперь, а полная ликвидация буржуазной контрреволюции и решительные меры в интересах большинства народов России... Партия заявляет, что единственным путем, необходимым для осуществления этих требований, является разрыв с капиталистами, полная ликвидация буржуазной контрреволюции и перехода власти в стране в руки революционных рабочих, крестьян и солдат»[7].

Но и корниловский урок ничему не научил соглашателей, — слишком крепка была их вера в буржуазию, слишком преданными лакеями ее они были. Сместив Корнилова, подвергнув его показному («домашнему») аресту, «демократия» сочла свою за-

---

[4] Ленин, т. XXI, стр. 37—38.

[5] Там же, стр. 38.

[6] «Борьба с контрреволюционным восстанием», «Рабочий» № 8 от 12 сентября (30 августа) 1917 г.

[7] Сталин, Мы требуем. «Рабочий» № 4 от 10 сентября (28 августа) 1917 г.

дачу по «спасению революции» оконченной. В госаппарате все оставалось попрежнему, никакой попытки заменить его вооруженной силой рабочих, крестьян и солдат, конечно, меньшевики и эсеры не собирались делать. Наоборот, они торопились поскорее ликвидировать самые советы, а в особенности, возникшие в корниловские дни военно-революционные комитеты, как угрозу власти буржуазии. Во главе армии на смену Корнилову был поставлен его ближайший единомышленник — генерал Алексеев, тот самый, который в февральские дни пытался с помощью военно-полевых судов расстрелять революцию, разоружавшую полицию и жандармов. Это был тот самый Алексеев, который на совещании «общественных деятелей» (вождей контрреволюции) в Москве произнес речь против солдатских комитетов, за смертную казнь и т. д. Кишкина, члена ЦК партии кадетов, которая вдохновляла всю контрреволюционную работу Ставки и правительства, назначили министром внутренних дел; а знаменитого Пальчинского, организатора сознательной дезорганизации промышленности капиталистами, ставили на пост петроградского генерал-губернатора. Так демократия «закрепляла» победу над Корниловым!

«На словах — разрыв с кадетами. На деле — соглашение с ставленниками кадетов в тылу и на фронте. Директория, как ширма, прикрывающая союз с кадетами; диктатура Керенского, как маска, заслоняющая от народного возмущения диктатуру помещиков и капиталистов, — вот какова теперь картина... Мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков, вмешиваясь в борьбу за власть, каждый раз становились на сторону помещиков и капиталистов... Пусть знают это рабочие, пусть знают это крестьяне, и пусть делают они из этого соответствующие выводы»[8].

Демократия пыталась вновь повторить старый прием: вооружить рабочих для защиты от Корнилова, а затем поскорее разоружить их, оставляя всю вооруженную силу в руках Алексеевых, Кишкиных, Пальчинских. Новый генерал-губернатор сразу повел определенную политику: он начал свою деятельность с закрытия большевистской газеты «Рабочий» и даже газеты социал-демократов интернационалистов «Новая жизнь».

Но эта новая попытка соглашателей одурачить народные массы, предать советы революционных рабочих и солдат в руки контрреволюции не могла окончиться удачей. Их авторитет в советах уже не действовал, доверие к ним было подорвано за шесть месяцев революции. Советы становились большевистскими. Массы извлекали урок из пережитого кризиса: «Борьба за власть не только не кончена, но, наоборот, все более усиливается и обостряется. Пусть знают рабочие, что в этой борьбе они неминуемо будут терпеть поражение до тех пор,

---

[8] Сталин, Кризис и директория, «Рабочий путь» № 1 от 16(3) сентября 1917 г.

пока эсеры и меньшевики пользуются влиянием в массах. Пусть помнят рабочие, что для взятия власти необходимо оторвать массы крестьян и солдат от соглашателей, эсеров и меньшевиков, сплачивая их вокруг революционного пролетариата»[9].

31 августа Петроградский совет большинством 279 против 115 при 51 воздержавшемся принял большевистскую резолюцию. В этом переломном заседании за большевиков голосовали и рядовые члены других советских фракций (меньшевиков и эсеров). Превращаясь в большинство в советах, большевики дали программу сплочения рабочих, солдат и трудящегося крестьянства на конкретной революционной платформе, чтобы на этой платформе превратить массы в силу, которая свергнет буржуазию и возьмет власть в свои руки. Резолюция Петроградского совета требовала как первых шагов в этом направлении декретирования демократической республики, немедленной отмены частной собственности на помещичью землю и передачи ее в ведение земельных комитетов, организации в общегосударственном масштабе рабочего контроля над производством и распределением, прекращения всяких репрессий против рабочего класса и его организаций, восстановления всех демократических организаций в армии и свободы их деятельности, изгнания из армии контрреволюционного командного состава, выборности комиссаров на местах, роспуска государственных совета и думы, осуществления права национальностей на самоопределение и т. д. Резолюция требовала, чтобы была «подавлена в корне вся та политика соглашательства и безответственности, которая создала самую возможность превратить верховное командование и аппарат государственной власти в очаг и орудие заговора против революции»[10].

5 сентября большинством 355 против 254 такую же резолюцию принял Московский совет. В этой резолюции, в основном выдвигавшей ту же программу действий, что и Петроградская резолюция, подчеркивалось, что «весь госаппарат находится до сих пор в... руках» контрреволюционной буржуазии, и что в качестве «немедленной меры» должно быть декретировано «немедленное вооружение рабочих и организация красной гвардии»[11].

Так, пройдя через испытания и уроки соглашательского руководства, советы снова становятся органами борьбы за власть, снова начинают концентрировать в своих руках вооруженную силу против буржуазной диктатуры.

Советы в революции были «основным организационным звеном, могущим облегчить организацию Октябрьской революции и создание нового могучего аппарата пролетарской государственности»[12].

[9] Сталин, Кризис и директория. «Рабочий путь» № 1 от 16 (3) сентября 1917 г.
[10] «Организация и строительство советов», стр. 361.
[11] Там же, стр. 362, 363.
[12] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 94.

Большевики еще в 1905 г. видели в советах зародыш новой государственной власти, основу нового госаппарата — госаппарата пролетарской диктатуры. Говоря об опыте 1905 года, Ленин в 1920 г. писал: «Массовая революционная борьба указанного периода вызвала к жизни такие невиданные раньше в мировой истории организации, как советы рабочих депутатов, а вслед за ними советы солдатских депутатов, крестьянские комитеты и тому подобное. Получился такой факт, что те основные вопросы (советская власть и диктатура пролетариата), которые занимают теперь внимание сознательных рабочих во всем мире, оказались поставленными практически в конце 1905 года... Споры о значении советов тогда уже были связаны с вопросом о диктатуре. Большевики еще до революции 1905 года поставили вопрос о диктатуре... Меньшевики относились к этому лозунгу — «диктатура» — отрицательно. Большевики подчеркивали, что советы рабочих депутатов фактически «являлись зачатками революционной власти», как буквально говорил проект большевистской резолюции... Меньшевики признавали значение советов, стояли за «содействие образованию» их и т. д., но не считали их зачатками революционной власти, не говорили вообще о «новой революционной власти» такого или подобного типа, отвергали прямо лозунг диктатуры. Не трудно видеть, что все теперешние разногласия с меньшевиками уже имеются в зародыше в этой постановке вопроса»[13].

Поэтому тактикой большевиков, рассматривавших советы как организационную форму революционной власти, в период от Февраля к Октябрю была линия на превращение советов в органы государственной власти: «Неоценимое значение тактики превращения советов в органы государственной власти состояло в том, что она отрывала миллионные массы трудящихся от империализма, развенчивала партии меньшевиков и эсеров, как орудие империализма, и подводила эти массы, так сказать, прямым сообщением к диктатуре пролетариата»[14].

Меньшевистские подголоски, вроде Каменева, не могли и не хотели понять политики превращения советов в органы государственной власти и ее значения для борьбы за диктатуру пролетариата. Не понимая перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, отделяя одну от другой китайской стеною, Каменев фактически стоял на меньшевистских позициях отрицания необходимости борьбы за переход ко второму этапу революции — к революции социалистической. Для Каменева советы не были зачатками будущего государственного аппарата пролетарской диктатуры и не были прямым путем к ней. Он рассматривал их, как «блок мелкобуржуазных и про-

[13] Ленин, т. XXV, стр. 432—433.
[14] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 95.

летарских сил, перед которыми стоят еще незаконченные буржуазно-демократические задачи»[15].

Отрицая роль трудящихся масс крестьянства как резерва пролетариата, не проводя различия между кулачеством и трудовым крестьянством, Каменев утверждал, что роль советов кончается с переходом к социалистической революции, когда «этот блок не мог бы существовать и перед ним никаких определенных задач не было бы, а пролетариат вел бы революционную борьбу против мелкобуржуазного блока»[16]. Беря линию на «разрыв блока пролетариата с мелкой буржуазией и самостоятельное осуществление самим пролетариатом своих пролетарских целей»[17], т. е. отрицая союз пролетариата с трудящимися массами крестьянства в пролетарской революции, восприняв теорию перманентной революции Троцкого, Каменев ограничивал роль советов лишь задачами буржуазно-демократического преобразования. Это была ликвидаторская позиция в отношении советов, как органов государственной власти. Именно эта меньшевистская, антиреволюционная позиция привела Каменева вместе с его союзником Зиновьевым к штрейкбрехерству в Октябрьские дни, когда они попытались нанести изменнический удар партии и пролетарской революции. Эти меньшевистские симпатии Каменева впоследствии сделали прочным блок с Троцким для борьбы с партией Ленина—Сталина, для борьбы против пролетарской диктатуры. Естественно, что для Каменева совсем непонятной была сущность сложившегося в февральские дни двоевластия.

Характеризуя первый этап Февральской революции, Ленин писал: «В высшей степени замечательное своеобразие нашей революции состоит в том, что она создала двоевластие»[18]. Это двоевластие выражалось в том, что рядом с Временным правительством, как формальным носителем государственной власти, существовал и действовал как фактическая власть совет рабочих и солдатских депутатов. Этот совет был революционной диктатурой пролетариата и крестьянства, так как источником его власти был не закон, а революционная инициатива народных масс; он разоружал полицию, заменял ее вооруженной милицией, он ставил армию под контроль советов (приказ № 1); чиновничество оказалось бессильным, так как оно теряло реальную власть, не обладало действительной силой для проведения своих мероприятий, и над ним устанавливался контроль советов, которые сменяли тех, кому не могли или не хотели доверять

---

[15] Протоколы седьмой (апрельской) конференции РСДРП(б). М., 1934. Выступление Каменева, стр. 67.
[16] Там же.
[17] Там же.
[18] Ленин, т. XX, стр. 94.

(факты первых дней Февральской революции). Ленин тогда же указал на советы, как на новый тип государства, как государство типа Парижской коммуны. Оценивая фактическое положение, Ленин писал: «Фактически в Питере власть в руках рабочих и солдат: ни полиции, ни особой от народа армии, ни стоящего всесильно над народом чиновничества нет»[19]. Тот же факт была вынуждена признать и буржуазия; Гучков в письме к генералу Алексееву писал: «Действительное положение вещей таково: 1) Временное правительство не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, кои допускает Совет рабочих и солдатских депутатов, который располагает важнейшими элементами реальной власти, так как войска, железные дороги, почта и телеграф в его руках. Можно прямо сказать, что Временное правительство существует лишь, пока это допускается Советом рабочих и солдатских депутатов»[20]. Так расценивала положение сама буржуазия.

Временное правительство выражало диктатуру буржуазии, советы были выражением революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Но такое состояние не могло долго продолжаться: двух властей в государстве не может быть, одна из них должна была сойти на нет. Буржуазия стремилась к единовластию, но не обладала в первые дни революции реальной для этого силой. Сознательные рабочие, руководимые большевиками, вели линию на единовластие советов, но большинство в советах в те дни не шло за ними. Массы еще не освободились из-под влияния буржуазии и ее меньшевистско-эсеровской агентуры, верили в ее мирные стремления и искренность в деле демократического преобразования страны. Если бы этого не было, возможен был бы мирный переход власти к советам[21], так как в тот момент буржуазия не располагала реальной силой для вооруженной борьбы за власть. Письмо Гучкова ясно показывает, что никакого сопротивления буржуазия не смогла бы оказать установлению единовластия советов.

Но руководившие советами соглашатели не хотели власти, они боялись ее, — они передали государственную власть буржуазии. Большей услуги нельзя было оказать буржуазии, — это было основное предательство революции. Будучи проводниками буржуазного влияния на пролетариат и крестьянство, меньшевики и эсеры, провозглашая общенародной происшедшую революцию, символом своей веры и деятельности сделали укрепление власти в руках буржуазии.

---

[19] Ленин, т. XX, стр. 102.
[20] «Петроградский совет рабочих и солд. деп.», 1925 г., стр. 5.
[21] См. Ленин, т. XXI, стр. 33—34.

«Двоевластие» есть паралич советов» — говорил Ленин, следующим образом характеризуя роль социал-предателей по отношению к советам: «Эсеровские и меньшевистские вожди проституировали советы, сводили их на роль говорилен, на роль придатка к соглашательской политике вождей. Советы гнили и разлагались заживо под руководством Либеров, Данов, Церетели, Черновых. Развиться настоящим образом, развернуть полностью свои задатки и способности советы могут, только взяв всю государственную власть, ибо иначе им нечего делать, иначе они либо просто зародыши (а слишком долго зародышем быть нельзя), либо игрушки» [22].

Большевики выступали в этот период с лозунгом «вся власть советам», как «лозунгом мирного развития революции вперед» [23]. В этот период основной упор делался на прояснение сознания рабочего класса, на его освобождение от буржуазного влияния, на изоляцию мелкобуржуазных партий. Руководящей линией работы партии в массах в этот период была настойчивая, повседневная, упорная, учитывающая все практические запросы масс «работа критики, разъяснения ошибок мелкобуржуазных партий, эсеров и социал-демократов... (высвобождение пролетариата из «общего» мелкобуржуазного угара)» [24]. Поэтому в период двоевластия партия боролась против «левого» требования группы Богдатьева о немедленном свержении Временного правительства, как одновременно боролась и против правых, по существу меньшевистских, позиций Каменева и Рыкова, характеризовавших нашу революцию, как буржуазную.

Апрельская конференция нашей партии так определила задачи этого периода: «С одной стороны, всесторонняя поддержка... развития революции на местах, с другой стороны—систематическая борьба внутри советов (путем пропаганды и перевыборов их) за торжество пролетарской линии; направление всех усилий и всего внимания на рабочую и солдатскую массу; на отделение пролетарской линии от мелкобуржуазной, интернационалистской от оборонческой, революционной от оппортунистической, на организацию и вооружение рабочих, на подготовку их сил к следующему этапу революции. Конференция заявляет еще раз, что необходима всесторонняя работа внутри советов рабочих и солдатских депутатов, увеличение их числа, укрепление их сил, сплочение внутри их пролетарских, интернационалистских групп нашей партии» [25].

Оправившись от первых ударов и убедившись в преданности соглашателей, готовых в своем усердии перед буржуазной властью пойти даже на ликвидацию советов, буржуазия начина-

---

[22] Ленин, т. XXI, стр. 258.
[23] Там же, стр. 34.
[24] Там же, т. XX, стр. 115—116.
[25] «ВКП(б)» в резолюциях», ч. 1, 1932 г., стр. 261—262.

ет подготовлять свои силы для наступления на революцию, используя оставленный в ее распоряжении государственный аппарат. Советы из органов фактической власти постепенно превращаются в придаток буржуазной власти, прежде всего — в столицах.

«Двоевластие стало нестерпимым для обеих сторон. Хрупкое здание «контактной комиссии» доживает последние дни... Кризис на фронте и разруха в тылу делают свое дело, усиливая крайние фланги и сжимая с двух сторон соглашателей-оборонцев. Революция мобилизуется, вызывая мобилизацию контрреволюции. Контрреволюция, в свою очередь, подстегивает революцию, вызывая новые волны революционного прилива. Вопрос о переходе власти к новому классу становится очередным вопросом дня»[26].

Большевики в этот период, продолжая борьбу за революционную мобилизацию масс, за формирование политической армии, стоят во главе единого революционного фронта снизу.

VI съезд РСДРП(б) констатирует, что «советы переживают мучительную агонию, разлагаясь вследствие того, что не взяли во-время всей государственной власти в свои руки. Лозунг передачи власти советам... был лозунгом мирного развития революции, безболезненного перехода власти от буржуазии к рабочим и крестьянам... В настоящее время мирное развитие и безболезненный переход власти к советам стали невозможны, ибо власть уже перешла на деле в руки контрреволюционной буржуазии. Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии. Лишь революционный пролетариат, при условии поддержки его беднейшим крестьянством, в силах выполнить эту задачу, являющуюся задачей нового подъема... Партия должна взять на себя роль передового борца против контрреволюции, энергично отстаивать все завоевания свободы и явочным порядком утвержденные права, отстаивать против контрреволюционных покушений все массовые организации (советы, фабрично-заводские комитеты, солдатские и крестьянские комитеты), и в первую голову — советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; всеми силами сохранять и укреплять позиции, завоеванные в этих органах интернационалистским крылом; энергично бороться за влияние в них, сплачивая вокруг себя все элементы, переходящие на точку зрения последовательной борьбы с контрреволюцией»[27].

Корниловский мятеж стал решающим сигналом для возрождения советов. Почувствовав самую непосредственную и грозную опасность для завоеваний революции, массы дружно

---

[26] Сталин, «Об оппозиции»; Гиз, 1928 г., стр. 111.
[27] «ВКП(б) в резолюциях», ч. 1, стр. 292—293.

поднялись против контрреволюционной авантюры. Военно-революционные комитеты покрыли всю страну, сосредоточили фактически в ряде мест всю полноту власти в своих руках. Эти революционные организации масс спасли революцию. «Без этих организаций, — железнодорожных, солдатских, матросских, крестьянских, рабочих, почтово-телеграфных и прочих «самочинных» комитетов, — без их революционного почина и боевой самодеятельности революция была бы сметена... Тем энергичнее должна быть наша работа по укреплению и расширению этих организаций. Пусть живут и развиваются, пусть крепнут и побеждают «самочинные» комитеты — вот каков должен быть лозунг друзей революции»[28] — писал т. Сталин в эти дни.

Начался быстро расширяющийся процесс большевизации советов. Это было переходом непосредственно к предоктябрьскому периоду — периоду организации штурма буржуазной диктатуры. «Поражение корниловского восстания открыло вторую стадию. Лозунг «вся власть советам» вновь стал на очереди... Теперь этот лозунг означал организацию и государственное оформление диктатуры пролетариата»[29]. В порядок дня вновь поставлен вопрос власти. Руководимые большевиками советы снова превращаются в органы революционной власти: «В жизни мы имеем не одну, а две власти: власть официальную, Директорию, и власть неофициальную, власть Советов. Борьба между этими двумя властями, пока еще глухая и неосознанная, — вот характерная черта момента»[30].

Лозунг «вся власть советам» становится лозунгом организации революционных рабочих, солдат и крестьян на штурм буржуазной диктатуры. Это — лозунг свержения буржуазной диктатуры. Изменение хода революции т. Сталин характеризовал следующим образом: «Революция идет. Обстрелянная в июльские дни и «похороненная» на Московском совещании, она вновь подымает голову, ломая старые преграды, творя новую власть... В огне борьбы оживают умершие, было, советы. Они вновь становятся у руля, ведя революционные массы. Вся власть советам — таков лозунг нового движения... Сомнения невозможны. Перед нами две власти: власть Керенского и его правительства и власть советов и комитетов. Борьба между этими двумя властями — вот характерная черта переживаемого момента. Либо власть правительства Керенского, — и тогда господство помещиков и капиталистов, война и разруха. Либо власть советов, — и тогда господство рабочих и крестьян, мир и ликвидация разрухи. Так и только так ставит вопрос сама жизнь»[31].

---

[28] Сталин, Своим путем, «Рабочий путь» № 3 от 19(6) сентября 1917 г.
[29] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 95.
[30] Сталин, Две линии. «Рабочий путь» № 12 от 29(16) сентября 1917 г.
[31] Сталин, Вся власть советам, «Рабочий путь» № 13 от 30(17) сентября 1917 г.

Советы вплотную начинают создавать организацию собственного аппарата, свои штабы руководства борьбой (военно-революционные комитеты), свою вооруженную силу (красная гвардия). «На демократическом совещании» большевики выступают с декларацией, в числе других пунктов требующей: а) восстановления полной свободы агитации, восстановления всех демократических организаций в армии и очищения армии от контрреволюционного состава, б) выборности комиссаров и других должностных лиц местными организациями, в) всеобщего вооружения рабочих и организации красной гвардии [32]. Эти требования были направлены на то, чтобы выбить из рук буржуазии вооруженную силу, чтобы сосредоточить ее в руках пролетарских и крестьянских организаций, чтобы лишить буржуазию ее опорных пунктов в государственном аппарате. Петроградский совет призвал советы «мобилизовать все свои силы, чтобы оказаться подготовленными к новой волне контрреволюции и не дать ей захватить себя врасплох... Революционные комитеты, созданные ими (советами.—*В. У.*) в корниловские дни, должны иметь наготове весь свой аппарат. Там, где советы этой полнотой власти не обладают, они должны всемерно укреплять свои позиции, держать свои организации в полной готовности, создавать по мере надобности специальные органы по борьбе с контрреволюцией и зорко следить за организацией сил врага» [33].

Тов. Сталин писал: «Теперь ясно для всех, что «власть советов» — не только популярный лозунг, но и единственно верное средство в борьбе за победу революции, единственный выход из создавшегося положения. Настал момент, когда лозунг «вся власть советам» должен быть, наконец, претворен в жизнь» [34].

В дни, когда руководимая Лениным и Сталиным партия большевиков собирала и организовала все силы для решительного, последнего штурма буржуазной диктатуры, меньшевистские агенты в рядах партии — Зиновьев и Каменев — попытались внести смятение и дезорганизацию в ряды идущих на штурм буржуазии революционных рабочих. Не веря в победоносность социалистической революции, отрицая советы, как органы пролетарской революции, они предательски выступили на страницах враждебной пролетарской революции меньшевистской печати (в газете «Новая жизнь») с раскрытием плана вооруженного восстания против буржуазии. Не веря в силы пролетариата, Зиновьев и Каменев утверждали, что «мы можем и должны теперь ограничиваться оборонительной позицией» [35]. Эти трусы, претендовавшие на роль вождей, вместо призыва масс к штурму

---

[32] «Рабочий путь» № 15 от 3 октября (20 сентября) 1917 г.

[33] «Рабочий путь» № 18 от 6 октября (23 сентября) 1917 г.

[34] Сталин, Власть советов, «Рабочий путь» № 35 от 26(13) октября 1917 г.

[35] Заявление Г. Зиновьева и Ю. Каменева 24(11) октября 1917 г. (См. Ленин, т. XXI, стр. 497).

буржуазной диктатуры призывали «обороняться» от казавшейся им неизмеримо сильной буржуазии. Не веря в советы, как органы восстания и государственной власти пролетариата, Зиновьев и Каменев рекомендовали «соглашение» с предателями революции — меньшевиками и эсерами, как «идеал» выдвигая «Учредительное собрание плюс Советы — вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем».[36]. И в то же время они успокаивали, что «подделать выборы в Учредительное собрание Временное правительство бессильно», и поэтому большевики в Учредительном собрании будут «настолько сильной оппозиционной партией, что в стране всеобщего избирательного права наши противники вынуждены будут уступать нам на каждом шагу»[37].

Эта программа была меньшевистской капитуляцией перед воображаемой непобедимостью буржуазии, холопской переоценкой ее силы. Находясь во власти буржуазного демократизма, грезя о «неподдельном» учредительном собрании, мечтая, что голосованием, «соглашением» классов можно решить вопросы власти, — предатели брали линию на «оппозицию» против буржуазии вместо захвата власти и слома государственной машины буржуазной диктатуры. Это был прямой переход на позиции меньшевизма, трусость и капитулянтство, сочетавшиеся с самым низким предательством, выдачей планов восстания пролетариата его заклятым врагам. Предложение Зиновьева и Каменева только на 2 года предвосхитило предательство палачей германского рабочего класса — Шейдемана и Носке, которые в 1919 г. сначала превратили советы в придаток к учредилке, а затем потопили в крови пролетарскую революцию. Таково «неслыханное» штрейкбрехерство»[38] «бесхарактерных интеллигентиков»[39], «выдавших дело Родзянке и Керенскому».

Ленин заклеймил это преступление, как подлейшее и вреднейшее, как предательство.

Будущие вдохновители фашистских убийц начали свою «историю» в пролетарской революции с предательства, изменяя затем на каждом ее решающем этапе делу пролетариата. Такова судьба каждого мелкобуржуазного демократа, который говорит: «я за классовую борьбу, я за социализм, я за коммунизм, — а когда дело доходит до борьбы, до слома буржуазной государственной машины, до террора, до настоящей драки, тут-то он и начинает пасовать»[40]. Пасуя в борьбе против буржуазии, они зато ни пе-

---

[36] Заявление Г. Зиновьева и Ю. Каменева 24 (11) октября 1917 г. (См. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 495).

[37] Там же, стр. 497. Разрядка моя. (В. У.)

[38] Ленин, т. XXI, стр. 350).

[39] Там же, стр. 355.

[40] Л. Каганович, Двенадцать лет строительства советского государства и борьба с оппортунизмом. «Сов. государство и революция права» № 1, за 1930 г., стр. 17.

ред чем не остановились в борьбе против коммунистической партии и пролетарской революции. Изменив революции, они стали, и не могли не стать, авангардом контрреволюции. Таков путь каждого ренегата пролетарской революции, каждого изменника знамени Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина.

Рассмотренные нами этапы в развитии советов в процессе революции самым непосредственным образом отражались на развитии функций советов.

На первом этапе, в период двоевластия, поскольку советы являлись органами революционной власти, мы видим целый ряд их органов, фактически выполняющих функции управления. Наряду с этим у советов многочисленные контрольные функции, выделение комиссаров в разные организации и т. п. На местах их революционный почин и самодеятельность в ряде случаев приводят к тому, что советы уже с первых дней революции становятся организаторами власти на местах. Однако, политика соглашения с буржуазией, проводимая меньшевиками и эсерами, накладывает путы на эту самодеятельность масс. На примере политики соглашателей в отношении Кронштадтского совета Ленин демонстрирует, как «Церетели и Скобелев помогли русским капиталистам строить в России такую республику, чтобы это вышла собственно не республика, а монархия без монарха»[41]. Боясь, как бы на местах советы не стали укрепляться в качестве органов власти, соглашатели не только передают в Петрограде власть буржуазному правительству, но еще от имени Петроградского совета инструктируют и местные советы, чтобы они не смели выполнять функций государственной власти, а быстрее передали все функции управления органам Временного правительства.

Вот что рекомендовал Петроградский совет в разосланной в конце марта на места инструкции: «Пока между Петроградским советом Р. и С. Д. и Временным правительством соглашение не нарушено, Временное правительство должно считаться для всей России единственным законным правительством. Все его распоряжения, если они не опротестованы Петроградским исполнительным комитетом, должны исполняться; поставленные им органы власти, посланные им комиссары должны быть признаны законными властями, если они по своим личным качествам или политическому прошлому не кажутся опасными или вредными для дела свободы. Советы рабочих и солдатских депутатов как органы революционной демократии по отношению к правительству являются органами революционного контроля... главная задача — борьба с остатками старого режима, со всеми попытками контрреволюции и организация населения... Провинциальные советы Р. и С. Д. должны по возможности со-

41 Ленин, т. XX, стр. 439.

гласовывать свою деятельность с другими общественными организациями на местах, признавшими новый строй, и с правительственными учреждениями. Согласование это может выражаться в пополнении городских дум или городских исполнительных комитетов представителями демократической части населения, в делегировании туда своих представителей, во взаимном осведомлении и т. д. Во всех вопросах, касающихся общегородских дел, как продовольствие, милиция, общественная безопасность, борьба с представителями старой власти, выборы во временные самоуправления и т. д., во всех этих вопросах провинциальные советы должны действовать совместно с другими организациями и комиссарами правительства, а никоим образом не брать на себя одних правительственных функций»[42].

Эта инструкция характерна для позиции соглашателей в тот период. Они имели дело еще с фактической властью советов, но им хотелось как можно скорее закрепить всю полноту власти за буржуазным правительством, лишить советы и тени власти. И в то же время они боялись саморазоблачения перед лицом революционных масс, не особенно доверявших Временному правительству, а тем более чиновникам царского аппарата. Поэтому в одной и той же инструкции они изображали советы, как власть, стоящую над Временным правительством, указывая на фактическое визирование («если они не опротестованы»...) советом постановлений Временного правительства, и одновременно требовали, чтобы советы «никоим образом не брали на себя одних правительственных функций»; однако, они допускали, что советы не признают «законной властью» тех, кто опасен или вреден для дела свободы. Так сила реальных фактов первых дней революции ставила соглашателей в порочный круг противоречий. И когда мы следим шаг за шагом за тем, как совершалась эта «передача власти», то можно наглядно убедиться в ограниченности и трусливости этих доктринеров оппортунизма, пуще всего боявшихся власти в руках революционных рабочих и солдат, т. е. страдавших настоящей народобоязнью.

В распоряжении Петроградского совета были вооруженные рабочие и солдаты. Но соглашатели передали власть Временному правительству, не обладавшему в тот момент никакой реальной силой. Правительство это держалось только милостью соглашательского руководства советов. Однако, соглашатели пытаются изобразить его как реальную власть. В заседании Петроградского исполнительного комитета 8 марта они ставят вопрос «об отношении к правительству» и постановляют следующее: «принять неотложные меры в целях осведомления совета о намерениях и действиях Временного правительства, осведомле-

[42] «Организация и строительство советов», стр. 54—55.

ния последнего о требованиях революционного народа»[43]. Успокаивая себя «непрерывным контролем» за осуществлением требований революционного народа, соглашатели смиренно просят тех, кому они могли диктовать: они сами создали Временное правительство, а совет рабочих и солдатских депутатов был единственной действительной властью в тот момент.

В Иваново-Вознесенске происходит в двух залах параллельное заседание совета рабочих депутатов и городской думы с общественными представителями. Обсуждается вопрос об организации временной власти в городе. Совет намечает состав временной исполнительной власти, обоими собраниями избирается согласительная комиссия, предлагающая свой проект городской думе; последняя принимает его с незначительными изменениями. Соглашатели спокойны: власть в руках «демократической» организации, а не «классового» совета. В Самаре из представителей демократических и революционных организаций создается конспиративный временный революционный комитет (еще нет официального указания о смене старой власти), который организует выборы в совет рабочих депутатов. Одновременно городской голова на основании полученных из центра указаний организует комитет общественной безопасности. Манифестация 5 марта продемонстрировала, что совет пользуется самой широкой поддержкой и авторитетом в массах. На всех митингах совет признается единственным руководителем. В результате этого городская дума и управа слагают свои полномочия. Но совет ищет, кому передать власть. В конце концов власть передается полубуржуазному комитету народной власти[44].

Причиной этих, на первый взгляд, странных явлений, было неверие в революционную силу масс и лакейское преклонение перед воображаемым могуществом буржуазии.

Законное недоверие масс к старой власти, реальное ощущение собственной силы заставляют советы выходить за пределы функций контроля. Когда Московский губернский съезд советов крестьянских депутатов указывает, что задачей советов крестьянских депутатов должны быть «контроль над действиями временных органов власти и наблюдение, чтобы они не отступали от демократических начал»[45], то это означает уже не только контроль.

Поэтому в период февраль—октябрь было много случаев, когда советы давали прямые директивы госаппарату. Так, в самые первые дни революции Московский совет предложил военному штабу издать приказ о выборах во всех воинских ча-

---

43 «Петроградский совет рабочих и солд. деп.», 1925 г.; стр. 26;
44 «Организация и строительство советов», стр. 23, 45;
45 «Советы крестьянских депутатов», стр. 55;

стях комитетов из выборных представителей от солдат. Воронежский совет 13 марта предлагает заместить все местные административные ответственные должности по указанию советов и других местных общественных организаций, а 23 апреля указывает, что всякий акт Временного правительства без одобрения Петроградского совета является «недопустимым и юридически недействительным». Положение об Иваново-Вознесенском совете говорит, что совет во всех видах местного и государственного управления влияет на его состав и организацию.

В иных случаях совет становился действительной властью. Так, в Грозном совет взял на себя все административные функции в городе и на нефтяных промыслах, посылал комиссаров во всевозможные учреждения, а также руководил милицией. Представитель Терской области докладывал на Всероссийском организационном совещании советов в августе 1917 г., что «советы или заменяли собой старые учреждения или подгоняли старую административную машину»[46]. На том же совещании представители Западной Сибири указывали, что местные советы в крупных центрах вмешиваются во всю жизнь своего района, организуя промышленность, ведя учет и реквизицию хлеба и других товаров, организуя транспортное движение и т. д., а военный отдел Западносибирского областного комитета советов является не только органом контроля, но и верховным органом управления войсками округа[47]. В Николаеве Херсонской губ. совет объявил себя высшей политической властью в уезде и устранил комиссара Временного правительства. Его исполнительным органом был исполнительный комитет народной власти. Все распоряжения последнего являлись обязательными, а все противоречащие его распоряжениям указания иных организаций и учреждений, откуда бы они ни исходили, объявлялись не подлежащими исполнению[48]. В Глазове Вятской губернии исполнительный комитет совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов объявил себя органом управления и избрал своих кандидатов на должности уездного комиссара и начальника милиции, потребовав ликвидации исполнительного комитета общественных организаций[49].

Так в больших и малых городах советы выступали как реальные органы власти. Съезд советов рабочих депутатов Закавказья в середине марта 1917 г. даже прямо указал в резолюции, что «советы рабочих депутатов являются одним из органов революционной власти»[50]. Эта формулировка была полностью воспроизведена в положении о Бакинском совете рабочих и военных депутатов: «Бакинский совет рабочих и во-

[46] «Организация и строительство советов», стр. 337;
[47] Там же, стр. 335.
[48] «Вестник Временного правительства» № 95 за 1917 г.;
[49] «Вестник Временного правительства» № 105 за 1917 г.;
[50] «Организация и строительство советов», стр. 168.

енных депутатов является одним из органов революционной власти. Осуществляя свою задачу как орган власти, он вместе с тем, с одной стороны, является опорой для революционного правительства, поскольку оно последовательно проводит возвещенную демократическую программу; с другой стороны, он является органом, контролирующим действия властей, и способствует организации демократии для решительной борьбы с контрреволюцией»[51].

Но все это было проявлением двоевластия. Большевики боролись за превращение советов в органы революционной власти, действующие полновластно, не делящие ни с кем своей власти. Меньшевики же вели свою линию передачи всей полноты власти буржуазии и обессиливания советов. Меньшевики использовали свое руководящее положение в советах для укрепления буржуазной диктатуры и ослабления роли советов, а обострение классовой борьбы положило конец двоевластию. Но очень скоро ход революционного кризиса сделал свое: «быстрое нарастание кризиса, полная растерянность правящих кругов, изоляция эсеров и меньшевиков и массовая перебежка колеблющихся элементов на сторону большевиков»[52] вновь ставят в порядок дня превращение советов в органы власти, но уже в органы пролетарской диктатуры.

Если на первом этапе превращение советов в органы власти в значительной степени имело стихийный характер, то на втором этапе революции положение меняется. В период двоевластия некоторые советы брали на себя функции власти в силу того простого факта, что они фактически в данном месте являлись единственной властью. Они выполняли функции власти в силу революционного инстинкта самосохранения народных масс, не доверявших старой власти и требовавших ее разгона. Но советы шли на поводу у соглашателей, предававших их буржуазии. В период подготовки штурма советы идут за большевиками, ведущими линию на превращение советов в органы государственной власти, в органы диктатуры пролетариата. Советы, руководимые большевиками, превращаются в штабы подготовки вооруженного восстания против буржуазной диктатуры. Теперь власть было необходимо взять насильственным путем, свергая буржуазию и ее органы власти. Идет сознательная, планомерная подготовка к овладению властью, идет и строительство будущего госаппарата — советов, прежде всего, как вооруженной силы рабочих и солдат.

Задача по отношению к госаппарату буржуазии была ясна: опыт предшествовавших революций, богатей-

---

[51] «Организация и строительство советов», стр. 344.
[52] Сталин, Об оппозиции, Гиз, 1928, стр. 113.

ший опыт революций 1905 г. и особенно 1917 г. вскрыл весь контрреволюционный характер рассуждений о возможности приспособить царский госаппарат к требованиям революции; «овладеть» госаппаратом и «привести его в движение» пролетариат не может. Но он может разбить все, что есть угнетательского, рутинного, неисправимо-буржуазного в старом государственном аппарате, поставив на его место свой, новый аппарат. Этот аппарат и есть советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»[53]. Это и есть новый госаппарат. Советы стали «могильщиком буржуазной государственной машины» и «основой пролетарской государственной власти»[54].

Советы стали «новой формой организации пролетариата» (Сталин); они стали его «общей государственной организацией», основой и самим государственным аппаратом пролетарской диктатуры. «Советская власть является новой формой государственной организации, принципиально отличной от старой, буржуазно-демократической и парламентарной формы, новым типом государства, приноровленным не к задачам эксплоатации и угнетения трудящихся масс, а к задачам полного их освобождения от всякого гнета и эксплоатации, к задачам диктатуры пролетариата»[55]. В чем же сущность этого нового госаппарата советов?

Ленин и Сталин отвечают на это: а) в том, что советы являются вооруженной силой рабочих и крестьян, теснейшим образом связанной с народом, а поэтому несравненно более могучей, чем армия буржуазной диктатуры, и в то же время наиболее мощным органом революционной борьбы масс; б) в том, что советы являются наилучшей организацией связи с массами, всеобъемлющими массовыми организациями пролетариата; в) в том, что по самому характеру своему они представляют собой высший тип демократии сравнительно с буржуазной демократией, ибо советы — это непосредственная организация самих масс, а не организация над массами, подобно чиновничеству; г) в том, что советы являются организацией руководства со стороны авангарда трудящихся, со стороны пролетариата — всей массой угнетенных, что через советы пролетариат поднимает, воспитывает, обучает и ведет за собой всю массу тех, кто до этого стоял вне политической жизни, был забит и угнетен эксплоататорами; д) в том, что они соединяют в одной организации и представительство народа и исполнительные функции. Поэтому «республика советов является... той искомой и найденной, наконец, политической формой, в рамках которой должно быть совершено экономическое освобождение пролетариата, полная победа социализма. Парижская коммуна была зароды-

[53] Ленин, т. XXI, стр. 257.
[54] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 34.
[55] Там же, стр. 35.

шем этой формы. Советская власть является ее развитием и завершением»[56].

V. ОРГАНИЗАЦИОННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО СОВЕТОВ

Поскольку сами советы являлись новым госаппаратом, можно сказать, что уже в период Февральской революции закладывались основы будущего госаппарата пролетарской диктатуры. В тот же период накопляется и организационный опыт в области советского строительства. Пролетариат, готовясь к решительному бою за власть, готовит и рабочий аппарат своей будущей государственной власти, готовит и вооруженную силу как для завоевания власти, так и для ее удержания. Наконец, в советах под руководством революционного авангарда пролетариата — партии большевиков — происходит огромная воспитательная работа по вовлечению масс в управление государством, происходит обучение государственному управлению.

Советы прежде всего явились организующей формой для широких трудящихся масс. «Советы, по своему классовому составу, были органами движения рабочих и крестьян, готовой формой их диктатуры». Они были «настоящими организациями громадного большинства народа. Рабочие и крестьяне, одетые в военную форму, были вооружены»[1].

Это огромное организационное значение советов было причиной их широчайшего распространения не только в городах, но и в деревне. Московский губернский съезд советов крестьянских депутатов прямо указывает в своей резолюции, что «наилучшей формой организации для защиты классовых интересов трудового крестьянства являются советы крестьянских депутатов..., построенные снизу доверху, с Всероссийским советом крестьянских депутатов во главе»[2] Ту же мысль выражает и положение о районных советах Петроградского совета, определяющее районный совет как «выразителя политической воли данного района»[3].

Эта роль советов особенно подчеркивается в период подготовки к штурму. Московский совет в резолюции от 28 сентября заявляет:

«В предвидении этого (гражданской войны. — *В. У.*) советы рабочих и солдатских депутатов, превратившиеся в настоящее время в органы классовой борьбы и становящиеся уже местами органами революционной власти, должны развить самую широкую деятельность, противопоставляя себя органам контрреволюционной власти в центре и на местах. Советы должны стать

---

[56] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 36.
[1] Ленин, т. XXI, стр. 34, 70.
[2] «Советы крест. депутатов», стр. 53».
[3] «Известия Петроградского совета» № 61 за 1917 г.

центрами массового движения, организующими все силы революции»[4].

Советы не только организовали вокруг себя рабочую массу, не только брали на себя почин политической организации деревенской бедноты, они в огромной степени охватывали организационной связью и воинские части. Очень показательна в этом отношении работа отдела фронта Московского совета рабочих депутатов. Этот отдел наладил связь с 300 частей армии разных фронтов, он был связан и с ротными, и с полковыми и с дивизионными, и с армейскими комитетами. Он собирал сведения по всем этим воинским частям об их организации, об отношении к офицерству, о политических настроениях, снабжении и т. д. Была налажена живая связь с приезжающими с фронта делегатами. В свою очередь отдел фронта информировал армию о позиции совета по отдельным вопросам политической и экономической жизни, наряду со снабжением воинских частей литературой. Своей специальной задачей отдел фронта ставил организацию агитации и пропаганды в воинских частях.

Одной из важнейших форм организации трудящихся масс не только вокруг советов, но и вокруг рабочего класса было объединение советов. Мы уже упоминали об объединительных тенденциях в строительстве советов. Это объединение шло по вертикали в форме объединения советов в единую всероссийскую систему, по горизонтали — в виде объединения советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на определенной территории. Конференция фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б) 29 июня — 6 июля (16—23 июня) 1917 г. намечала следующую общественную организацию армии: в каждой воинской части соответственно должны избираться прямым голосованием ротные, батальонные, полковые и тому подобные комитеты. В полку должен быть организован совет выборных полка, перед которым в качестве его исполнительного органа отвечает полковой комитет. А рядом с этим создается общегородской совет рабочих и солдатских депутатов как «руководящий центр» политической и административной жизни данного города.

Советы выступают не только в качестве организаторов масс непосредственно, не только организуют крестьян в деревне, они выступают и как организаторы профсоюзов и фабрично-заводских комитетов. Так, при Петроградском совете создается профессиональная комиссия, ставящая своей задачей «содействие организации и объединению профессионального движения в общерусском масштабе». По предложению Всероссийского совещания советов, отделом труда Петроградского совета совместно с центральным бюро профсоюзов, со-

[4] «Известия Московского совета» № 173 за 1917 г.

зывается II Всероссийская конференция профсоюзов. Комиссия труда Екатеринославского совета рабочих депутатов вырабатывает «основные положения о профессиональных союзах» (устав) и призывает к созданию рабочих организаций. Точно так же Петроградский совет вырабатывает инструкцию фабрично-заводским комитетам (советам старост). В Киеве общее собрание совета, по предложению исполнительного комитета, рассматривало план организации заводских комитетов. Таких примеров можно привести десятки.

Наоборот, в период кризиса советов наблюдается обратная картина: советы теряют свою роль и авторитет организатора масс. Разлагаемые меньшевиками, они перестают быть организующими центрами. В отдельных районах активизировать замирающую деятельность советов пытаются профессиональные организации. Очень характерно в этом отношении заявление правления Дисненских союзов (Виленской губернии) в совет рабочих и солдатских депутатов этого города, в котором говорится: «Союзы, как органы, объединяющие рабочих для борьбы с капиталом, могут и должны требовать от совета как авторитетного, политического рабочего органа, идейной и твердой поддержки в их практической работе», а вместо этого налицо вялая работа Дисненского совета[5]. Эта как будто отрицательная оценка деятельности совета на самом деле лишний раз характеризует все значение советов как организаторов широких масс, значение, которое меньшевики в своем холопском усердии перед буржуазией пытались всячески умалить.

Но советы не только организаторы масс, они и зародыш новой власти, власти пролетарской диктатуры. Поэтому уже в условиях буржуазной диктатуры они начинают вести работу по созданию основ нового госаппарата. Разоблачая показной демократизм соглашателей, Ленин говорил: «недостаточно демократию проповедывать, недостаточно ее провозглашать и постановлять, недостаточно вверять ее осуществление «представителям» народа в представительных учреждениях. Надо строить демократию тотчас, снизу, почином самих масс, их действенным участием во всей государственной жизни без «надзора» сверху, без чиновников»[6].

По-настоящему эта работа развертывается только тогда, когда руководство советами переходит к большевикам, которые направляют стихийные стремления рабочих и трудящихся в организованное русло советской государственности: «эсеры и меньшевики все сделали, все возможное и все невозможное, чтобы превратить советы... в пустые говорильни... Но достаточно было «свежего ветерка» корниловщины обещавшего хорошую бурю, чтобы все затхлое в совете отлетело на

[5] «Организация и строительство советов», стр. 279.
[6] Ленин, т. XX, стр. 194—195.

время прочь, и инициатива революционных масс начала проявлять себя, как нечто величественное, могучее, непреоборимое»[7].

И тем, кто не понимал значения советов как уже складывающегося аппарата грядущей пролетарской диктатуры, Ленин отвечал: «пусть устыдятся те, кто говорит: «у нас нет аппарата, чтобы заменить старый, неминуемо тяготеющий к защите буржуазии аппарат». Ибо этот аппарат есть»[8].

Эту роль советов, как основы госаппарата, выразил в уже упомянутом положении о райсоветах Петроградский совет, определивший райсоветы как «организаторов и демократизаторов местных учреждений».

В советах участвовали десятки тысяч человек. Девять десятых из них впервые приобщались к политической, активной общественной жизни. Для них советы были огромной политической школой, в которой они под руководством большевиков учились осознавать свои классовые интересы, учились отличать подлинных революционных руководителей борьбы против буржуазии от ее лакеев, социал-предателей, этих мнимых «защитников» революции. Тысячи этих вновь рожденных для политической жизни и сознательной борьбы с эксплоататорами в свою очередь становились организаторами новых тысяч трудящихся. Но советы не только политически воспитывали, не только организовывали классовое сознание рабочих и трудящихся. Они были и школой управления государством. Если на пленарных заседаниях советов шла политическая учеба, то в многочисленных комиссиях советов шло обучение практической деятельности управления, решались зачастую важнейшие вопросы руководства отдельными отраслями хозяйства, политики и т. п.

Если первоначально комиссии советов создавались прежде всего для обслуживания организационной работы совета, то затем создаются и такие комиссии, которые носят явно управленческий характер, показывают, насколько велика была роль советов как органов власти.

Еще на заседании 3 марта исполнительный комитет Петроградского совета постановил организовать следующие комиссии: а) продовольственную, б) агитационную, в) районную, г) железнодорожную и почтово-телеграфную, д) литературную, е) комиссию по возобновлению работ, ж) финансовую, з) автомобильную, и) информационную и по текущим делам, к) комиссию по заведыванию издательско-типографским делом[9]. 12 апреля вместо комиссий создаются отделы, в том числе: а) петроградский, ведающий организацией рабочего движения вокруг

---

[7] Ленин, т. XXI, стр. 145.
[8] Там же.
[9] «Петроградский совет», стр. 10.

совета, б) иногородный, в) отдел труда, г) законодательный, д) отдел устной и литературной агитации, е) военный, ж) финансовый, з) «Известия» и «Голос солдата», и) экономический и экономической политики, к) аграрный [10].

Сравнение измененной структуры аппарата с прежней показывает значительное расширение деятельности совета, хотя в первые дни последний выступал почти исключительно как орган власти, а позднее пошел на поводу у Временного правительства. Необходимость под напором масс и при явной пассивности, нежелании Временного правительства заняться существенной реформаторской деятельностью заставила даже соглашательское руководство Петроградского совета включиться непосредственно в законодательную работу и в проработку важнейших экономических вопросов.

Самая структура отделов была такова: во главе стоял член исполкома, затем — заведующие подотделами как из членов исполкома, так и со стороны. Но эти отделы в отличие от комиссий провинциальных или районных советов не являлись массовыми органами, хотя, конечно, значительная часть членов совета вовлекалась в их работу по отдельным поручениям. Позднее был еще образован муниципальный отдел по организации работы местного самоуправления для объединения и углубления творческих усилий революционной демократии в деле местного самоуправления и популяризации общих идей демократического самоуправления и отдельных мероприятий в массах петроградского населения [11]. Наконец, огромную роль в организации революционных сил Петрограда сыграло «междурайонное совещание советов Р. и С. Д.».

В Московском совете были организованы: а) военная комиссия, б) реквизиционная комиссия, в) тюремная комиссия, г) комиссия по обеспечению нового строя, д) отдел районных организаций, е) отдел труда, ж) отдел фронта, з) редакция «Известий», и) редакционно-издательский отдел, к) агитационно-пропагандистский отдел, л) финансовая комиссия, м) мандатная комиссия, н) финансово-политическая комиссия, о) аграрная комиссия, п) врачебно-санитарная комиссия [12]. Эти отделы и комиссии работали аналогично отделам Петроградского совета. Коллегии отделов составлялись из представителей трех партий: большевиков, меньшевиков и эсеров.

В провинциальных советах работа комиссий носила значительно более конкретный характер, была лишена «министерских» черт столичных отделов и зачастую являлась прямым осуществлением функций государственного управления.

---

[10] «Петроградский совет»; стр. 104.
[11] «Известия Петроградского совета»; № 140 за 1917 г.
[12] «Организация и строительство советов», стр. 326—328.

Так, в Грозненском совете работали следующие комиссии: а) по обследованию фабрик и заводов, б) по уборке хлебов, в) по обследованию военнообязанных, г) по нормировке цен на товары, д) по борьбе с пьянством и дезертирством. В Пятигорском совете были образованы такие отделы и комиссии: а) следственно-юридический, б) профессионально-экономический, в) культурно-просветительный, г) солдатский, д) комиссия по организации милиции, е) контроля по заготовкам для армии, ж) по устройству и лечению на минеральных водах бывших политических ссыльных и воинов [13].

Здесь мы видим уже иную картину. Если в столичных советах отделы и комиссии отражают общую руководящую роль Петроградского и Московского советов, то здесь создается аппарат непосредственного участия в наиболее острых конкретных вопросах того периода. Здесь работники отделов и комиссий в повседневной работе уже учились управлять. В Николаевском совете Херсонской губ., например, сначала работали следующие комиссии: 1) комиссия личного состава, 2) связи (иногородная), 3) рабочая, 4) крестьянская, 5) военная, 6) по проверке военнообязанных, 7) контроля над промышленными предприятиями, 8) продовольственная, 9) по проверке и разгрузке порта и железной дороги, 10) квартирная, 11) организаторская, 12) финансовая, 13) хозяйственная, 14) следственная, 15) юридическая, 16) редакционно-издательская, 17) по отправке маршевых рот, 18) по контрразведке, 19) культурно-просветительная, 20) по регулированию труда на строящейся железной дороге» [14] Затем эти комиссии были объединены и сведены в пять секций, внутри которых были организованы отделы. В военной секции были такие отделы: а) служебный (организация и демократизация войск, наблюдение за службой и обучением солдат, за правильной выдачей довольствия, обмундирования, за санитарным состоянием казарм, за освидетельствованием солдат, отправкой маршевых рот и борьбой с дезертирством), б) внеслужебный (помощь в получении пенсий, пособий, подыскании работы, лечении инвалидов, больных и раненых), в) судебно-следственный (разбор и расследование жалоб, улаживание конфликтов, наблюдение за работой ротных и полковых судов), в) культурно-просветительный (устройство библиотечек, чтение лекций, митингов, спектаклей, гуляний), д) по проверке военнообязанных. В рабочей секции были отделы: а) труда (регулирование труда, профессиональное движение), б) конфликтный (конфликты между рабочими и предпринимателями), в) судебно-следственный, г) статистический. В крестьянской секции были отделы: а) организационный — по организации крестьянства Херсонской губер-

---

[13] «Организация и строительство советов», стр. 237.
[14] Там же, стр. 213.

нии, б) связи — по установлению связи с деревней, в) культурно-просветительный — по распространению литературы, газет, организации митингов в деревне, подготовке инструкторов и агитаторов. В продовольственно-экономической секции работали отделы: а) продовольственный комитет, б) отдел по контролю над промышленными предприятиями, в) отдел по урегулированию транспорта, г) отдел экономический — по выяснению положения заводов, перехода на мирное положение, по снабжению топливом и т. д., д) отдел по учету торговых предприятий. Наконец, в судебно-следственной секции действовали отделы: а) следственный — расследование дел провокаторов, злоупотреблений старой власти, б) судебный в составе: межпартийного суда над провокаторами, временного городского суда, народного суда по борьбе с самосудами и временно-военного суда[15].

Таким образом, мы видим огромную разветвленную работу совета в самых различных областях. Чрезвычайно важно отметить, что большая доля внимания уделялась также и организационной работе в рабочих массах и в деревне. Выделение особой крестьянской секции свидетельствует о том, насколько важное значение придавалось вопросам организации крестьянства и его политическому просвещению. Николаевский совет вовсе не составляет исключения, — мы привели его как один из типичных образцов работы советов в провинции. Здесь наглядно видно, какую школу проходили 484 члена Николаевского совета.

Особой формой массовых советских организаций были районные советы в столицах. Вот как Московский совет определял их задачи: «Районные советы ставят себе целью широкую организацию рабочих масс, активную помощь всем рабочим организациям и имеют в виду предварительное обсуждение всех стоящих на очереди дня как политических, так и экономических вопросов и проведение в жизнь всех постановлений МСРД, а также технически обслуживают все социалистические партии при их общеполитических выступлениях»[16].

Естественно, что экономические вопросы привлекали большое внимание советов, так как хозяйственная разруха, усугублявшаяся саботажем промышленников, и ухудшавшееся продовольственное положение наряду с безудержной спекуляцией капиталистов и кулаков вызывали сильное давление со стороны рабочих масс на руководство советов. Одной из первых организаций советов поэтому явились различные продовольственные комиссии, комитеты и т. д.

Петроградский совет уже 4 марта создает продовольственную комиссию как «верховный орган контроля над продовольственным делом». Всероссийское совещание советов призывает советы

[15] «Организация и строительство советов», стр. 214—215.
[16] «Известия Московского совета» № 92 за 1917 г.

принять самое энергичное участие в продовольственном деле, указывая, что советы «должны явиться основной силой общественного контроля». В Киевском совете из 12 работавших комиссий самой значительной была продовольственная, в которую входило 130 депутатов иногородного отдела и 300 депутатов воинских частей; эта комиссия взяла фактически все продовольственное дело в свои руки [17]. Петроградский совет направил во все хлебородные губернии специальных эмиссаров для вывоза хлеба из глубинных пунктов и обеспечения бесперебойной его отправки по железным дорогам. Эмиссарам Петроградского совета предлагалось организовать на местах посылку эмиссаров местных советов по уездам во все волости, а им самим предоставлялось право «принимать самые решительные меры при содействии и поддержке местных советов» [18]. Вообще представительство советов в различных продовольственных комитетах, управах и т. п. играло заметную роль.

Значительную роль играли в советах отделы и комиссии труда. В их задачи входили как организация, так и активное содействие профессиональному движению, а также строительству рабочей кооперации и больничных касс. I Всероссийский съезд советов указывал, что после перехода руководства экономическим движением к профессиональным организациям отделы труда сохраняют известные функции по надзору за охраной труда и должны принять участие в предполагавшемся государственном регулировании промышленности, транспорта и продовольствия. Таким образом, соглашательское руководство стремилось свести на-нет широко развернувшуюся вначале организационную работу отделов труда, направленную как на организацию рабочих, так и на руководство их борьбой против эксплоатации предпринимателей.

При многих советах существовали также специальные экономические отделы. Экономический отдел Петроградского совета в мае был реорганизован в отдел организации народного хозяйства с подотделами: промышленности, топлива, продовольственным, финансовым и общим. В этом отделе должны были работать министры и товарищи министров из советских партий наряду с работниками советов. Задачей этого отдела являлась подготовка законопроектов в области экономической жизни. Таким образом, в отличие от реальной работы многих провинциальных советов по контролю над производством, а в отдельных случаях и по управлению производством деятельность Петроградского совета носила «министерский» характер со всей присущей ему для этого периода бесплодностью работы, так как она шла целиком по указке буржуаз-

[17] См. «Организация и строительство советов», стр. 340.
[18] Там же, стр. 74.

ных министров Временного правительства. Сравнивая работу столичных советов с провинциальными, Ленин писал: «В русской революции наблюдается некоторый бюрократизм в центрах, более полное использование власти, находящейся в руках советов, на местах, в провинции. Столичные советы политически находятся в большей зависимости от буржуазной центральной власти, чем провинциальные. В центрах нельзя так легко взять на себя распоряжение производством, в провинции это частью уже осуществлено. Отсюда вывод — укрепление местных советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [19].

Но в то же время Ленин призывал не обольщаться и ролью местных советов, поскольку экономически хозяевами оставались капиталисты и помещики. Разоблачая лицемерный характер рассуждений о «полноте» власти советов на местах, Ленин отвечал: «Говорить, будто советы хоть где-нибудь в России... пользовались «всей полнотой власти», это просто смешно (если это не повторение корыстно-классовой лжи капиталистов). Вся полнота власти требует власти над всей землей, над всеми банками, над всеми фабриками» [20].

И поэтому, когда руководство советами переходит к большевикам, мы видим решительное изменение позиций советов в экономических вопросах. Так, например, Пресненский районный совет Москвы принимает постановление о переходе в распоряжение советов всех крупных предприятий, объявляющих тайный или явный локаут, а также требует демократизации всех продовольственных и экономических учреждений и подчинения их советам. Новое положение об экономическом отделе, принятое 30 сентября Московским советом, возлагало на этот отдел «проведение в жизнь экономической программы революционной демократии». В этот же период закладываются основы будущего аппарата советской власти по борьбе с голодом и разрухой. Эта задача прямо указывается резолюцией Московского совета от 28 сентября: «Ввиду того, что перед советами, ставшими у власти, немедленно возникнет проблема борьбы с экономическим развалом, организации продовольственного дела и т. д., советы должны уже теперь налаживать аппарат регулирования производства (экономические комитеты, органы снабжения), связываться с фабрично-заводскими комитетами и профсоюзами, объединяя их контролирующую деятельность, координировать действия местных советов, всячески расширяя область своего вмешательства в экономическую жизнь страны» [21].

В период подготовки штурма советы прежде всего уделяют внимание непосредственной организации воору-

[19] Ленин, т. XX, стр. 257.
[20] Ленин, т. XXI, стр. 268.
[21] «Известия Московского совета» № 173 за 1917 г.

женной силы восстания — красной гвардии. Вопрос о создании рабочей вооруженной силы большевики ставили на всем протяжении Февральской революции. Соглашатели, естественно, всячески саботировали это дело. Тов. Ленин еще в «Письмах издалека» писал: «Поддерживать правительство войны, правительство реставрации пролетариат не может и не должен. Для борьбы с реакцией, для отпора возможным и вероятным попыткам Романовых и их друзей восстановить монархию и собрать контрреволюционное войско, необходима совсем не поддержка Гучкова и К°, а организация, расширение, укрепление пролетарской милиции, вооружение народа под руководством рабочих. Без этой главной, основной, коренной меры не может быть и речи ни о том, чтобы оказать серьезное сопротивление восстановлению монархии и попыткам отнять или урезать обещанные свободы, ни о том, чтобы твердо встать на путь, ведущий к получению хлеба, мира, свободы» [22].

Но соглашательское руководство советов не взяло на себя этой задачи: наоборот, очень скоро оно взяло на себя задачу разоружения пролетариата.

О необходимости создания вооруженной силы пролетариата в период кризиса власти говорила и конференция фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б), которая постановила:

«В частности, сейчас в России социал-демократия до общего преобразования армии требует: вооружения и образования рабочих батальонов красной гвардии из рабочих обоего пола, самоуправляющихся и находящихся в распоряжении выборных рабочих организаций районов крупных пролетарских центров, районов и областей; таких же отрядов народной армии в сельских областях» [23].

Мятеж Корнилова еще острее поставил вопрос об организации красной гвардии. В Петрограде междурайонное совещание советов 28 августа принимает постановление о немедленном создании рабочей милиции, вооружаемой под ответственностью междурайонного совещания и районных советов; последним было предложено немедленно приступить к составлению списков революционных рабочих. Одновременно предлагалось организовать летучие отряды для задержания контрреволюционных агитаторов. В Нарвско-Петергофском районном совете (Нарвская застава) красная гвардия была образована при местной большевистской организации и совместно с боевой дружиной эсеров взяла на себя всю охрану порядка в районе. На Путиловском заводе спешно организовались боевые дружины [24]. Киевский областной съезд советов точно так же постановил вооружить революционных рабочих под контролем советов. В Мо-

---

[22] Ленин, т. XX, стр. 28.
[23] «ВКП(б) в резолюциях», ч. 1; 1932; стр. 278.
[24] См. «Рабочий» № 8 от 30 августа (12 сентября) 1917 г.

скве на совместном заседании исполнительных комитетов районных советов указывалось, что «вопрос об организации рабочей красной гвардии вызывает со стороны масс живой интерес: создаются десятки, намечено формирование сотен и штабов»[25].

Там, где советами руководили большевики еще до корниловского выступления, и вопрос о красной гвардии ставился раньше. Так, в Петрограде Выборгский районный совет еще в мае принял постановление о преобразовании милиции в рабочую гвардию[26]. Для руководства рабочей гвардией совет избрал специальный орган — совет рабочей гвардии в составе председателя, двух его товарищей и двух членов.

Обратимся теперь к рассмотрению организации красной гвардии в период подготовки штурма.

Московский совет учреждал красную гвардию для «защиты завоеваний революции и охраны порядка в городе, наряду с милицией и войсками, а также для усиленной охраны заводов от злоумышленных покушений». Вся деятельность красной гвардии, как и ее формирование, шли под руководством исполнительных комитетов районных советов г. Москвы. При самом Московском совете был создан центральный штаб в составе представителей советских фракций районных советов, двух представителей Центрального бюро профсоюзов и начальников районных дружин. Штаб избирал начальника красной гвардии, утверждаемого исполкомом Московского совета. Дружины красной гвардии организовались по районам. Начальник дружины избирался всеми дружинниками. Дружина делилась на сотни, сотни — на десятки. Сотники и десятники избирались общим собранием и утверждались штабом дружины. Штаб дружины состоял из сотников и представителей районного исполнительного комитета по 3 человека от каждой из фракций совета. Рабочие зачислялись в дружины по письменным ручательствам партийных организаций. Все конфликты рассматривались товарищеским выборным судом дружины или сотни. 3 сентября исполнительный комитет Московского совета утвердил эти основные положения и предложил немедленно приступить к организации дружин и штабов на местах[27].

В конце сентября организуется красная гвардия в Екатеринославе. На нее возлагается «борьба совместно с революционной армией против контрреволюционных, противонародных происков господствующих классов», а также охрана порядка и охрана фабрик и заводов. Организовалась красная гвардия по предприятиям и районам, прием производился по рекомендациям правлений профессиональных союзов и социалистических

---

[25] «Известия Московского совета» № 155 за 1917 г.
[26] См. «Правда» № 44 от 13 (26) мая 1917 г.
[27] См. «Известия Московского совета» № 155 за 1917 г.

партий заводскими комитетами. Списки рекомендуемых в красную гвардию вывешивались за три дня в цехах, после чего утверждались на общих собраниях. Почти такой же характер носит устав красной гвардии Самарского совета, на которую также возлагаются «защита завоеваний революции и борьба с контрреволюционными выступлениями». Членами красной гвардии в Самаре могли быть рабочие и работчицы, состоявшие членами социалистических партий и рекомендованные партийными комитетами. В Саратовском совете точно так же «ввиду близости Донской области, где возможны контрреволюционные попытки», по предложению большевиков было решено приступить к организации рабочих дружин. В дружины принимались рабочие и служащие по рекомендации фабрично-заводских комитетов, правлений профсоюзов, больничных касс и партийных комитетов. Начальники дружин были выборные, а высшее командование назначалось исполнительным комитетом [28].

Характерно, что везде красная гвардия организуется как бы в оборонительных целях, для защиты от контрреволюции. Тов. Сталин указывал на тактический характер этого явления: «следует отметить одну оригинальную особенность тактики революции в этот период. Состоит она, эта особенность, в том, что каждый или почти каждый шаг своего наступления революция старается проделать под видом обороны. Революция как бы маскировала свои наступательные действия оболочкой обороны для того, чтобы тем легче втянуть в свою орбиту нерешительные, колеблющиеся элементы» [29].

По таким же мотивам создавалась и Красная гвардия Петроградского совета, основная сила при свержении буржуазного правительства Устав рабочей Красной гвардии Петрограда был утвержден на общегородской конференции Красной гвардии 22 октября. Рабочая Красная гвардия определялась, как «организация вооруженных сил пролетариата для борьбы с контрреволюцией и защиты завоеваний революции». В состав Красной гвардии принимались рабочие по рекомендации социалистических партий, фабрично-заводских комитетов и профсоюзов. Возглавлялась Красная гвардия центральной комендатурой, находившейся в распоряжении Петроградского совета. Эта комендатура состояла из представителей: по одному от каждого района, и затем—от Петроградского исполнительного комитета, военного отдела исполкома, межрайонного совещания советов, центрального совета ФЗК, центрального совета профсоюзов. В районах Красная гвардия находилась в ведении районных советов и районных комендатур, которые составлялись на одну треть из представите-

---

[28] См. «Организация и строительство советов», стр. 399—402,
[29] Сталин, Об Октябрьской революции, стр. 64,

лей районного совета, а на две трети — из членов, избранных на общем собрании районной конференции Красной гвардии. На предприятиях Красная гвардия подчинялась выборным заводским (фабричным) комендантам. Основной боевой единицей считался десяток (13 человек); 4 десятка составляли взвод (53 человека); три взвода — дружину (160 человек); три дружины — батальон (480 человек). Все батальоны района составляли районный отряд. На крупнейших заводах были свои отряды, как части районного; например, был Путиловский отряд. Весь командный состав был выборным, районному совету принадлежало право отвода районного начальника Красной гвардии [30].

Так советы под руководством большевиков готовились к штурму буржуазной диктатуры. Партийное совещание 23 сентября указало, что «партия должна приложить все усилия для мобилизации широких народных масс, организованных советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, являющихся теперь боевыми классовыми организациями, переход власти к которым становится лозунгом дня. По этой линии должна быть направлена работа партии, причем деятельность в предпарламенте должна носить лишь вспомогательный характер, будучи всецело подчинена задачам массовой борьбы» [31].

Наряду с этим рекомендовался и ряд организационных мероприятий: «тесная связь между местными советами, установление контакта с другими революционными организациями пролетариата, солдат и крестьян; изменение организационного аппарата советов (устранение препятствий для перевыборов, сменяемость членов ЦИК и исполкомов на местах); немедленный созыв областных съездов, созыв в кратчайший срок съезда советов».

Для непосредственной подготовки и объединения работы всех организаций по борьбе с Временным правительством во многих советах, прежде всего в Петрограде и Москве, создаются штабы действия — военно-революционные комитеты.

Впервые в массовом масштабе военно-революционные комитеты создались в момент корниловского наступления. Явная неспособность аппарата Временного правительства, а в ряде случаев и открыто выраженное нежелание принять действительные меры против выступления реакции заставили советы взять это дело в свои руки. Были созданы чрезвычайные органы по организации отпора реакционным бандам и контрреволюционным элементам — военно-революционные и аналогичные им комитеты. Эти военно-революционные комитеты на короткий момент корниловского мятежа в ряде мест явились полновластными органами.

Так, Киевский областной съезд советов предложил организовать на местах особые «комитеты спасения революции» с самыми

[30] См. «Организация и строительство советов», стр. 397—399.
[31] ВКП(б) в резолюциях, т. I, стр. 313—314.

широкими полномочиями для объединения деятельности всех органов революционной демократии. На эти комитеты возлагалась решительная борьба с контрреволюцией вплоть до смещения представителей местной власти, проявивших себя сторонниками реакции. В Николаеве при совете был образован революционный штаб. Он обратился к населению со следующим объявлением: «При совете рабочих и военных депутатов образован революционный штаб охраны революции, который сосредоточивает в своих руках всю распорядительную власть. Ему подчиняются все гражданские и военные учреждения и присваивается единственное право распоряжения воинской силой в целях поддержания революционного порядка и общественного спокойствия» [32].

Этому штабу было предоставлено право производства обысков. В Вятке демократическими организациями был образован комитет, которому даны исключительные полномочия вплоть до распоряжения военной силой для борьбы с проявлениями контрреволюции. В Царицыне в совете солдатских и рабочих депутатов организовался революционный штаб, к которому перешла вся власть. Приводя многочисленные факты подобного рода, большевистская печать констатировала, что «чиновничий аппарат губернских комиссаров и городских властей оказался непригодным и неспособным для выполнения действительно революционных задач, и жизнь создала новые формы, революционные комитеты, куда вошли рабочие и революционные солдаты для защиты завоеваний революции, для отпора буржуазной контрреволюции» [33].

Но это были органы обороны от контрреволюции, они объединяли не только представителей советов, но и ряд таких организаций, которые были явно неспособны на активное выступление против Временного правительства. Тот же штаб Николаевского совета состоял из 7 человек — представителей совета, городского головы и представителей социалистических партий. Московский совет для борьбы с Корниловым создал орган революционного действия в составе представителей Временного правительства, городского самоуправления, штаба военного округа, советов, прокуратуры. Точно так же в Тифлисе был организован временный центральный кавказский революционный комитет в составе президиумов всех революционных общественных организаций и представителей революционных партий. В Екатеринбурге в состав комитета входили представители большевиков, эсеров, меньшевиков, бунда. Но это еще не были штабы восстания. Из органов революционного восстания должны были быть выброшены «штрейкбрехеры революции».

---

[32] «Организация и строительство советов», стр. 364.
[33] «Рабочий путь» № 1 от 16 (3) сентября 1917 г.

Штабы восстания в форме военно-революционных комитетов создаются уже непосредственно в предоктябрьские дни. Временное правительство требовало роспуска всех временных организаций, возникших в корниловские дни: оно продолжало свою линию на разоружение революции. В противовес этому начинается организация военно-революционных комитетов уже исключительно из советских представителей, без блоков с «демократическим» самоуправлением и без меньшевиков. 13 октября исполнительный комитет Петроградского совета постановил организовать военно-революционный комитет. Это было принято большинством всех против меньшевиков. В состав Военно-революционного комитета вошли: члены президиума совета, представители Центрофлота, Финляндского областного комитета, союза железнодорожников, союза почтово-телеграфных служащих, совета фабрично-заводских комитетов, совета профессиональных союзов, представители партийных, военных организаций, союза социалистов народной армии, представители военного отдела совета крестьянских депутатов, военного отдела ЦИК и рабочей милиции.

«Образование военно-революционного комитета было еще более серьезным шагом наступления на Временное правительство, тем не менее оно было проведено под лозунгом организации советского контроля над действиями штаба округа»[34].

Петроградский совет ставил следующие «ближайшие» задачи перед военно-революционным комитетом: установление минимума боевых сил и вспомогательных средств для обороны Петрограда, не подлежащих выводу, контакт с комиссарами основных воинских единиц Петроградского округа и Северного фронта, учет и регистрация личного состава Петроградского гарнизона, охрана Петрограда от погромов и дезертирства и поддержание в рабочих массах и войсках революционной дисциплины. На деле это был орган непосредственной подготовки восстания. Заседания комитета объявлялись закрытыми, а его суждения — не подлежащими оглашению. Выделялась пятерка — бюро военно-революционного комитета. Это был штаб пролетарского восстания и захвата власти.

Оставались дни и часы до решительной схватки с буржуазной диктатурой. Руководимые партией большевиков, направлявшейся гениальным Лениным, при непосредственном участии в руководстве партией и в организации восстания т. Сталина, советы были готовы к бою за диктатуру пролетариата.

Правильная революционная политика пролетарской партии большевиков на протяжении всего периода от Февраля к Октябрю обеспечила победу 25 октября 1917 г., ставшую всемирно-исторической датой мировой пролетарской социалистической революции.

[34] Сталин, Об Октябрьской революции, стр. 64.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ

М. КАРЕВА

I. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ В ОКТЯБРЕ 1917 г. МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОГО УЧЕНИЯ О ЛОМКЕ СТАРОГО И СТРОИТЕЛЬСТВЕ НОВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА

Победоносное восстание пролетариата в октябре 1917 г., проведенное под непосредственным руководством нашей партии и ее гениальных вождей тт. Ленина и Сталина, решило коренной вопрос революции, вопрос о власти, и положило начало новой эпохе — эпохе государства пролетарской диктатуры.

46 лет к моменту Октябрьской революции прошло со времени подавления первого опыта пролетарской диктатуры — Парижской коммуны. Приход пролетариата в России к власти показал, что этот героический опыт парижских коммунаров не забыт, что он хорошо изучен, что ошибки Парижской коммуны не будут повторены и что если Парижская коммуна была зародышем той политической формы, «в рамках которой должно быть совершено экономическое освобождение пролетариата, полная победа социализма», то провозглашенная 25 октября 1917 г. «советская власть является ее развитием и завершением» [1].

Наличие советов, этого нового типа госаппарата, созданного еще в дооктябрьский период, объясняет сравнительную легкость победы пролетариата в октябре. «Если бы народное творчество революционных классов не создало советов, — писал Ленин еще в сентябре 1917 г., — то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя» [2].

Именно поэтому, учитывая все значение советов для победы пролетарской революции, партия уделяла им так много внима-

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 36.
[2] Ленин, т. XXI, стр. 258—259. См. т. XXII, стр. 315.

ния. Вопреки меньшевистско-эсеровским взглядам на советы как придаток буржуазного госаппарата, взглядам, разделяемым и штрейкбрехерами Октября — Зиновьевым и Каменевым, — большевистская партия во главе с Лениным и Сталиным еще до Октября видела в советах тот аппарат нового высшего типа, который в результате победы пролетариата должен заменить собою подлежащую слому, разбитию старую угнетательскую государственную машину.

«Политика превращения советов в органы государственной власти как важнейшее условие изоляции соглашательских партий и победы диктатуры пролетариата»[3] являлась одной из важнейших особенностей тактики большевиков в период подготовки Октября.

На этом этапе, т. е. в период непосредственной подготовки Октября, партия вкладывает в лозунг «вся власть советам» уже иное содержание, нежели на первом этапе Февральской революции. Сразу же после корниловского восстания вновь поставленный на очередь дня лозунг «вся власть советам» уже «означал организацию и государственное оформление диктатуры пролетариата»[4], означал призыв к вооруженному восстанию, так как лишь победа последнего превращает советы в государственные органы, обладающие всей полнотой власти.

Наличие к Октябрю созданной и окрепшей сети советов во всей стране, наличие вооруженной красной гвардии, наличие центрального аппарата руководства восстанием в виде Военно-революционного комитета при Петроградском совете — все это позволило пролетариату под руководством большевистской партии с успехом осуществить заранее разработанный план восстания, вырвать власть из рук буржуазии и, передав всю полноту власти советам, опираясь на них, с помощью этого нового госаппарата удержать и закрепить за собой власть.

25 октября (7 ноября) 1917 г. Ленин, говоря на заседании Петроградского совета о победе пролетарской революции, заявил, что «прежде всего значение этого переворота состоит в том, что у нас будет советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый госаппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций». «В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства»[5].

Таким образом, уже в первый день пролетарской революции был поставлен со всей остротой — и на этот раз не только в

[3] Сталин, Об Октябрьской революции, 1932 г., стр. 97.
[4] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 95.
[5] Ленин, т. XXII, стр. 4 и 5.

теоретической, но уже и в практической плоскости, как насущный и первостепенный вопрос сегодняшнего дня, — вопрос о необходимости слома, разрушения старой государственной машины.

Учитывая огромное значение госаппарата в вопросе об удержании и закреплении власти в руках пролетариата, Ленин в ряде своих дооктябрьских работ тщательно разрабатывал вопрос о госаппарате, продумывая, конкретизируя и развивая далее мысли основоположников марксизма и опыт Парижской коммуны.

«Не передать бюрократически-военную машину из одних рук в другие, как это бывало до сих пор, а разрушить эту машину, именно таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте» — писал Маркс Кугельману [6], говоря о Парижской коммуне. Ленин в своей классической работе «Государство и революция» замечает по этому поводу: «В этих словах: «сломать бюрократически-военную государственную машину» заключается кратко выраженный главный урок марксизма по вопросу о задачах пролетариата в революции по отношению к государству» [7].

В таких произведениях Ленина, написанных накануне Октября, как «Государство и революция», «Удержат ли большевики государственную власть» и др., мы находим дальнейшее развитие уже на базе изучения опыта госаппарата буржуазии эпохи империализма учения Маркса о ломке буржуазного государственного аппарата, находим конкретную программу действий пролетарской революции по разрушению старой государственной машины.

Уверенный и победоносный ход пролетарской революции был бы немыслим без наличия марксо-ленинской теории о государстве.

Утверждение основоположника марксизма об обязательности революционной ломки старой государственной бюрократически-военной машины, развитое и дополненное Лениным еще до Октября, в ходе развития пролетарской революции в России нашло неоспоримое подтверждение своей правильности и безусловности.

Тов. Сталин, выступая с докладом в ноябре 1920 г. в третью годовщину Октября и останавливаясь на первом периоде существования советской власти, говорил: «Мы теоретически знали, что пролетариат не может взять просто старую государственную машину и пустить ее в ход. Это наше теоретическое приобретение, данное Марксом, целиком подтвердилось на фактах, когда мы встретились с целой полосой саботажа со стороны чиновни-

---

[6] Письма Маркса к Кугельману, 1928 г., стр. 98.
[7] Ленин, т. XXI, стр. 395.

ков, служащих и верхних слоев пролетариата, полосой, полной дезорганизации государственной власти»[8].

Еще в дооктябрьский период мы можем проследить подготовительную работу разрушения старой государственной машины. Работа по разложению старой армии, пропаганда среди армий задач большевистской партии и советов, прямой переход отдельных частей старой армии на сторону большевиков с отказом подчиняться военному командованию, создание пролетарской милиции и Красной гвардии, вооружение пролетариата, создание Военно-революционного комитета — разве все это не било по старому госаппарату, ослабляя и подрывая его?

Но, разумеется, все это являлось лишь началом подхода к окончательной ломке, к тому разрушению до основания всей старой государственной машины, которое возможно лишь на базе победы пролетарской революции.

Восстание пролетариата в Петрограде 24/25 октября нанесло первый сокрушительный удар всей системе старого госаппарата. Низложение Временного правительства, разгон печальной памяти «предпарламента» и объявление о переходе государственной власти в руки органа Петроградского совета — Военно-революционного комитета — означали, по сути дела, обезглавление старой государственной машины, первый решительный удар в процессе ее окончательной ломки.

Решения II съезда советов о взятии власти и о переходе всей власти на местах к советам Р. С. и Кр. депутатов, конструирование на съезде высших органов новой государственной власти, а именно ЦИК, Совета народных комиссаров и комиссий при последнем для управления отдельными отраслями (будущих наркоматов) означали дальнейший, решающий шаг по пути разрушения буржуазной государственной машины и одновременно по пути создания нового аппарата пролетарского государства. Окончательный разрыв с буржуазным парламентаризмом, слияние законодательства с управлением практически осуществились в созданных съездом высших органах советской власти.

Постановления съезда о мире, о земле, решения Совнаркома о 8-часовом рабочем дне, о рабочем контроле, о правах народов России, об отделении церкви от государства, о национализации банков, о суде и др., словом, каждый из декретов Октября являлся тараном, которым советская власть разрушала самые основы старого государственного строя.

С первого же дня установления пролетарской диктатуры развернутым фронтом идет грандиозный процесс разрушения старой и строительства новой государственной машины. Един-

[8] Сталин, Об Октябрьской революции, 1932 г., стр. 27;

ство этого процесса совершенно бесспорно. Творческая и разрушительная деятельность диктатуры пролетариата протекают одновременно.

Вместе с тем, разумеется, основная тяжесть разрушительной работы пролетарской диктатуры в отношении старой государственной машины падает на первые месяцы ее существования, главным образом на октябрь 1917 г. — январь 1918 г.

«С точки зрения внутреннего положения этот период (со II съезда советов до ликвидации учредилки — *М. К.*) можно охарактеризовать как период разрушения старого мира в России, как период разрушения всего аппарата старой, буржуазной власти»[9].

Строительство нового государства и установление новых общественных отношений не могло не встретить яростного сопротивления со стороны чиновников старой государственной машины, которые, оставаясь на своих местах и после ее обезглавления, «работали» в новом, советском госаппарате, разумеется, против советской власти, боролись с нею путем саботажа и забастовок, вдохновляемые и финансируемые своим старым хозяином — буржуазией.

Это сопротивление необходимо было сломить, что можно было сделать, лишь разбив, разрушив всю старую государственную машину в целом. Поэтому основная тяжесть работы по разрушению старого госаппарата падает на первые месяцы существования пролетарского государства.

Чтобы проследить основные линии и масштаб этой работы и убедиться в грандиозности одновременно совершающейся творческой работы в области государственного строительства, необходимо взять в поле зрения основные, решающие части госаппарата и именно на них постараться уяснить процесс этого разрушения — созидания.

II. ЛОМКА «АППАРАТА КОНЦЕНТРИРОВАННОГО НАСИЛИЯ» И СОЗДАНИЕ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ, МИЛИЦИИ И СУДА ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Революционную ломку буржуазной государственной машины пролетарская революция должна была начать с армии, этой основной части старого госаппарата.

«Армия есть самый закостенелый инструмент поддержки старого строя, наиболее отвердевший оплот буржуазной дисциплины, поддержки господства капитала, сохранения и воспитания рабской покорности... Первой заповедью всякой победоносной революции — Маркс и Энгельс многократно подчеркивали это — было: разбить старую армию, распустить ее, заменить ее

[9] Сталин, Об Октябрьской революции, 1932, стр. 27.

новою. Новый общественный класс, поднимаясь к господству, не мог никогда и не может теперь достигнуть этого господства и укрепить его иначе, как совершенно разложив старую армию»[10].

Эта задача ломки старой армии после Октября чрезвычайно облегчалась всей предыдущей работой партии по разложению самых основ старой армии не только в период Февральской революции, но и до нее, чрезвычайно облегчалась наличием накопленного партией организационного опыта в этом отношении, а главное тем состоянием старой армии, в котором ее застал октябрь 1917 г.

Это состояние характеризовалось быстрым распадом армии, особенно ускорившимся в результате краха корниловщины. В этот момент классовое расслоение армии становится до крайности острым, озлобление масс против командного состава приводит чуть ли не к окончательному распаду всяких командных связей. Меньшевики и эсеры теряют всякий авторитет. С неудержимой силой растет большевистское влияние. Тяга солдат к миру и земле естественно влечет их к большевикам, как единственной партии, могущей им дать и то и другое. Происходят повсеместные перевыборы низовых солдатских организаций, на которых большевики или сочувствующие им начинают получать перевес[11].

Все это показывает глубину распада старой армии в тот период и объясняет сравнительную легкость операции слома этой основной части старой государственной машины, — операции, проделанной под руководством партии пролетариатом, организованным в господствующий класс.

Слова «сравнительная легкость», однако, нельзя понимать буквально. Они подчеркивают только тот факт, что наличие дезорганизованной, уставшей от войны и озлобленной против господствующих классов армии не дало буржуазии возможности повернуть это основное орудие своей власти против пролетарской революции. Солдатские массы решительно стали на сторону советов. Это не могло не облегчить в чрезвычайной степени ломки. Однако, самая задача все еще оставалась весьма сложной и трудной.

Многомиллионная армия еще существовала, но боеспособность ее была крайне низка. Было ясно, что на нее нельзя опереться как на вооруженную силу. В то же время нельзя было обнажить фронт, демобилизовав сразу армию, да и сама демобилизация при том состоянии почти полной разрухи, в котором находился жел.-дор. транспорт, угрожала стране катастрофой. Необходимо было умело ввести в рамки стихийно начавшуюся

---

[10] Ленин, т. XXIII, стр. 378—379.
[11] См. «Разложение армии в 1917 г.», Гиз, 1925 г.

демобилизацию. И прежде всего надо было приступить к ломке организации армии, к разрушению ее старых форм командования и управления.

26 октября (8 ноября) 1917 г. публикуется воззвание II съезда советов к фронту, которое по сути дела означало приступ к созданию нового командного состава. Во всех частях армии предлагалось образовать военно-революционные комитеты с передачей им руководящих функций и подчинением им главнокомандующих. Этим же воззванием устранялись комиссары Временного правительства.

9 ноября (по ст. ст.) в одной из комнат Смольного при активном участии Ленина «Комитет по военным и морским делам» устроил заседание делегатов с фронта. В результате этого заседания все делегаты получили мандаты, согласно которым им поручалось проводить на местах образование военно-революционных армейских комитетов и устранять старую власть, начинать непосредственно мирные переговоры с неприятелем и проводить выборное начало в армии. Роль этих делегатов в деле революционизирования старой армии и разрушения ее старых структурных форм чрезвычайно велика [12].

16 декабря 1917 г. был опубликован декрет о выборном начале в армии и об организации власти, который нанес решающий удар основным принципам построения старой армии.

Принцип выборности командного состава, категорически отвергнутый на позднейшем этапе, при начале строительства регулярной Красной армии, в этот период был необходим, так как давал возможность произвести чистку старого, в большинстве контрреволюционного командного состава и выдвинуть новые кадры военных руководителей из рабоче-крестьянской среды; этот принцип выборности явился мощным орудием революционизирования старой армии, а уничтожение чинов явилось решающим средством ее демократизации. Все это были меры, разрушавшие старую армию, подрывавшие самые ее основы.

Наряду с ломкой старой армии необходимо было развертывать энергичную работу по строительству своей вооруженной силы, без которой было немыслимо существование пролетарского государства.

«Новый общественный класс, поднимаясь к господству, не мог никогда и не может теперь достигнуть этого господства и укрепить его иначе..., как постепенно вырабатывая в тяжелой гражданской войне новую армию, новую дисциплину, новую военную организацию нового класса» [13].

---

[12] См. Подвойский, Военные организации РСДРП, «Красная летопись» № 8, стр. 41, 1923 г.

[13] Ленин, т. XIII, стр. 379.

На первых порах существования пролетарской диктатуры роль ее вооруженной силы выполняла выпестованная партией еще в дооктябрьский период Красная гвардия. Известна решающая роль Красной гвардии в октябрьских боях как в Петрограде, так и под Петроградом. Только Троцкий мог «не заметить» решающей роли Красной гвардии в октябрьских боях. Героизму Красной гвардии поражались фронтовики. Пролетариат отдавал свои лучшие силы в Красную гвардию. Партия зорко следила за каждым шагом в развитии Красной гвардии, понимая ее решающее значение.

Начиная с прихода к власти пролетариата, все быстрее растет Красная гвардия. Если в октябре на улицах Петрограда сражалось более 10 тысяч красногвардейцев, то спустя примерно месяц Петроград насчитывает уже около 60 тысяч красногвардейцев.

По всей стране увеличиваются отряды Красной гвардии. Ее внутренняя структура начинает все более и более приближаться к структуре армейских частей.

Именно Красная гвардия приняла на себя первые удары контрреволюции, и ей принадлежит заслуга первых побед советской власти над контрреволюцией под Петроградом, в Москве, на Дону, на Украине. Промышленные центры один за другим посылают на борьбу с контрреволюцией отряды Красной гвардии.

К этим рабочим отрядам присоединяется беднейшее крестьянство местностей, охваченных гражданской войной.

Размеры боевых операций требуют увеличения вооруженных сил пролетариата.

Устав Красной гвардии Московской области, принятый в начале 1918 г., говорит уже о необходимости «привлечения к несению красногвардейской повинности всех революционных рабочих и крестьян, организованных в советы, стоящих на платформе советской власти и II и III съездов советов».

В этом же уставе содержится требование введения при штабах Красной гвардии кадрового ядра учителей, одна часть которых обучала бы военному делу, а другая занималась бы политическим воспитанием Красной гвардии. Таким образом, «в этом положении уже содержится намек на отдельные элементы будущей организации политического руководства Красной армией — институт комиссаров при военных специалистах и зачатки системы политического воспитания красноармейских масс» [14].

Вместе с Красной гвардией в борьбе с контрреволюцией принимают участие и отдельные революционные части старой армии. Постепенно происходило их сближение, а потом и слияние во фронтовой обстановке.

---

[14] Геронимус, Партия и Красная армия, 1928, стр. 17.

Вооруженные силы пролетариата начинают постепенно перестраиваться в форму добровольческой Красной армии.

Тов. Ворошилов в своем докладе «15 лет Красной армии» так описывает процесс перехода к добровольческой Красной армии: «Старая армия не поддержала самодержавного строя, и он распался в прах. Но старая армия не в состоянии была служить и новому классу — пролетариату. Она разлагалась и умирала. С другой стороны, Красная гвардия также не в силах была справиться с огромными задачами обороны молодого советского государства от империалистов и борьбы с внутренней контрреволюцией, поднимавшей со всех сторон голову. Нужно было спешить с созданием своей регулярной армии. Так возникла и была декретирована 28 января 1918 г. рабоче-крестьянская Красная армия» [15].

Комплектовалась Красная армия из добровольцев рабочих, батраков, бедняков и середняков. Допускались и целые воинские части старой армии при условии круговой поруки всех входящих и поручительства за эту часть со стороны какой-нибудь революционной организации.

Так было положено начало нашей Красной армии. В дальнейшем решения VII съезда партии и IV съезда советов подходят к строительству Красной армии уже на началах всеобщей воинской повинности.

Вся работа по созданию Красной армии происходила под непосредственным руководством Ленина и Сталина. В отчете ЦК VIII съезду партии Ленин говорил: «Вопрос о строении Красной армии был совершенно новый, он совершенно не ставился даже теоретически... Мы шли от опыта к опыту, мы пробовали создать добровольческую армию, идя ощупью, пробуя, каким путем при данной обстановке может быть решена задача. А задача стояла ясно. Без вооруженной защиты социалистической республики мы существовать не могли... Это значит, что господствующий класс, пролетариат, если только он хочет и будет господствовать, должен доказать это и своей военной организацией... Как классу, который до сих пор играл роль серой скотины для командиров господствующего империалистического класса, — как создать ему своих командиров, как решить задачу сочетания энтузиазма, нового революционного творчества с использованием того запаса буржуазной науки и техники милитаризма в самых худших их формах, без которых он не сможет овладеть современной техникой и современным способом ведения войны?» [16].

Для разрешения на практике этой задачи, указанной Лениным, проводились следующие меры: привлекались и использо-

---

[15] «Правда» от 5 марта 1933 г., № 63.
[16] Ленин, т. XXIV, стр. 121—122.

вались военные специалисты старой армии, и в первую очередь те, кто с первых дней пролетарской диктатуры пошел на сотрудничество с новой властью; создан институт комиссаров при военных специалистах, т. е. тот институт, который в ближайшие годы дал руководящие военные кадры специалистов из своей, рабоче-крестьянской среды; налажена политическая работа во всех частях армии, организованы политотделы, организованы и укреплены партийные ячейки во всех частях армии, проведена громадная воспитательная работа среди красноармейцев, состав Красной армии был широко охвачен военными школами и курсами. Решающую роль в создании мощной и победоносной Красной армии в дальнейшем сыграл большевистский политический аппарат — «одно из лучших созданий нашей великой партии» [17]. Таким образом, на месте старой армии уже к середине 1918 г. была создана новая, рабоче-крестьянская Красная армия, построенная на совершенно иных началах, не допускающая эксплоататорских элементов в свою среду, являющаяся органической частью трудящихся масс, принимающая вместе с ними активное участие во всей политической жизни страны, надежная вооруженная сила диктатуры пролетариата, сильная ясным сознанием цели, за которую эти массы и она сама призваны бороться. Гражданская война 1918—1920 гг. была боевым крещением этой армии, закалившим ее дух, умножившим ее силы и обогатившим ее опыт.

Разрушением старой царской армии, созданием Красной гвардии, а затем рабоче-крестьянской Красной армии пролетарское государство вступило на путь замены постоянного войска вооруженным народом. Армия перестала уже быть особой силой для подавления в том смысле, в каком была старая армия, силой, враждебной народу и противостоящей ему. Постоянное войско еще необходимо, но, оставаясь постоянной, наша армия является частью вооруженного народа, а не особой силой против народа, как старая армия.

Так обстояло дело с ломкой старой армии и строительством новой, рабоче-крестьянской армии — этой важнейшей части госаппарата пролетарской диктатуры.

Ломая старый госаппарат, пролетарская революция не смогла, разумеется, не сломать и такой части этого аппарата, как полиция, являющаяся после армии другим «отрядом вооруженных людей».

Здесь может возникнуть вопрос, каким образом пролетарская революция могла сломать, разбить полицию, когда последняя была уже при Временном правительстве замекена милицией.

Дело в том, что буржуазия не могла и не стремилась разбить полицию, как одно из орудий государственной власти в руках

[17] Ворошилов, «Правда» № 63, 1933 г., стр. 3.

эксплоататорских классов, направленное против масс в целях их закабаления и подавления. Движимая страхом перед народными массами, она лишь торопливо переменила вывеску над дверьми полицейских зданий и навела на них «демократический лоск».

Официальный язык законодательства Временного правительства со свойственной ему тяжеловесностью хорошо передавал сущность произведенной операции над полицией, именуя «новую», «демократическую», «милицию», не иначе как «милицией (полицией)», и тем самым в скобках раскрывая содержание нового термина. Создание пролетарской милиции на заводах и фабриках — вот что грозило полным сломом полиции как части госаппарата, а не куцые реформы Временного правительства.

Только советская власть полностью разрешила эту задачу, практически поставленную уже созданием пролетарской милиции на фабриках и заводах в дооктябрьский период. Она должна была, следуя опыту Парижской коммуны и учитывая уроки революции 1905 г., а также предоктябрьского периода 1917 г., устранить старые полицейские кадры, лишить полицию ее политических функций и превратить ее в ответственный орган советов, сменяемый в любое время.

В «Гражданской войне во Франции», отмечая самое ценное в опыте Парижской коммуны в деле разрушения старой государственной машины и приступа к строительству нового госаппарата высшего типа, Маркс подчеркивает значение того факта, что «полиция, до сих пор бывшая орудием центрального правительства, была немедленно лишена всех своих политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время» [18].

Именно это и осуществлялось декретом 28 октября 1917 г., одним из первых декретов советской власти, посвященным созданию рабочей милиции [19]. Рабочая милиция учреждалась советами и находилась всецело и исключительно в их ведении. Тем самым на место полиции, органа, противостоящего массам, бесконтрольного и направленного всей своей тяжестью против этих масс, был поставлен новый аппарат, находящийся под полным контролем масс, организованных в советы, и являющийся органической частью этих масс.

Может вызвать недоумение выражение Маркса о том, что Коммуна лишила полицию всех «политических функций». Однако, если это место не брать изолированно, то станет ясным, что Маркс вовсе не мыслил, что Коммуна порывала совсем с политическим характером государства, устанавливала ка-

---

[18] Маркс, Гражданская война во Франции 1871 г., Партиздат, 1933 г., стр. 61.

[19] С. У. 1917 г., № 1, стр. 15.

кой-то аполитичный, стоящий вне политики государственный аппарат. Поскольку остаются классы, поскольку остается государство, как аппарат классового насилия, постольку оно не может быть аполитичным, постольку, следовательно, остается политический характер функций любой части государственного аппарата. Коммуна упразднила лишь те специфического характера политические функции, которые свойственны полиции как одной из основных частей угнетательского аппарата.

Пролетариат России, придя к власти в Октябре и продолжая дело, начатое Коммуной, также лишил полицию тех политических функций, которые свойственны этой части угнетательского аппарата; но это не значит, что он, строя на месте разбитого аппарата полиции, новый аппарат — рабочую милицию, строил ее как некий аполитичный аппарат. Не могло быть и речи о какой-то нейтральной, аполитичной милиции в классовом и, следовательно, государственном обществе.

Кстати, чтобы показать, что этот вопрос об «аполитичности», о «нейтрализме» милиции имел в первый период существования диктатуры пролетариата весьма актуальное значение, интересно остановиться на специальной телеграмме Наркомвнудела за подписью замнаркома Тихомирнова, разосланной на места в сентябре 1918 г. В этой циркулярной телеграмме говорилось: «С мест продолжают иногда поступать сведения о том, что милиция при отдельных контрреволюционных выступлениях заявляет себя нейтральной, говоря, что она поставлена охранять лишь личную и имущественную безопасность граждан». Телеграммой предписывается всем зав. отделами управления и начмилиции, «в добавление к предыдущим приказам, разъяснить всем работникам и служащим советской милиции, что милиция является органом советской рабоче-крестьянской власти, что она состоит на службе у рабочих и крестьян России у их правительства, а потому не может быть и речи о каком-либо нейтрализме, безразличии, безучастии милиции по отношению к борьбе рабочего класса и беднейшего крестьянства с их внутренними и внешними врагами. Никакой нейтрализм в этом случае не может быть терпим». Телеграмма разъясняет далее отличие советской милиции от старой полиции и милиции Керенского, заключающееся в том, что «на советской милиции как первейшая обязанность лежит охрана прав рабочего класса и беднейшего крестьянства, и лишь отсюда вытекают ее обязанности по охране безопасности и имущества всех граждан». «Для советской милиции, — читаем дальше, — спекулянт, мешочник, всякое лицо, нарушающее распоряжение центральной или местной власти о твердых ценах, правилах распределения между гражданами продуктов и товаров, — больший преступник, чем преступник — вор обыкновенный. Советская милиция в первую

очередь охраняет собственность и интересы общенародные — рабочего класса и беднейшего крестьянства. Частные интересы и частная собственность охраняются ею только потому, что в этой охране заинтересованы все рабочие и беднейшие крестьяне, ибо и она, эта частная собственность, в конечном счете целиком принадлежит им». Телеграмма заканчивается призывом «решительно бороться со всякими нейтралистскими течениями в советской милиции, решительно выкидывать из ее состава все элементы, не отвечающие требованиям, предъявляемым к советской милиции»[20].

Таким образом, на примере этого документа мы можем убедиться, что, строя милицию на новых началах, советское правительство ни на минуту не забывало о политическом характере и этой части госаппарата, а тенденция рассматривать этот аппарата как какой-то «нейтральный» получила должный отпор.

На милицию были возложены функции обеспечения революционного порядка. Для несения наиболее острых политических функций, а именно функций борьбы с контрреволюцией, советское правительство в декабре 1917 г. организовало такой аппарат, как революционные трибуналы в системе суда (см. С. У. 1917 г. № 4, ст. 50 — декрет о суде, и С. У. 1917 г. № 12, ст. 170 — инструкция ревтрибуналу), а также ВЧК (20/XII 1917 г.).

Рабоче-крестьянская милиция, являясь частью вооруженного народа в Советской республике со специфическими задачами, вместе с тем стала одною из многообразных форм участия масс в управлении советским государством. Все это резко отличает ее от старой полиции, несущей исключительно функции угнетательские, являющейся орудием эксплоататорского государства.

«Путь, который прошла советская власть в отношении к социалистической армии, она сделала также и по отношению к другому орудию господствующих классов, еще более тонкому, еще более сложному, — к буржуазному суду, который изображал собою защиту порядка, а на самом деле был слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплоатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка. Советская власть поступила так, как завещали поступать все пролетарские революции, — она отдала его сразу на слом. Пусть кричат, что мы, не реформируя старый суд, сразу отдали его на слом. Мы расчистили этим дорогу для настоящего народного суда и не столько силой репрессий, сколько примером масс, авторитетом трудящихся, без формальностей, — вот, что сделает из суда как орудия эксплоатации суд как орудие воспитания на прочных основах социалистического общества»[21].

---

[20] «Вестник Нар. ком. внутр. дел» № 21—22, 1918 г., стр. 2.
[21] Ленин, т. XXII, стр. 212.

Так охарактеризовал Ленин работу, выполненную пролетарской революцией в отношении разрушения, слома старого судебного аппарата и построения нового суда, суда пролетарской диктатуры.

Пролетарская революция естественно не могла пройти мимо такого аппарата «концентрированного насилия», имеющего целью угнетение масс, каким являлся буржуазный суд Временного правительства, точнее сказать — наспех и чрезвычайно поверхностно реформированный буржуазно-помещичий, царский суд. Самые основы старого суда, хотя бы и «демократического», глубоко враждебны пролетариату.

Декретом о суде № 1 от 22/XI—5/XII 1917 г. пролетарская революция нанесла сокрушительный удар всей старой судебной системе и всем принципам, на которых она покоилась. Все существующие суды были упразднены. Упразднены были также существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, адвокатуры и присяжных заседателей.

Было отброшено деление судов на местные и общие. Отменены были самые законы, на основании которых судил суд. Все 16 томов «Свода законов Российской империи» были сожжены в огне революции.

Пролетариат, пришедший к власти, не мог не порвать полностью со всеми традициями буржуазно-демократического судебного строительства. Разрушив старый суд, пролетариат приступил к созданию нового открыто классового суда, обеспечивающего интересы пролетариата и широчайших трудящихся масс. Основы этого суда были заложены уже в декрете № 1 и развиты целым рядом последующих постановлений. Ленин принимал живейшее участие в обсуждении и проведении через СНК декрета о суде № 1. Выборность судей советами, а также выборность советами заседателей, — и притом исключительно из трудящихся, — привлечение к участию в суде широкой массы пролетариата и крестьянства; допущение к роли обвинителей и защитников всех неопороченных граждан обоего пола, пользующихся гражданскими правами; создание для борьбы против контрреволюции, мародерства, саботажа, т. е. для обостренной борьбы с классовыми врагами, революционных трибуналов — вот те меры, с которых начал пролетариат, организованный в господствующий класс, строительство суда пролетарской диктатуры. Медленно, но неуклонно, шаг за шагом вырабатывался единый народный суд, суд пролетарской диктатуры.

На примере судебного аппарата с чрезвычайной отчетливостью выступает глубокая враждебность старого госаппарата новому, приходящему к власти классу — пролетариату.

Тов. Стучка рассказывал в одной из своих статей, что «...все старые судебные учреждения с «правительствующим сенатом» во главе просто игнорировали нашу революцию. Если в февра-

ле, на второй день революции, суды уже писали свои решения «по указу Временного правительства», то после Октябрьской революции они рабоче-крестьянского правительства и временно признавать не желали.

В сотнях камер мировых судей и разных других судов провозглашали решения по указу свергнутого Временного правительства и на основании законов свергнутых правительств» [22].

Старый суд, как и весь старый аппарат в целом, не довольствовался пассивной враждебностью, — забастовка судей ярчайшее доказательство этого. «Правительствующий сенат» отказался признать советскую власть и давал соответствующие директивы всем судебным учреждениям. 23/XI 1917 г. царские чиновники «правительствующего сената» (как известно, Временное правительство оставило почти в неприкосновенности это архаическое учреждение царского аппарата и его людской состав) опубликовали следующий указ: «Не признавая законной силы за распоряжениями каких бы то ни было самочинных организаций (читай Совнаркома, ВЦИК 2-го созыва и всех советских органов — *М. К.*), неуклонно исполнять впредь до решения Учредительного собрания об образовании власти в стране возложенные на Сенат законом обязанности, доколе этому представляется какая-либо возможность, о чем и дать знать всем подчиненным местам и лицам указами» [23].

Вплоть до 24 ноября 1917 г. продолжало выходить «Собрание узаконений Правительствующего сената», содержащее постановления Временного правительства, вынесенные еще до 25 октября (7/XI). Правительствующий сенат решил не подчиниться декрету о суде № 1, упраздняющему его, и продолжал свою работу. Мало того, сенат решил проявить свою активно враждебную роль и в такой форме, как выпуск контрреволюционного воззвания. Однако, на его беду рабочие сенатской типографии отказались набирать это воззвание сената, продолжавшего именовать себя «правительствующим», и затея провалилась.

4/XII 1917 г. (по н. ст.) Сенат был закрыт комиссаром Военно-революционного комитета.

Ломка старого и строительство нового суда, выковывание самых основ его проходило в борьбе с левыми эсерами, входившими в тот период в состав советского правительства, и, в частности, сидевшими на руководящих постах в Наркомате юстиции и влачившими на себе весь груз мелкобуржуазных иллюзий и предрассудков. В частности, они никак не хотели усвоить, что суд не может не быть орудием политической борьбы, и в каждом удобном и неудобном случае поднимали истери-

---

[22] Стучка П., Рев. роль советского права, 1934 г., стр. 107.

[23] Цитирую по предисловию Яковлева к «Протоколам заседаний ЦИК СР и СД 1-го созыва после Октября», помещенным в «Красном архиве» № 3/10 1925 г., стр. 98.

ческие вопли и крик. С другой стороны, пришлось выдержать борьбу и с колебаниями в среде самих большевиков по вопросу о сломе старой государственной машины, так как некоторых товарищей испугал резкий и сокрушительный удар по старой судебной системе. Здесь проявились еще неизжитые демократические иллюзии о «внеклассовом» суде.

Тов. Стучка в 1918 г. в статье, посвященной годовщине первого декрета о суде, писал, что «радикальное упразднение старого суда встретило серьезное сопротивление среди самих революционеров. Почти целый месяц продолжалось переубеждение отдельных товарищей, в том числе даже весьма решительных по прочим вопросам, но в непонятной почтительности останавливавшихся перед входом в «храм правосудия». Отвергая всякие компромиссы, они шли на компромисс с юстицией старого строя. Противники всякого соглашательства, они заколебались пред «правительствующим» сенатом. Одни из них соглашались лишь на постепенную ломку, но сами не могли сговориться, начать ли ломку старого здания с фундамента или с крыши. А другие нашли, что прежде всего надо написать новые материальные законы. А до тех пор?.. Не знаю, так ли скоро сдались бы наши оппоненты, если бы сама юстиция не перешла в наступление»[24].

III. БОРЬБА БУРЖУАЗИИ ЗА СОХРАНЕНИЕ СВОЕГО АППАРАТА И РОЛЬ СОГЛАШАТЕЛЬСКИХ ПАРТИЙ В ЭТОЙ БОРЬБЕ

Одной из основных частей госаппарата наряду с армией, полицией и судом является чиновничий аппарат, самый громоздкий.

Ломка чиновничьего аппарата, ломка самого чиновничества как особо привилегированной социальной категории была, пожалуй, наиболее трудным делом пролетарской диктатуры при разрушении старой государственной машины. Однако, самая основная работа в этом отношении была выполнена пролетарской диктатурой именно в первый период своего существования.

Разумеется, как указывал т. Ленин, «об уничтожении чиновничества сразу, повсюду, до конца не может быть речи. Это—утопия. Но разбить сразу старую чиновничью машину и тотчас же начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на-нет всякое чиновничество, это не утопия, это — опыт Коммуны, это прямая, очередная задача революционного пролетариата»[25].

Октябрьская революция с первых же шагов приступила к разрешению этой задачи, углубляя и развертывая опыт Парижской коммуны, только начатый последней и не доведенный до конца

[24] «Правда» № 266 от 7/XII, 1918 г.
[25] Ленин, т. XXI, стр. 402.

в силу кратковременности существования этого зачатка советской власти.

Забастовки и саботаж чиновничества как одна из новых форм классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата, развернувшаяся на другой день после Октябрьской революции, в известном смысле облегчили советскому правительству задачу разрушения старого чиновничьего аппарата, полностью выявив невозможность использования его победившим пролетариатом. Но, с другой стороны, это же крайне затруднило строительство нового аппарата, лишив советскую власть на длительный период опытных служащих и специалистов. Цель саботажа чиновничества была ясна: вырвать из рук нового класса государственную власть, парализовав работу советского правительства, лишив его возможности использовать все имеющиеся государственные учреждения и органы местного управления, возможности использования готовых кадров служащих и чиновничества, связей с периферией и опыта государственного управления, необходимого цифрового и документального материала, которые находились в недрах старого госаппарата и которых, естественно, новая власть не могла иметь у себя в начальный период своего существования. Приходилось строить заново свой госаппарат отраслевого управления в виде наркоматов, отделов советов и пр. без специалистов, без опыта и навыков в практике управления.

Год спустя после великих октябрьских боев Ленин, выступая на VI Всероссийском съезде с докладом о годовщине пролетарской революции, подчеркивал тот факт, что «организованные рабочие создавали советскую власть без чиновников, без постоянной армии, без привилегий, фактически делаемых для буржуазии» [26].

Непосредственными организаторами саботажа и забастовок чиновничества, выполнявшими задание свергнутого эксплоататорского класса, являлся ряд контрреволюционных центров. Такими контрреволюционными центрами были: «Малый совет министров», выступивший в роли подпольного временного правительства, «Комитет спасения родины и революции», созданный (по мысли Керенского, высказанной на одном из непосредственно предшествовавших Октябрю совещаний) по инициативе Петроградской городской думы и при активнейшем участии меньшевиков и эсеров, Петроградская городская дума, Московская городская дума и городские думы на местах — эти осиные гнезда контрреволюции; далее — Авксентьевский ЦИК крестьянских депутатов, меньшевистско-эсеровский ЦИК СРиСД 1-го созыва, ЦК соглашательских партий и, наконец, ряд профсоюзных руководящих органов, в которых было сильно влияние

[26] Ленин, т. XXIII, стр. 256; Разрядка моя.—М. К.

меньшевистско-эсеровских предателей. Большую роль в контрреволюционной борьбе против советской власти, в борьбе за госаппарат сыграли такие профсоюзные организации, как Викжель, Союз почтово-телеграфных служащих и некоторые другие.

Подпольное «временное правительство» просуществовало приблизительно около месяца. После ареста большинства министров и побега Керенского, в качестве «временного правительства» выступил «Малый совет министров», выпустивший в первые же дни Октябрьской революции воззвание, в котором объявил себя «единственным представителем законной российской власти, хотя и низвергнутой»[27]. Образовался он из товарищей министров и трех-четырех освобожденных из-под ареста министров. «Министерство внутренних дел было представлено министром Никитиным и его товарищами Салтыковым и Сидамон-Эристовым, юстиции — министром Малянтовичем и его товарищами Демьяновым и Скарятиным, торговли и промышленности — управляющим министерством Саввиным и товарищами министра Кафенгаузом и Массальским, народного просвещения — товарищами министра Вернадским и Паниной, путей сообщения — министром Ливеровским и его товарищами Константиновым и Тахтамышевым, морское — помощником министра Кукелем, иностранных дел — товарищем министра Нератовым, почт и телеграфов — министром Никитиным и его товарищем Малянтовичем, труда — министром Гвоздевым, продовольствия — министром Прокоповичем и его товарищами Башкировым и Кондратьевым, государственного призрения — товарищем министра Голубковым и, наконец, государственный контроль — товарищем государственного контролера Скипетровым и исп. обяз. члена совета гос. контроля Красновым»[28].

Таким образом, почти буквально все ведомства имели своих представителей в этом подпольном «временном правительстве», что, разумеется, крайне облегчало организацию развернутой и объединенной борьбы чиновничества всех решительно частей старой государственной машины **против советской власти**. Один из активных членов этого подпольного центра, Демьянов, в своих, цитированных уже выше записках рассказывает о том, что «одним из первых вопросов в совете (министров — *М. К.*) был вопрос об отношении членов министерств к новому, большевистскому начальству. В заседание совета (министров — *М. К.*) явились депутаты от комитета чиновников, которые доложили свою программу действий. Она была одобрена». Этот же Демьянов пишет дальше о том, как сложился ру-

[27] «Октябрьская революция», состав. Алексеев, Гиз, 1926 г.; статья Демьянова «Записки о подпольном временном правительстве», стр. 313.

[28] Флеер, Временное правительство после Октября, «Красный архив», т. VI, 1924 г., стр. 198.

ководящий саботажем аппарат. «В дни перехода власти к большевикам, — эпически излагает сей «беспристрастный наблюдатель», — жизнь в министерствах шла своим чередом, хотя и замерла. Министерства, как учреждения, продолжали существовать, а вместе с ними продолжали существовать и чиновники. Естественно, перед последними немедленно и остро встал вопрос об отношении их к новой, большевистской власти. В каждом министерстве самостоятельно (!? — *М. К.*) возник такой вопрос. Чиновники стали собираться в кружки, обсуждать создавшееся положение. Они выделили из себя особые комитеты для выработки общих директив, как вести себя с большевистским начальством. Комитеты отдельных министерств снеслись между собою, и в конце концов создался единый центральный орган, руководивший деятельностью чиновников в этом отношении. Этот центральный комитет объединил в себе почти все ведомства, он действовал почти открыто. В секрете не могли держаться его заседания, и большевики отлично знали о его существовании, но до поры, до времени смотрели на это сквозь пальцы. Все прежнее главное министерское начальство, которое перестало посещать министерства, имело с комитетом ближайшие и постоянные сношения»[29].

Картина, набросанная здесь классовым врагом, одним из непосредственных организаторов контрреволюционной борьбы против советской власти, страдает лишь одним: автор, стремясь представить саботаж, как стихийно и повсеместно выдвигаемый самими чиновниками метод борьбы с «незаконной» новой властью, умалчивает об организаторской роли самого подпольного «временного правительства», умалчивает об организаторской роли «Комитета спасения родины и революции», в финансировании которого принимало непосредственное участие подпольное «временное правительство» и, следовательно, сам автор, умалчивает и о прочих контрреволюционных центрах.

Наличием этих контрреволюционных центров и объясняется упорство, организованность и длительность саботажа чиновничества и служащих. Бастующие и саботирующие чиновники и служащие щедро субсидировались своими старыми хозяевами через эти организационные центры. Финансирование, главным образом, производилось из оставшихся на руках у кадетов и эсеров правительственных и общественных сумм, а также на первых порах путем использования связей с отказавшимся признать советскую власть руководящим персоналом Госбанка, казначейства и министерства финансов.

Тот же Демьянов сообщает: «К удивлению, случилось так, что старая власть в лице подпольного совета министров имела еще

---

[29] «Октябрьская революция», сост. Алексеев, стр. 317, 313.

возможность распорядиться эмиссией денежных знаков, чем она тогда и воспользовалась»[30].

Протоколы подпольного «временного правительства»[31] свидетельствуют о том, что эта возможность пользоваться на первых порах эмиссией была широко использована и в первую очередь, разумеется, для финансирования саботажа. Не следует, однако, упускать из виду, что большинство ассигновок формально проводилось на другие цели, например, на закупку дров Петроградской городской думе. Но только наивный ребенок мог всерьез принять эту «дровяную ширму». Дума в это время усиленно готовила контрреволюционный заговор, и деньги ей были нужны дозарезу именно в этих контрреволюционных целях.

Вследствие разногласий в собственной среде по вопросу о методах борьбы с советской властью, а также за отсутствием базы в стране подпольное «временное правительство» во второй половине ноября прекратило свое существование.

Крупную роль в деле непосредственного руководства саботажем, материальной и моральной поддержки саботирующего чиновничества сыграл сформировавшийся в ночь на 26 октября 1917 г. «Комитет спасения родины и революции» «в составе представителей Петроград. гор. думы, Временного совета Российской республики («предпарламента» — *М. К.*), Централ. Исп. Ком. Всер. Сов. Кр. Деп., Центр. Исп. Ком. Сов. Раб. и Солд Деп., фронтовых групп, представителей II съезда Сов. Раб. и Солд. Деп., фракций с.-р., с.-д. (меньш.), народн. социал., группы «Единства» и др.»[32]. Руководство было, главным образом, в руках с.-р. «Комитет спасения родины и революции» развил энергичную агитационную деятельность, рассылая по периферии свои воззвания с призывом бороться с большевиками. Считая своей целью «воссоздание временного правительства», «Комитет спасения родины и революции» взывал к населению: «Не признавайте власти насильников. Не исполняйте их распоряжений. Встаньте на защиту родины и революции»[33].

В одном из своих первых постановлений «Комитет спасения родины и революции» приветствовал служащих государственных учреждений «в их мужественной борьбе с захватчиками», уверяя их, что «все бастующие служащие считаются на государственной службе» и что «передача дел в руки захватчиков или подача прошений об отставке являются недопустимыми»[34].

Комитет рассылал в провинцию эмиссаров со своими полномочиями. На периферии быстро, словно грибы после дождя, воз-

---

[30] «Октябрьская революция», сост. Алексеев, стр. 318.
[31] «Красный Архив», т. 6, 1924 г.
[32] «Октябрьский переворот», факты и документы. Под ред. и с вступительной статьей Рожнова, 1918 г., стр. 340.
[33] Там же, стр. 339.
[34] Там же, стр. 343.

никали местные контрреволюционные «комитеты спасения родины и революции», часто называвшиеся также «комитетами общественной безопасности» и повторявшие в местном масштабе деятельность Петроградского «комитета». Деятельность последнего продолжалась до середины ноября. 10 ноября Совнарком издал декрет о его роспуске. Однако, «Комитет» не подчинился и продолжал свою деятельность. Отсутствие опоры и сочувствия в массах, открытое их возмущение его преступной деятельностью вынудило Петроградский «комитет» уже в середине ноября 1917 г. ликвидироваться.

Говоря о «деятельности» Петроградского «комитета спасения родины и революции», необходимо для полноты характеристики отметить тот факт, что он подготовил и организовал юнкерское восстание в Петрограде 29/X 1917 г.

Роль «Комитета общественной безопасности» в Москве также достаточно ярко вскрывается хотя бы фактом организации контрреволюционной вооруженной борьбы против советской власти. «Комитет общественной безопасности» в Москве «в ночь с 28-го на 29-е предлагал безусловную сдачу, безусловный арест всех членов ВРК, разоружение Красной гвардии и расформирование революционных полков» [35].

«Комитет общественной безопасности» в Москве первый открыл военные действия против большевиков. Никто иной, как эсеровский городской голова г. Москвы Руднев заявил, что юнкера являются фактическими руководителями действий «Комитета общественной безопасности» [36].

Организаторами «комитетов спасения родины и революции» в центре и на местах были, между прочим, городские думы. Контрреволюционная деятельность дум не ограничивалась созданием этих органов, она была достаточно многогранна и разнообразна в смысле форм и методов борьбы против советской власти. Особенной интенсивностью в организации контрреволюционных сил, естественно, отличались столичные думы.

Выступив уже в первый день революции инициатором создания контрреволюционной организации — «Комитета спасения родины и революции», — 26 октября Петроградская городская дума после вынужденного ухода большевистской части гласных, приняла следующее обращение к населению: «Избранная на самых демократических основах, Центральная петроградская городская дума приняла на себя в момент величайшей хозяйственной разрухи всю тяжесть ведения городского хозяйства и продовольствия населения.

В настоящий момент партия большевиков, за три недели до выборов в Учредительное собрание и перед лицом внешнего врага вооруженной силой устранившая единственно законную, ре-

[35] «Советы в Октябре», сб. документов, 1918 г., стр. 57.
[36] «Октябрьский переворот», стр. 65.

волюционно-преемственную власть, посягает на полномочия и самостоятельность городского самоуправления, требуя от него подчинения назначенным комиссарам и новой незаконной власти. В этот грозный, трагический момент Петроградская городская дума перед лицом своих избирателей и всей России громко заявляет, что она не подчинится никаким посягательствам на ее права и независимость и останется на своем ответственном посту, на который она поставлена волей населения столицы». Уже в этом постановлении мы видим, что Петроградская городская дума выступает как общероссийский центр. Это видно из того, что в конце воззвания она обращается не к населению одной столицы, а «ко всем городским и земским самоуправлениям Российской республики с призывом присоединиться к ней и выступить на защиту одного из величайших завоеваний русской революции: свободы и независимости общественного самоуправления» [37].

Что же касается утверждения думы о «посягательствах» большевиков на права городского самоуправления, то достаточно указать на изданное в первые же дни после Октябрьского переворота постановление СНК о расширении прав городского самоуправления в продовольственном деле, чтобы опровергнуть этот вздор. Советское правительство не могло не реагировать на попытки думы противопоставить себя вновь провозглашенной советской власти. Деятельность же дум как органов местного городского самоуправления в первый период после Октября советское правительство вовсе не намеревалось прекратить. Больше того, в декабре был создан комиссариат местного самоуправления, который должен был объединить деятельность органов местного—как городского, так и земского—самоуправления. Слабость своего молодого, неокрепшего аппарата отраслевого управления диктовала советам необходимость использования на первых порах аппарата местного самоуправления. Однако, контрреволюционная деятельность последнего потребовала от советов применения и к этой составной части старой государственной машины операции слома, разрушения и ускорила ее проведение.

Для характеристики претензий Петроградской городской думы показательны следующие документы.

3 ноября (по ст. ст.) 1917 г. городская дума вынесла постановление о прекращении всяких сношений с Викжелем, стремившимся договориться об образовании «однородного социалистического правительства» из представителей всех социалистических партий от большевиков до народных социалистов и от всех демократических учреждений. Дума в этом постановлении извещает население о том, что она «решает взять на себя инициативу

[37] «Октябрьский переворот», факты и документы под ред. Рожкова, 1918 г., стр. 350.

организации власти согласно политическим видам и тенденциям правого фланга демократии».

2 ноября дума рассылает телеграммы всем местным думам, земствам и даже советам раб., кр. и солд. депутатов, где сообщает следующее: «Текущей смутой остановились работы по созыву Учредительного собрания. Петроградская дума постановила: для воссоздания власти и порядка в стране и впредь до Учредительного собрания созвать Собор представителей, выбранных всеобщим правом городских и земских самоуправлений, равно представителей исполнительных комитетов советов кр., раб. и солд. депутатов. Представители имеют прибыть в Петроград 7 ноября. Просим ответа»[38].

«Собор» открылся 9/XI (ст. ст.). Однако, договориться о конструкции власти он не сумел.

Задумывая контрреволюционный заговор, организуя антисоветские демонстрации под лозунгом «защиты Учредительного собрания», кадетская дума, разумеется, не могла не принять активного участия в проведении такой формы классовой борьбы против советов, как саботаж и забастовки чиновничества.

Уже на второй день революции Петроградская дума. не удовлетворяясь деятельностью только что созданного «Комитета спасения родины и революции», обращается непосредственно сама «ко всем городским служащим и рабочим с просьбой единодушно поддерживать все распоряжения городского самоуправления и не исполнять распоряжений, исходящих от комиссаров Военно-революционного комитета»[39]. Деятельность же Военно-революционного комитета в отношении органов городского самоуправления как раз сводилась к возобновлению нормальной работы их, свертываемой по распоряжениям администрации городского самоуправления.

Спрашивается, кто шел за думами, этими центрами контрреволюционных сил, какова была их общественная база? Отражая интересы крупных собственников, по своим политическим симпатиям кадетские, думы в борьбе против советской власти неизбежно должны были выступать, как «демократические» учреждения, иметь за спиной какие-то «массы», более или менее оправдывающие их претензии на звание «демократических». Что собой представляли эти тощие «массы», шедшие до поры до времени за думами, ярко показала в свое время Нижегородская городская дума. В сборнике, посвященном годовщине пролетарской революции в Нижегородской губернии, один из авторов задает интересующий нас в данный момент вопрос: «Какие общественные группы стояли за думой?» И отвечает: «Это можно видеть из резолюций, которые направлялись по адресу

[38] «Октябрьский переворот», факты и документы под ред. Рожкова, 1918 г., стр. 351, 352.

[39] Там же, стр. 350.

думы с выражением поддержки, выражающие протест против «насильников», против «захватчиков» — большевиков. Резолюции были вынесены от почтово-телеграфных служащих, городских служащих, служащих в продовольственных лавках, от союза земских служащих, резолюции мелких торговцев, студентов политехников, служащих продовольственной управы, банковских служащих, резолюция-протест команд уездного воинского начальника, резолюция педагогов и т. д.»[40]. Однородный с этим состав характерен и для «массы», идущей за другими думами.

Своей контрреволюционной деятельностью городские думы, как и земские учреждения, вскрыли всю ложь меньшевистско-эсеровских сказок о «надклассовости» органов местного самоуправления, показали свою роль и место как составных частей старой, бюрократической, эксплоататорской государственной машины[41].

Открытая контрреволюционная деятельность Петроградской городской думы заставила Совнарком 16/XI 1917 г. издать за подписями Ленина и Стучки декрет о ее роспуске.

В декрете указывается: «Ввиду того, что избранная 20 августа, до дней корниловщины, Центральная городская дума явно и окончательно утратила право на представительство петроградского населения, придя в полное противоречие с его настроениями и желаниями, как это обнаружилось в революции 25 октября и на выборах в Учредительное собрание, ввиду того, что наличный состав думского большинства, утратившего всякое политическое доверие, продолжает пользоваться своими формальными правами для контрреволюционного противодействия воле рабочих, солдат и крестьян, для саботажа и срыва планомерной общественной работы, Совет народных комиссаров считает необходимым призвать население столицы вынести свое решение по поводу политики городского самоуправления»[42].

Здесь мы имеем дело еще не с окончательным сломом городской думы как определенной части старой государственной машины; речь идет о перевыборах данного состава думы.

Роспуск Петроградской, а также и Московской городских дум вызвал бешеный вой буржуазии и ее меньшевистско-эсеровских приказчиков, обвинявших большевиков в «попирании прав самоуправления».

---

[40] «Год пролетарской диктатуры», Нижний-Новгород, 1918. Статья Писарева, стр. 7;

[41] Говоря о контрреволюционной роли старых органов местного самоуправления в период борьбы пролетариата за власть, необходимо наряду с этим бесспорным положением отметить наличие отдельных исключений, как, напр., в Иваново-Вознесенске, Шуе и некоторых других местах, где органы городского самоуправления были фактически в руках большевиков, имевших в них большинство еще до II съезда советов. См. об этом статью Лейкиной «Октябрь по России» в «Пролетарской революции» № 2—11 и 12 1926 г.

[42] «Декреты Октябрьской революции», Партиздат. 1933 г., стр. 106—107.

Как будто разрушение городского хозяйства, организация саботажа правительственных учреждений с оплатой саботажникам жалования за 3 месяца вперед, подготовка контрреволюционных заговоров и восстаний являлись не чем иным, как «законными функциями» органов городского самоуправления. Роспуск Петроградской и Московской городских дум не мог не быть одобренным трудящимися массами, воочию убедившимися в их контрреволюционной сущности.

Говоря о контрреволюционных центрах, развивших энергичную борьбу против советской власти и прежде всего стремившихся сохранить старый госаппарат в руках свергнутой буржуазии, нельзя пройти мимо меньшевистско-эсеровского ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва и эсеровского ЦИК крестьянских депутатов, отказавшихся признать переход власти в руки советов и сдать дела.

Любопытен следующий документ, в котором Бюро ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва, отвечая на письменное предложение ЦИК С. Р. и С. Д. 2-го созыва о сдаче ему дел, сообщает, что «не считая правомочным II съезд Р. и С. Д., не признавая избранный им 2-й ЦИК, ЦИК может сдать дела только новому съезду и избранному им правомочному органу» [43].

В глазах меньшевистско-эсеровских соглашателей Октябрьская революция, а следовательно, сама история, так подшутившая над ними, естественно была незаконной, и, нимало не смущаясь, они пишут в этом письме: «II съезд, открывшийся 25 октября, объявлен нами несостоявшимся, и поэтому избранный им ЦИК неправомочен требовать от нас каких-либо отчетов, о чем мы и ставим вас в известность» [44].

Как ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва, так и ЦИК крестьянских депутатов принимают активное участие в организации и работе «комитетов спасения родины и революции» вплоть до их финансирования.

В протоколе бюро меньшевистско-эсеровского ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва, продолжающего рассматривать себя как единственный советский центр и не признающего «законным учреждением» избранный II съездом советов ЦИК С.Р и С.Д 2-го созыва, мы встречаемся с заявлением, сделанным на заседании 11/XI 1917 г. зав. фин. отделом Топера о том, что «по постановлению президиума, он как зав. фин. отделом из сумм, находящихся в распоряжении ЦИК, выдает «Комитету спасения» деньги заимообразно» и что «общая сумма уже достигает значительных размеров» [45]. Вопрос о финансировании «комитета» почти не сходит с повестки дня. Из протокола заседания от

---

[43] «Красный архив», кн. 3 (10), 1925 г., стр. 100.

[44] Пионтковский, Хрестоматия по истории Октябрьской революции, стр 246.

[45] «Красный архив» № 3 (10), 1925, стр. 101. Протоколы заседаний ЦИК и бюро ЦИК СРи СД 1-го созыва после Октября.

25/XI видно, что члены бюро, работающие в «Комитете спасения», жалование получают от ЦИК, а остальные сотрудники «комитета» наполовину оплачивались «комитетом», а наполовину ЦИК.

Контрреволюционная деятельность ЦИК С. Р. и Р. Д. 1-го созыва не ограничивалась этим. Как следует далее из цитированных уже протоколов, этот ЦИК пытался организовать под лозунгом защиты учредилки вооруженную борьбу с советской властью, принимая непосредственное участие в организации контрреволюционной демонстрации, ассигнуя на ее проведение до 10 000 р., составляя плакаты соответствующего содержания и т. п.

25/XII меньшевистско-эсеровский ЦИК разразился «грозным» воззванием об «авантюристах»-большевиках, захвативших власть и принесших с собой все бедствия в виде голода, развала промышленности и т. д., с призывом «ко всему живому в стране» «стать с оружием в руках на защиту власти народной в лице Учредительного собрания».

Однако, никакие грозные воззвания не могли вдохнуть жизнь в это учреждение, не имевшее под собой опоры в массах, обреченное историей на слом вместе со всей старой эксплоататорской государственной машиной, придатком которого являлся меньшевистско-эсеровский ЦИК. Обреченность этого учреждения становилась с каждым днем яснее и самим «вождям» его.

Так, на заседании ЦИК 10/I 1918 г. Дан начал свою речь не более не менее как с заявления о том, что «наши надежды на крушение большевистского режима не оправдались и теперь трудно быть оптимистом, чтобы сказать, что это скоро случится. ЦИК 1-го созыва не стал политическим центром...» [46]

На этом же заседании было вынесено решение об окончательной ликвидации деятельности ЦИК 1-го созыва.

Выше говорилось, что благодаря использованию меньшевиками и эсерами своего влияния в профсоюзных организациях ряд их руководящих органов стал на путь прямого пособничества контрреволюции. В первую очередь необходимо отметить ту явно контрреволюционную роль, которую сыграл в первый период диктатуры пролетариата так называемый Викжель, т. е. Всероссийский исполнительный комитет железнодорожных служащих и рабочих. Будучи выбран на учредительном съезде союза, открывшемся 15/VII 1917 г., Викжель по своему составу оказался эсеровско-меньшевистским (из 40 человек по партийному составу было только 13 левых эсеров, остальные же — правые эсеры, меньшевики и сочувствующие им). По социальному положению состав Викжеля характеризуется следующими данными: инженеров и техников — 11, высших служащих — 8, сче-

[46] «Красный архив» № 3 (10), 1925 г., стр. 97—98.

товодов и бухгалтеров — 7, низших служащих — 5, машинистов — 2, рабочих — 7 [47].

С первых же дней Октябрьской революции Викжель занял по отношению к новой власти враждебную позицию и объявил себя единственным и полновластным хозяином ж.-д. аппарата. Выступая под флагом «нейтралитета», дезорганизуя массы железнодорожников своими воззваниями о «захватнической» и «узурпаторской» политике большевиков и требованиями создания правительства из всех социалистических партий, препятствуя передвижению «враждующих между собой войск» (на самом деле только красногвардейцев), Викжель тем самым выступал как прямой и, пожалуй, важнейший пособник контрреволюционной буржуазии и черносотенной ставки.

Контрреволюционная сущность «нейтралитета» Викжеля ясно раскрывается хотя бы таким фактом: «28 октября (по ст. стилю) 1917 г. Викжель не допустил отправки из Петрограда 800 красногвардейцев, «несмотря на наличие вагонов и паровозов. Согласно указаниям главного дорожного комитета, машинисты объявили больными паровозы, смазчики — вагоны, стрелочники не могли переводить стрелок, как-будто из-за порчи, и т. п.» [48].

Сущность «нейтралитета» Викжеля, его стремление захватить министерство путей сообщения и все управление железнодорожным аппаратом в свои руки, сделать этот аппарат независимым от Совнаркома и всех органов советской власти, — сущность этого поведения Викжеля была прекрасно понята и, разумеется, одобрена всеми контрреволюционными силами, увидевшими в Викжеле своего союзника. 30/X «Общеармейский комитет», шедший фактически на поводу у черносотенной ставки, пишет Викжелю:

«Мы просим вашего доверия. Не препятствуйте движению войск, идущих по нашему указанию. С радостью мы примем в наш руководящий орган вашего представителя для совместной деятельности по спасению родины, борьбы с анархией и контрреволюцией. Пусть встанет он в центре, пусть сам руководит отсюда дорогами, перевозками, это будет порукой чистоты нашей политической линии» [49].

Викжель действовал в тесном контакте с «комитетом спасения родины и революции» и призывал железнодорожные массы поддерживать всеми силами этот комитет. Таким образом, Викжель играл прямую контрреволюционную роль. Его же лозунг «однородное социалистическое правительство» нашел полную поддержку только у «штрейкбрехеров революции» — зиновьевско-

[47] Амбросенок, Викжель в Октябрьские дни в сборнике «История пролетариата СССР» № 3, 1933 г.

[48] Вомпе, Дни Октябрьской революции и железнодорожники, М., 1924 г., стр. 53.

[49] Там же, стр. 44.

каменевской группы, боровшейся под этим же лозунгом против ЦК партии, против линии Ленина—Сталина.

Учитывая позицию Викжеля, понятно становится, почему мы встретили в министерстве путей сообщения особое упорство и длительность саботажа чиновничества.

Еще в декабре 1917 г. после окончательного крушения попыток Викжеля, направленных к созданию «однородного социалистического правительства» из всех социалистических партий и представителей таких «демократических» организаций, как кадетская Петроградская городская дума, Викжель все еще не бросает своих планов относительно «автономии» аппарата железнодорожного управления.

3 декабря (по н. ст.) 1917 г. Викжель принял резолюцию, в которой, будучи вынужден под напором железнодорожных масс признать власть советов, он тем не менее заявляет:

«...3) взять в ведение Викжеля управление железнодорожным хозяйством;

4) во главе министерства путей сообщения должна стоять коллегия из пропорционального представительства от Викжеля и Виквода (ЦИК водных путей сообщения);

5) комиссар по ведомству путей сообщения избирается соединенным собранием Викжеля и Виквода;

6) этот комиссар и члены коллегии избираются из членов обоих союзов, объединенных Викжелем и Викводом;

7) члены коллегии избираются отдельно: от Викжеля — Викжелем, от Виквода — Викводом;

8) народный комиссар по министерству путей сообщения и члены коллегии из членов Викжеля остаются членами Викжеля;

9) если соглашение с Викводом не состоится, то Викжель избирает самостоятельно народного комиссара и коллегию по управлению железными дорогами;

10) комиссар по министерству путей сообщения или по управлению только железными дорогами входит немедленно в состав СНК» [50].

Железнодорожный пролетариат, однако, к этому времени окончательно понял настоящий характер Викжеля и начал отходить от него. Так еще в первые недели существования советской власти железнодорожные рабочие в своей значительной части, вопреки приказам Викжеля, содействовали переброске революционных сил. Процесс расслоения в железнодорожной массе, процесс революционизирования низших служащих и рабочих с каждым днем ускорялся. Викжель не только не отражал подлинных стремлений и интересов представляемых им масс, но во всей своей деятельности шел вразрез этим стремлениям и интересам.

Поэтому Совнарком, обсудив на своем заседании 6 декабря (по н. ст.) 1917 г. указанную выше резолюцию Викжеля, принял

---

[50] См. «Декреты Октябрьской революции», Партиздат, 1933 г., стр. 171.

решение о безотлагательном созыве железнодорожного съезда и категорически отказался вступить в переговоры с Викжелем по поводу претензий последнего на управление железнодорожным аппаратом. В постановлении СНК мы читаем:

«Считая необходимым общее руководство железнодорожным хозяйством страны поставить в теснейшую связь с организацией тружеников железнодорожного дела, считая далее необходимым, ввиду явного и глубокого противоречия интересов и непримиримых политических разногласий между низами и верхами железнодорожного персонала, единственно правильным и надежным представительством железнодорожного персонала может явиться демократически созванный Всероссийский железнодорожный съезд, Совет народных комиссаров, как власть трудящихся народных масс, считает принципиально недопустимым без и помимо Всероссийского железнодорожного съезда вступать в политическое соглашение с верхушкой организации, которая, подобно старым армейским комитетам, старому ЦИК и пр., во время борьбы рабочих, солдат и крестьян за власть заняла так называемую «нейтральную» позицию, тем самым содействуя контрреволюционной буржуазии против народа» [51].

В свете всего сказанного становится ясно, какая непримиримая борьба возникла с первого же дня прихода пролетариата к власти вокруг вопроса о госаппарате.

IV. ОСНОВНЫЕ ПУТИ СТРОИТЕЛЬСТВА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА

В охарактеризованных выше условиях образованные при СНК комиссии для заведывания отдельными отраслями государственного управления (зачатки будущих наркоматов) очутились в крайне трудном положении. Для того, чтобы создать новый аппарат управления, требовались специалисты и опытные служащие, а они все саботировали; требовался опыт управления в отдельных отраслях народного хозяйства, а опыт был у бастующего чиновничества; требовались необходимые сведения, касающиеся материальных ресурсов, связи с периферией и проч. и проч., которые опять-таки были в руках саботирующего чиновничества.

Ломка старого чиновничьего аппарата требует также предварительного ознакомления со всеми функциями этого аппарата для того, чтобы, разбивая угнетательский аппарат с присущими ему функциями, выделить такие функции из них, которые могут найти применение в аппарате пролетарского государства, и передать их органам этого государства — советам.

---

[51] «Декреты Октябрьской революции», Партиздат, 1933 г., стр. 169.

Именно это имел в виду Маркс, когда он, анализируя опыт Парижской коммуны, писал: «Уничтожая те органы старой правительственной власти, которые служили только для угнетения, Коммуна вырывала из рук этой власти, претендовавшей стоять выше общества, ее законные функции и отдавала их ответственным слугам общества» [52].

Саботаж и забастовки чиновников не могли не затруднить процесса «овладения» аппаратом министерств и связанного с ним пересмотра всех функций каждого учреждения в отдельности. Газеты первых месяцев существования советского правительства шаг за шагом раскрывают ход «овладения» министерствами. Эта задача расшифровывается как задача сломить саботаж, подчинить себе аппарат с тем, чтобы, разобравшись в сложном механизме каждого учреждения, выяснить роль и место его в системе угнетательской государственной машины. Приступая к слому, к разрушению всего угнетательского, что есть в этом аппарате, и к построению аппарата нового типа, являющегося органической частью советской системы, необходимо было выявить все те функции и части каждого подлежащего ломке старого учреждения, которые являются необходимыми и должны быть освоены советским аппаратом.

До 15 ноября 1917 г. комиссии СНК в подавляющем большинстве еще не выходят из стен Смольного, — министерства остаются за редким исключением «неосвоенной территорией». Военно-революционный комитет развивает энергичную борьбу с саботажем, арестуя высших чинов министерства, посылая своих комиссаров в учреждения, проводя там работу по расслоению служащих, по привлечению на сторону советской власти низших служащих [53].

Комиссия труда развертывает работу по набору служащих на места бастующих чиновников. В каждом номере газеты можно найти объявление того или другого народного комиссара или сразу нескольких о том, что такого-то числа всем служащим предлагается встать на работу, а неявившиеся будут уволены. В этих объявлениях поражает мягкость отношения к саботажникам.

Недостаток своих специалистов, отсутствие кадров своих подготовленных служащих и, наконец, несомненная близость к задачам советов низших слоев служащих, освобождавшихся из-под влияния соглашательских партий, — все это диктовало преимущественно тактику убеждения. Крайне редко применяются аресты, преобладают методы разъяснения, агитации. Наркомы издают по своим ведомствам ряд постановлений, расширяющих права служащих, улучшающих материальное положение низших их слоев.

[52] Маркс, Гражданская война во Франции, Партиздат, 1933 г., стр. 63.
[53] См. по этому вопросу «Советы в Октябре», изд К. А. 1928 г. Раздел «Петроградский военно-рев. комитет», стр. 5—30.

В своих первых шагах по «овладению» чиновничьим аппаратом народные комиссары использовали низших служащих: курьеров, сторожей и проч., ставших сразу на сторону советской власти в обстановке саботажа и забастовок чиновничества и дававших ценные объяснения, касающиеся работы данного аппарата и ориентирующие новую власть в сложном механизме каждого из учреждений.

Тов. Лацис в своих воспоминаниях об этих первых шагах ломки старого министерства внутренних дел и создания Наркомвнудела следующим образом характеризует роль низших служащих в этом процессе: «...На работе не было ни одного чиновника. Начальники забрали с собой ключи от своих кабинетов, и нам доступны только пустые канцелярии. Решили начать с низов. Собрали всех курьеров и дворников, познакомили их с намерениями и задачами новой власти. Публика оказалась в высшей степени лойяльной и понятливой. Мы от них узнали о всех работавших здесь начальниках, где кто живет и кто чем ведает.

Но не только это нам было важно: мы не знали даже, как приступить к делу. Пришлось прибегнуть к помощи курьеров: учились вначале у них. Начнешь, бывало, расспросы о поведении начальников, об их работе, о подходе к просителям и подчиненным, о том, кто чем ведал, как вопросы разрешал, — и перед нами вырисовывалась картина и содержание работы. Курьеры, прослужившие в отделе два десятка лет, пережившие смены десятков начальников, оказались весьма сведущими. На следующие дни мы могли приступить к разбору дел» [54].

К 15 ноября, по постановлению СНК, большинство комиссий СНК, преодолевая саботаж чиновников, перебирается в здания министерств.

Наиболее упорно протекает забастовка в Госбанке, казначействе, министерстве финансов, министерстве путей сообщения и продовольственных учреждениях.

С середины же ноября начинается перелом в среде бастующих и саботирующих чиновников и служащих. Так, в «Известиях Московского совета» от 16/XI сообщалось, что 15/XI служащие Госбанка, обсудив предъявленные им народным комиссаром финансов т. Менжинским ультимативные требования, постановили подчиниться, прекратить саботаж и забастовку и признать СНК. Делегация младших служащих (от 1000 ч.), еще ранее отказавшихся примкнуть к забастовке, заявила о своей солидарности с рабочим и крестьянским правительством. В середине ноября комиссар СНК по Госбанку т. Оболенский (Осинский) смог полу-

---

[54] Лацис; Возникновение Народного комиссариата внутренних дел, «Пролетарская революция», № 2, 1925 г., стр. 143—144. См. также статьи и воспоминания ряда работников: Шлихтера, Любовича, Серебрянского и др., дающие интересную картину этого первого этапа «овладения» аппаратом («Пролет. революция», № 8, 1932 г., № 5, 1926 г., № 10, 1926 г. и др.).

чить ключи от главной кладовой и приступить к ее ревизии. Большое количество высших служащих пришлось сместить за отказ признать власть Совета народных комиссаров и за нежелание возобновить работу финансового аппарата [55]. В главном казначействе 14 и 15 ноября производилась выдача сумм уже только с согласия комиссара ВРК, хотя официально он и не был признан служащими (кроме низших служащих и, в значительной части средних) [56].

О том расслоении, которое шло в этот момент среди чиновничества и служащих во всех частях правительственного аппарата и учреждений, говорит следующий факт, имевший место в том же главном казначействе, сообщенный в «Правде».

В главном казначействе 15 ноября состоялось собрание служащих, в котором принимали активное участие представители Петроградской городской думы. Обсуждалось отношение к СНК. Представитель ВРК был удален с собрания. Тем служащим, которые еще до этого согласились признать советскую власть, не дали права голоса, и они, покинув совещание и пригласив представителя ВРК, организовали отдельное совещание, на котором вынесли следующую резолюцию:

«Мы, низшие служащие и часть средних служащих гос. главного казначейства, протестуем самым энергичным образом против саботажа народной власти. Мы полагаем, что такой саботаж наносит непоправимый ущерб стране и является предательством народа. Мы заявляем, что будем работать совместно с Совнаркомом, воплощающим желания и стремления трудящихся масс» [57].

Остальные же служащие присоединились к служащим Госбанка, отказавшимся подчиниться советской власти и объявившим двухдневную забастовку.

Саботаж в Госбанке затянулся, несмотря на вынесенную резолюцию о подчинении СНК, еще на целый месяц с лишним. Ленин в докладе на III съезде советов сообщил о том, что к нему на-днях (следовательно, в начале января — *М. К.*) явились писатели из «Новой жизни» с заявлением, что они пришли от имени банковских служащих, желающих поступить на службу и прекратив политику саботажа, всецело подчиниться советской власти» [58].

Лишь в январе можно считать сломленным — и то не полностью — саботаж в министерстве путей сообщения.

О роли Викжеля говорилось уже выше. Несомненно, что длительность саботажа в этом министерстве, главным образом, объясняется деятельностью Викжеля.

---

[55] «Декреты Октябрьской революции»; Партиздат, 1933 г., стр. 78—83.
[56] См. «Правду» от 16/XI 1917 г., № 19.
[57] См. «Правду» от 16/XI 1917 г.
[58] Ленин, т. XXII, стр. 221—222.

В воззвании наркома путей сообщения, опубликованном в «Правде» 18 ноября 1917 г., т. Елизаров (бывший в то время наркомом путей сообщения) указывал, что саботаж служащих центральных учреждений лишает его возможности предпринять что-либо к устранению неурядиц в области жел.-дор. транспорта:

«Разруха на железных дорогах, если не будет ликвидирован противогосударственный саботаж, может только углубиться, и ответственность за него ложится исключительно на те круги высших служащих, которые организуют борьбу с властью Совета Р. С. и К. Д., будучи кровно и экономически заинтересованы в сохранении буржуазных условий жизни, и на тех, кто по своей политической недоразвитости идет за ними, не будучи в состоянии разобраться самостоятельно в происходящем».

Попытки т. Елизарова сговориться о работе с рядом начальников управлений не привели ни к чему. Большинство администраторов отсиживалось у себя на квартирах, выжидая, как большевики справятся с делом, не имея своих специалистов, своих опытных служащих, могущих справиться со сложным делом управления транспортом.

После железнодорожного съезда в январе 1918 г., где был выбран на смену политически обанкротившемуся Викжелю большевистский Викжедор (который уже выделил коллегию НКПС), начинается энергичная работа по налаживанию управления транспортом при участии самих масс железнодорожников.

В Москве особо ожесточенно проводился саботаж служащих городского самоуправления. Учителя покинули школы, инженеры — городские железные дороги и прочие городские учреждения, врачи — больницы. Эти факты разоблачали и дискредитировали в глазах широких масс меньшевистско-эсеровскую теорию о «надклассовости» органов местного самоуправления.

Как уже говорилось выше, с середины ноября, когда значительно развернулось расслоение служащих и упрочилось в стране положение советской власти, борьба с саботажем начинает проводиться более решительно, опираясь на возмущение народных масс против саботажников, своими действиями мешающих борьбе советской власти против всеобщей разрухи.

Во ВЦИК, в СНК, в «Правду» поступают одно за другим заявления общественных организаций и частных лиц с выражением возмущения преступной деятельностью саботажников и с требованием энергичной борьбы с ними. Контрреволюционный характер саботажа как специфической формы классовой борьбы со стороны буржуазии становится ясен для широчайших масс народа.

Одной из первых организаций, безоговорочно осудивших саботажников, был Центральный совет фабзавкомов, сыгравший крупную роль в строительстве госаппарата. 16 ноября

на пленарном заседании ВЦИК была оглашена резолюция конференции ФЗК, где говорилось:

«Всецело поддерживая избранный съездом советов СНК и осуждая всякие колебания и уклонения отдельных групп от общей работы для дела рабочего класса и крестьянства, конференция резко клеймит позорный саботаж чиновничьих верхов, которые нагло осмеливаются сопротивляться власти победившего народа. Конференция предлагает СНК и ВРК принять самые решительные меры, чтобы преодолеть эту губительную для страны стачку продавшихся буржуазии чиновничьих верхов» [59].

Переход к более решительным мерам, начатый в середине ноября, отразился и в упомянутом выше воззвании наркома путей сообщения, где т. Елизаров указывал, что до сих пор он не принимал никаких репрессивных мер в отношении служащих, но что теперь, если служащие центральных отделов министерства путей сообщения даже после всех минувших событий, показавших признание и поддержку массами советского правительства (т. Елизаров имеет в виду здесь слияние ЦИК крестьянских депутатов, избранного чрезвычайным крестьянским съездом, с ЦИК рабочих и солдатских депутатов), не приступят к своим работам, то он будет применять те же способы, какие применяются в других министерствах, а именно массовые увольнения и аресты.

21 ноября ВРК опубликовывает приказ, в котором отмечает преступный саботаж главным образом по министерству финансов, Госбанку и казначейству, и заявляет:

«Продолжение подобного преступного саботажа грозит неисчислимыми бедствиями беднейшему населению республики, чего никоим образом не может допустить революционный народ, а потому для прекращения саботажа чиновничества ВРК требует, чтобы чиновники Госбанка и всех казначейств приступили к занятиям. Неисполнение настоящего приказа грозит тяжелыми последствиями для саботирующих. Главнокомандующему по обороне Петрограда принять самые решительные меры к внедрению нормальных занятий в названных учреждениях, не останавливаясь перед арестами, высылкой из столицы, а для призывных возрастов — снятием с учета» [60].

Ряд ведомств начинает энергично применять такие меры, как выселение бастующих из казенных квартир, снятие с учета, направление в армию и др.

К числу ведомств, в которых особенно затянулся и отличался особым упорством саботаж чиновников, должен быть отнесен старый продовольственный аппарат, где особенно сильна была меньшевистско-эсеровская прослойка и особенно много было «земского элемента». Постановление Наркомпрода

[59] «Правда» от 17/XII 1917 г.
[60] «Правда» от 21/XI 1917 г.

22 декабря, дающее директиву всем советам «брать продовольственное дело в свои руки и организовать свой продовольственный аппарат», особенно ярко отразило невозможность использовать старый продовольственный аппарат.

В январе 1918 г. на заседании СНК по докладу т. Свердлова «О ликвидации саботажа» принято постановление:

«Никаких переговоров с саботажниками не вести. Отдельным нар[одным] комиссарам предоставляется принимать на работу как отдельных лиц тех [из отдельных] саботажников, которые вполне подчиняются Сов[етской] власти и, поддерживая ее, необходимы для работы в соответственных ведомствах» [61].

К этому времени надо считать, что саботаж в основном ликвидирован.

Таким образом, ломка старого аппарата, если и облегчалась саботажем, то только в том смысле, что практически доказывалась невозможность использования старого аппарата новым господствующим классом; но саботаж создал ряд дополнительных трудностей при овладении отдельными частями управления, тесно связанными с тем «механизмом общественного хозяйничанья», о котором говорил Ленин еще в своих дооктябрьских работах («Удержат ли большевики государственную власть», «Государство и революция» и др.) и под которым он понимал банки, железные дороги, почту и тому подобный аппарат, подчиняемый советам.

Ломая чиновничий аппарат, строя свой аппарат, аппарат высшего, т. е. советского типа, на началах выборности, сменяемости, отчетности перед массами, лишая чиновничество привилегированного положения, которое оно занимало в системе старого государственного строя, устанавливая предельное жалование высшим служащим и чиновникам, не превышающее средней заработной платы рабочего, пролетариат наносил решающий удар чиновничеству, как особому привилегированному социальному слою.

Исключительный интерес в этом отношении представляет имеющий огромное принципиальное значение декрет Совнаркома от 13/XI (1/XII) 1917 г. «О размерах вознаграждения народных комиссаров и понижении жалования высшим служащим и чиновникам». Этим постановлением был введен крайне скромный максимум жалования народным комиссарам (500 р. в месяц бездетным и прибавку в 100 р. на каждого ребенка — и это при колоссальном обесценении денег). Декрет содержит обращение ко всем местным советам рабочих и солдатских депутатов «с просьбой подготовки и проведения революционных мер к особому обложению высших служащих» и поручает «министерству финансов» (название «министерство» не должно вызывать недоумения:

[61] «XXI Ленинский сборник», стр. 98.

мы имеем дело еще с периодом «овладения» финансовым аппаратом, т. е. лишь с первоначальной ступенью ломки старого бюрократического аппарата управления финансами) «подготовить общий законопроект о таком понижении» жалования и «урезать все непомерно высокие жалования и пенсии»[62].

Этот декрет продолжает, как и ряд других, славные традиции Парижской коммуны; он направлен на уничтожение чиновничества как привилегированного общественного слоя. Не случайно этот декрет вызвал бешеное озлобление в печати классового врага.

На места старых чиновников в эпоху диктатуры пролетариата становятся советские служащие, подконтрольные и подотчетные массам, не обладающие никакими особенными привилегиями по сравнению с ними, так как сами эти служащие составляют часть масс.

Несмотря на все трудности, шаг за шагом советское правительство в центре и советы на местах осуществляли задачу ломки старого госаппарата и строительства нового — аппарата пролетарского государства.

К III съезду советов, т. е. к январю 1918 г., пролетариат имел уже окрепшую и разветвленную по всей стране сеть советов, с успехом осуществляющих лозунг «вся власть советам» и, что особенно важно подчеркнуть, имел уже свой аппарат отраслевого управления в виде наркоматов в центре и разнообразных отделов при советах на местах.

В центре вместо упраздняемых министерств один за другим возникали народные комиссариаты как отделы ВЦИК, органически связанные с советами и находящиеся в непосредственном ведении СНК.

Появляется ряд центральных органов, не имеющих и не могущих иметь места в старой государственной машине, как Совет народного хозяйства, задуманный по мысли Ленина в качестве высшего планового и регулирующего центра всего народного хозяйства[63], как Наркомнац, проводящий под руководством соратника и лучшего ученика Ленина, т. Сталина, национальную политику партии и на основе ее осуществляющий братское сотрудничество всех народов Советской республики.

К этому времени уже была разрешена такая важная задача, как национализация банков и, следовательно, огосударствление банковского аппарата. Вот как описал эту национализацию Ленин в своем докладе на III съезде советов:

«Нам удалось основное в организации государственного банка, это основное в руках рабочих и крестьян, и от этих основных

---

[62] «Декреты Октябрьской революции», Партиздат, 1933 г.; стр. 129—130.
[63] См. «Декреты Октябрьской революции», Партиздат, 1933 г., стр. 223.

мер, которые еще долго придется разрабатывать, мы перешли к тому, чтобы наложить руку на частные банки.

Мы поступили не так, как это порекомендовали бы, вероятно, сделать соглашатели: сначала подождать Учредительного собрания... потом выработать законопроект и внести его в Учредительное собрание и этим оповестить господ буржуа о нашем намерении, чтобы они могли найти лазейку, как им от этой неприятной вещи избавиться; быть может привлечь в компанию, тогда вы создадите государственные законы, — это был бы «государственный акт»...

Это было бы отменой социализма. Мы поступили попросту: не боясь вызвать нареканий «образованных» людей или, вернее, необразованных сторонников буржуазии, торгующих остатками своего знания, мы сказали: у нас есть вооруженные рабочие и крестьяне. Они должны сегодня утром занять все частные банки... И после того, как они это сделают, когда уже власть будет в наших руках, лишь после этого мы обсудим, какие нам принять меры. И утром банки были заняты, а вечером ЦИК вынес постановление: «Банки объявляются национальной собственностью», — произошло огосударствление, обобществление банковского дела, передача его в руки советской власти» [64].

Здесь мы видим, с какой иронией высмеивает Ленин тот юридический кретинизм, который характерен для соглашательских партий, не перестающих во время революционных боев вопить о «правовых гарантиях» и проч.

В этом же докладе Ленин отмечает сложность задачи пролетарской революции в отношении банковского аппарата, что объясняло и задержку во времени с разрешением этой задачи: «Не было ни одного человека из нашей среды, который представлял бы себе, что такой искусный, тонкий аппарат банковского дела, веками развивавшийся из капиталистической системы хозяйства, может быть сломан или переделан в несколько дней. Этого мы никогда не утверждали. И когда ученые, или якобы ученые люди кивали головой и пророчествовали, мы говорили: вы можете пророчить, что угодно. Мы знаем лишь один путь пролетарской революции: овладеть неприятельской позицией — научиться власти на опыте, на своих ошибках» [65].

В декабре 1917 г. создается ВЧК, орган борьбы с контрреволюцией, охраняющий завоевания пролетарской революции и уделяющий в первый период основное внимание борьбе с саботажем и спекуляцией. В это же время полным ходом развертывается строительство суда пролетарской диктатуры.

С января 1918 г. ускоренным ходом идет работа по выковыванию новой армии и центрального военного аппарата.

[64] Ленин, т. XXII, стр. 214.
[65] Там же, стр. 214—215.

Каждое из созданных пролетарской диктатурой учреждений, в отличие от старых госучреждений, опирается в своей работе на массы. Массовые организации пролетариата принимают непосредственное участие как в строительстве, так и в повседневной работе новых органов. Следует особенно подчеркнуть роль таких организаций, как Центральный совет рабочего контроля, как Совет фабрично-заводских комитетов, как профсоюзы, в реконструировании и развертывании работы ВСНХ, Наркомата труда, Наркомата торговли и промышленности, Наркомата соц. обеспечения, созданного позднее (в июле 1918 г.) Наркомата здравоохранения и ряда других.

Широко развертывается ломка аппарата местного самоуправления. Ликвидация в марте 1918 г. созданного в декабре 1917 г. Комиссариата местного самоуправления является последним шагом, заключающим собой эту ломку. Ломая аппарат местного самоуправления после того, как массы на деле убедились в классовой враждебности этого аппарата пролетарской диктатуре, несмотря на его «надклассовую» внешность, советы разрушали этот аппарат в целом, включая в себя его технический аппарат и воспринимая его полезные функции (коммунальное хозяйство, городское строительство и проч.).

Процесс ломки аппарата местного самоуправления протекал не всюду одинаково. На первых порах в одних местах «советы оставляли целиком старые учреждения городского и земского самоуправления, но только подчиняли их своему общему надзору и контролю. В других они входили в своеобразное соглашение с земствами и муниципалитетами и распределяли компетенцию этих установлений таким образом, что часть местных задач и полномочий временно оставалась за ними, другую же часть советы брали в свои руки. Наконец, в-третьих, они сразу же делали то, что было впоследствии распространено на всю Советскую Россию, а именно: земства и городские муниципалитеты были упразднены, и все функции местного управления и самоуправления были взяты образовавшимися вновь или уже существовавшими советами» [66].

С особой интенсивностью процесс ломки старого аппарата самоуправления развертывался именно в январе 1918 г.

Вопреки истерическим воплям меньшевистско-эсеровских «теоретиков» о «надклассовой» сущности органов самоуправления, жизнь наглядно показала массам, что этот аппарат является органической частью эксплоататорского аппарата и иначе не может быть рассматриваем.

Интересно здесь отметить то одобрение, которое вызвало со стороны Ленина определение местного самоуправления, данное Бухариным в его книге «Экономика переходного периода». Бу-

[66] «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата», сб. ст., 1919 г., статья Рейснера «Октябрьская революция и государственная власть», стр. 49.

харин там писал следующее: «...Система так называемого «местного самоуправления» во всяком классовом обществе (следовательно, в таком обществе, где существует государство) есть не что иное, как составная часть местных аппаратов государственной организации господствующего класса». Ленин, подвергший жестокой критике эту книгу в целом, вскрывший в ней ряд грубейших ошибок по различным вопросам, по поводу данного определения замечает на полях: «Именно!...» [67]. Это определение Бухарина является, таким образом, как раз одним из немногих мест его книги, получивших одобрение Владимира Ильича.

Громадную роль в деле слома аппарата местного как городского, так и земского самоуправления сыграл Наркомвнудел, дававший соответствующие инструкции местам и вносивший единство в стихийно проходивший процесс этой ломки на местах. Уже приблизительно в марте 1918 г. процесс ломки аппарата местного самоуправления, можно сказать, в основном был закончен.

Советская конституция, принятая V съездом советов и подитожившая опыт государственного строительства, уже не оставляет места в советской системе государства так называемому аппарату местного самоуправления. «Советский строй, — говорит т. Каганович по этому вопросу,—основанный сверху донизу на вовлечении самодеятельности самых широких рабочих и крестьянских масс, разрубил гордиев узел сложного вопроса о местном управлении и взаимоотношениях с органами государственной власти, о централизме и т. д., ибо государственная власть вся в целом стала самоуправлением, а местное самоуправление стало государственной властью. Октябрьская революция и советская система срастила эти два понятия, создав единые и мощные органы массовой самоуправляющейся власти» [68].

Лозунг «Вся власть советам» не давал органам самоуправления особого места во вновь строящейся государственной системе. Если ломка аппарата местного самоуправления не является в первый период особой и конкретной задачей советов, то осуществление на практике разрушения государственной машины в целом естественно не может не поставить вопроса о неизбежности ломки аппарата местного самоуправления в силу принадлежности последнего к механизму старой государственной машины, в силу явной враждебности пролетариату этого якобы «надклассового» аппарата, в силу, наконец, сосредоточения всей государственной власти на местах в руках советов.

Технический аппарат упраздняемого, ломаемого аппарата мест-

---

[67] «XI Ленинский сборник», стр. 381.

[68] Каганович, Местное советское самоуправление, М., 1923 г., стр. 16. По вопросу о ломке аппарата местн. самоуправления см. журнал «Пролетарская революция» № 2 и № 3 за 1925 г., статья т. Лациса.

ного самоуправления передавался, как уже выше указывалось, новым организуемым отделам советов.

Вестник Комиссариата внутренних дел в мае 1918 г. следующим образом рисует этот процесс ломки аппарата местного самоуправления во всей стране:

«При переходе власти в руки рабочих и крестьян земства уже теряли свое значение. Состав гласных был недостаточно демократичный, да и, кроме того, существование самостоятельных земств при власти советов было совершенно лишним. Хозяйственные функции советы сосредоточивали в своих руках... Рабоче-крестьянские массы учатся на опытах. Зная, что земские самоуправления явились очагами контрреволюции, советы революционными мерами приступили к их ликвидации. С мест сообщают чрезвычайные исторически важные сведения о ликвидации самоуправления. Корреспондент из Самарканда пишет, что городская дума распущена за предательство интересов народных масс и контрреволюционную агитацию, выразившуюся в натравлении одной части населения на другую. Дальнейшее ведение городских дел переходит к совету рабочих и солдатских депутатов... Первый губернский съезд советов Тульской губернии, желая пресечь в корне политику саботажников и подрыва народного хозяйства, постановил немедленно распустить губернское земство и управу.

Земские учреждения ликвидируются не только по постановлениям съездов; сами крестьяне в деревнях и волостях еще до съездов ликвидируют земства, создавая советы... Из Рязанской губернии Ново-Тимковская волость сообщает: «Постановили: волостную земскую управу упразднить как приверженцев старого строя и все обязанности земской управы передать совету крестьянских и батрацких депутатов...» Во всех концах России, где возникают советы, там упраздняются земства, а где они еще не ликвидированы, то доживают последние дни» [69].

Таким образом, если уже в марте 1918 г. мы можем считать в основном законченным процесс ломки аппарата местного самоуправления, то еще в мае мы встречаемся с процессом «доламывания» его. Эта затяжка процесса объясняется, главным образом, неодновременным установлением советской власти в стране.

Советизация целого ряда частей страны происходила значительно позднее, чем установление советской власти в центре; отсюда естественно, что процесс ломки старой и строительство новой государственной машины растягивается на длительный период, будучи в то же время в основных районах страны законченным уже в первом году существования советской власти.

Огромная роль в деле советизации страны принадлежит Нар-

[69] «Вестник Комиссариата внутренних дел» № 12 — 13, 1918 г., статья Зарина «Перестройка России», стр. 13—14.

комнацу, развертывавшему советское строительство в национальных окраинах и создавшему основы и формы советского федерализма.

К III съезду советов была выполнена необычайно большая работа в области слома старого аппарата управления и строительства нового госаппарата в центре и на местах. Уже намечены были, несмотря на чрезвычайное разнообразие в практике государственного строительства на местах, те основные контуры государственного здания, которые затем позднее, V съездом советов, были положены в основу советской конституции. Принципы выборности, сменяемости, отчетности перед депутатами, объединения исполнительной и законодательной власти, демократического централизма, равноправия всех национальностей, недопущения эксплоататоров в органы управления, вовлечение трудящихся в дело государственного управления, партийное руководство советами — все эти основные принципы, на которых базируется госаппарат пролетарской диктатуры, были заложены уже в пределах этого периода.

В области строительства соваппарата на местах в первый период существования диктатуры пролетариата особенно велика роль Наркомвнудела, инструктировавшего места по всем вопросам строительства госаппарата, тщательно изучавшего конкретный опыт мест, передававшего лучший опыт мест всей стране, исправлявшего отдельные недочеты и перегибы, в частности перегибы по линии понимания лозунга «Вся власть советам на местах». Эти перегибы шли по двум линиям. Во-первых, этот лозунг зачастую использовался классовым врагом для агитации за отрыв отдельных частей страны от большевистского центра. Ярыми сторонниками сепаратизма, как известно, выступали эсеры (напр. в Сибири). Во-вторых, местные органы иногда делали вывод о необходимости в местных масштабах воспроизводить общегосударственную структуру, отсюда пошли московские и калужские совнаркомы, вплоть до волостных совнаркомов. Так например, в Москве вплоть до середины июня 1918 г. наряду с Совнаркомом республики существовал «Московский областной совнарком».

Для разграничения функций этих двух совнаркомов была создана специальная комиссия. Ленин сразу же после переезда правительства в Москву увидел всю нецелесообразность подобной структуры на местах и дал распоряжение Бонч-Бруевичу, бывшему тогда управляющим делами Совнаркома, «в течение ближайшего месяца ему об этом несколько раз напоминать и поставить на повестку дня заседания Совнаркома для обсуждения, решения и уничтожения «этой нелепости» [70].

[70] «XXI Ленинский сборник», стр. 100. См. также: Бонч-Бруевич, «На боевых постах Февральской и Октябрьской революций», М., «Федерация», 1930 г.

9/VI 1918 г. СНК РСФСР принял решение об упразднении «Московского областного совнаркома»[71].

Громадная творческая работа в области государственного строительства в первый период существования диктатуры пролетариата была бы немыслима, если бы сами массы не включились в это дело, не выделили десятков тысяч руководителей из своей среды, на практическом опыте обучавшихся делу государственного управления. Нельзя не отметить особо ту громадную разъяснительную работу, которая выполнялась в то время всеми руководящими советскими органами, и в первую очередь Совнаркомом, по вопросу о вовлечении самих масс непосредственно в дело государственного управления.

Так, в «обращении к населению председателя Совета народных комиссаров о победе Октябрьской революции и о задачах борьбы на местах» Ленин писал: «Товарищи трудящиеся! Помните, что вы сами теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не (сплотитесь) объединитесь и не возьмете все дела государства в свои руки. Ваши советы — отныне органы государственной власти, полномочные решающие органы.

Сплотитесь вокруг своих советов. Укрепите их. Беритесь сами за дело снизу, никого не дожидаясь»[72].

И далее следует перечень основных мероприятий, с которых следует начинать массам, объединяющимся вокруг органов власти советов.

Эти же мысли повторяются настойчиво в ряде важнейших декретов советского правительства. Огромнейшее организационное и воспитательное значение имели декреты советской власти первого периода диктатуры пролетариата. Классовые враги издевались над языком наших декретов, столь непохожим на прилизанный бюрократический стиль указов «правительствующего сената». Зато трудящимся массам язык наших декретов был близок и понятен, зажигал их пафосом революции, объяснял и освещал ее сложный и крутой путь, сплачивал воедино и звал к победе.

Ленин, выступая на XI съезде партии, говорил по этому поводу: «У нас была полоса, когда декреты служили формой пропаганды. Над нами смеялись, говорили, что большевиков не понимают, что их декретов не исполняют; вся белогвардейская пресса полна насмешек на этот счет, но эта полоса была законной, когда большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину, рядовому рабочему: вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте. Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в

[71] СУ № 44, 1918 г., стр. 531.

[72] «Декреты Октябрьской революции», Партиздат, 1933 г., стр. 38.

форме декретов. В результате было завоевание того громадного доверия, которое мы имели и имеем в народных массах» [73].

С первого же дня Октябрьской революции под непосредственным руководством Ленина во всей стране развертывается громадная работа по созданию своих кадров организаторов и руководителей всеми ответственнейшими участками государственного управления.

Медленно, но упорно и неуклонно ширились, росли эти новые кадры организаторов и государственных деятелей из вчерашних неграмотных, забитых людей. Так разрешается одна из сложнейших задач пролетарской революции, формулированная Лениным как задача научить каждую кухарку управлять государством.

Выступая на III съезде советов, Ленин говорил: «Рабочие и крестьяне еще недостаточно верят в свои силы, они слишком привыкли, в силу вековой традиции, ждать указки сверху. Они еще не вполне освоились с тем, что пролетариат есть класс господствующий, и что они выделили из своей среды элементы, которые были запуганы, придавлены, воображающие, что они должны пройти гнусную школу буржуазии. Этот гнуснейший из буржуазных предрассудков дольше всего держался, но он гибнет, и он погибнет до конца. И мы убеждены в том, что с каждым шагом советской власти будет выделяться все большее и большее количество людей, освободившихся до конца от старого буржуазного предрассудка, будто не может управлять государством простой рабочий и крестьянин. Может и научится, если возьмется управлять!

Организационной задачей и будет задача выделения из народных масс руководителей и организаторов. Эта громадная, гигантская работа стоит теперь на очереди дня. Ее нельзя было бы и думать выполнить, если бы не было советской власти, отцеживающего аппарата, который может выдвигать людей» [74].

Громадную роль в деле выковывания своих администраторских кадров, несомненно, сыграл рабочий контроль, приведший вскоре к национализации промышленности и так называемой «красногвардейской атаке на капитал». Известны замечательные слова Ленина о том, что эта «красногвардейская атака на капитал» в свое время предписывалась обстоятельствами безусловно: во-первых, капитал сопротивлялся по-военному.., во-вторых, мы не могли бы тогда поставить на первый план метод управления взамен методов подавления, и потому, что искусство управления, не прирождено людям, а дается опытом. Тогда этого опыта у нас не было. Теперь он есть. В-третьих, тогда у нас не могло быть в нашем распоряжении специалистов разных отраслей знания и техники...» [75]

---

[73] Ленин, т. XXVII, стр. 255.
[74] Ленин, т. XXII, стр. 216.
[75] Ленин, т. XXII, стр. 445.

Значение рабочего контроля чрезвычайно велико именно потому, что он помог кадру рабочих-администраторов овладеть искусством управления.

По всей работе — как по ломке старого аппарата, так и по созданию нового — громадная роль, несомненно, принадлежит военно-революционному комитету, охватившему сетью своих комиссаров не только столицу, но и периферию, везде устанавливая революционный порядок, ликвидируя саботаж и организуя работу по-новому. ВРК инструктирует местные советы и руководит ими в свержении власти Временного правительства, посылает отряды Красной гвардии для поддержания революционного движения на местах и организации советской власти. ВРК содействует в обеспечении Петрограда продовольствием, топливом, сырьем, помогает разгрузке железнодорожных узлов.

Постановление СНК от 12(25)XI 1917 г. возглавляет на ВРК задачи борьбы со спекулянтами и саботажниками, скрывающими запасы и задерживающими грузы. Значение этой работы ВРК чрезвычайно велико, если вспомнить, что речь идет о начальном периоде организации нового аппарата управления отдельными отраслями народного хозяйства. В целом ряде отраслей государственного управления ВРК на первых порах выполняет роль еще не созданных или не окрепших органов.

Петроградский ВРК инструктировал местные ВРК, разъясняя их задачи и основные принципы их организационной структуры. Так, в одной из сохранившихся инструкций, данной Петроградским ВРК Военно-революционному комитету Муравьевского гарнизона, читаем: «По просьбе товарища, делегата вашего гарнизона, Петроградский военный революционный комитет сообщает вам свое понимание задач всякого такого же комитета:

1) активная борьба с контрреволюцией;

2) наблюдение за газетами и проч., согласно декрету временного правительства (речь идет о СНК — «Временном рабочем и крестьянском правительстве», как оно называлось до III съезда советов. — *М. К.*);

3) арест явных контрреволюционеров, действующих против советов;

4) помощь городским управам в деле продовольствия, а если управа плохо действует или же занимается саботажем, то взятие дела продовольствия в свои руки, а также реквизиция хлеба у городских торговцев и конфискация его у помещиков;

5) реквизиция всякого рода теплых вещей и сапог для солдат фронта;

6) наблюдение за порядком в городах и деревнях (предупреждение погромов, грабежей и т. д.).

Военно-революционный комитет действует вполне самостоятельно, но потом дает отчет в своих поступках советам рабочих и солдатских депутатов или же войсковым организациям, из коих он сам вышел»[76]

Несмотря на широкий перечень функций ВРК, данный в этой инструкции и написанный наспех, этот перечень далеко, разумеется, не охватывает многогранной деятельности ВРК в первый период диктатуры пролетариата. ВРК, помимо уже указанного выше, давал предписания воинским частям, заставлял администрацию заводов уплачивать заработную плату рабочим, занятым по рытью окопов на Гатчинском фронте, а также рабочим-красногвардейцам «во время несения ими общественно-необходимой службы по охране революционного порядка»[77], таксировал цены на продовольственные продукты, руководил обысками и проч.

Трудно указать такую отрасль управления, в которую не вмешивался бы ВРК в силу отсутствия еще на первых порах у советов своего отраслевого аппарата.

Однако, чем крепче становились на ноги новые советские центральные учреждения, тем яснее сказывался временный характер ВРК в системе советского государства. 25 ноября 1917 г. СНК принимает, по предложению Ленина, постановление о разгрузке Военно-революционного комитета и о передаче ряда его функций соответствующим ведомствам.

Во исполнение этого постановления ВРК все дела по снабжению населения и Красной гвардии, отправке продовольственных отрядов и проч. передал Наркомпроду, выдачу заграничных паспортов — Наркоминделу, заведывание гражданскими комиссарами и отделами печати — Наркомвнуделу, заведывание ж.-д. комиссарами—НКПС, следственную комиссию—Наркомюсту и т. д. Борьба же с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем стала основной функцией ВЧК, созданной 7 (20) декабря 1917 г.

В начале декабря ВРК вынес решение о самоликвидации, передав оставшиеся функции наркоматам и Петроградскому совету.

Громадная роль как в разрушительной, так и в творческой государственной работе, выполненной пролетарской диктатурой в рассматриваемый период, принадлежит Петроградскому совету. Трудно найти хотя бы один крупный вопрос того времени, который не обсуждался бы на заседании президиума Петросовета или на пленарном заседании исполкома.

Чрезвычайно важное значение в деле слома саботажа, слома старой государственной машины в целом и в создании нового госаппарата, построенного на основе вовлечения самих трудя-

[76] «Советы в Октябре», сб. документов под ред. Пионтковского. Издание К. А., 1928 г., стр. 28.

[77] Там же, стр. 28.

щихся масс в дело государственного управления, имело следующее решение Петроградского совета от 17/XI 1917 г.

«Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов постановляет: вполне выяснилось, что не только капиталисты, но и значительное число тянущих руку буржуазии и связанных с ней тысячами экономических и социальных нитей высших чиновников и служащих в государственных и общественных учреждениях упорно саботируют работу Временного рабочего и крестьянского правительства.

Такое сопротивление делу социализма со стороны буржуазии и ее пособников не является неожиданным для пролетариата и беднейшего крестьянства, которые никогда не рассчитывали на соглашение с эксплоататорами, а только на преодоление их сопротивления организованной силой миллионов трудящихся и эксплоатируемых.

В Петрограде, как в центре капитализма, в главном центре банков и финансового капитала, в главном центре бюрократии, сопротивление буржуазии и ее пособников особенно сильно.

Поэтому Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов призывает всех рабочих и солдат Петрограда, в особенности членов районных советов и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов:

1) Порвать решительно и немедленно с гнилым буржуазным предрассудком, будто управлять государством могут только буржуазные чиновники.

2) Разделить без всякой оттяжки районные и общегородской советы на отделы, из которых каждый берет на себя ближайшее участие в той или иной области государственного управления.

3) Привлечь к каждому такому отделу наиболее сознательных и способных к организационной работе товарищей с заводов и из полков и направить полученные таким образом силы на помощь каждому народному комиссару.

Пусть всякий сознательный рабочий и солдат поймет, что только самостоятельность, энергия, энтузиазм трудящихся могут упрочить победу начавшейся социальной революции. Пусть каждая группа рабочих и солдат выделяет таящиеся в народе и придавленные до сих пор гнетом капитала и нужды организаторские силы.

Пусть эти силы смело берутся за трудную, ответственную, но благодарную работу строительства снизу истинно-народной власти» [78].

Петроградский пролетариат, сплотившийся вокруг Петросовета — этого первого совета пролетарской диктатуры, и руководимый Петроградским комитетом большевистской партии, вписал немало ярких страниц в богатейшую историю о том, как рабо-

[78] Цитирую по книге Серебрянского «От керенщины к пролетарской диктатуре», стр. 184.

чие без специалистов, без опыта управления строили свое пролетарское государство.

Процесс ломки старого и строительства нового аппарата в период октябрь 1917 г.—январь 1918 г. завершается такими яркими событиями, как разгон Учредительного собрания и созыв III съезда советов, подытожившего опыт государственного строительства и давшего установки для дальнейшей работы в этом направлении. Учредительное собрание и III съезд советов, хронологически связанные, являются ярчайшими иллюстрациями разрушительной и созидательной работы пролетарской диктатуры в области государственного строительства.

Учредительное собрание, выбранное по спискам, составленным до Октябрьской революции, явилось выражением старого соотношения политических сил, когда у власти были соглашатели и кадеты, выражало «вчерашний день революций» [79]. Учредительное собрание олицетворяло старый, изживший себя буржуазный парламентаризм; отсюда совершенно ясно, что ломка старого аппарата не была бы доведена до конца, если бы не было разогнано Учредительное собрание — этот обломок вчерашнего дня революции. Более того, неизбежно последовала бы реставрация старого строя и аппарата, если бы осталось У. С., представляющее интересы буржуазии. Отсюда понятно, почему т. Сталин, говоря о ломке старой государственной машины, включает в качестве последнего, завершающего эпизода разгон учредилки [80].

Учредительное собрание, отказавшееся обсуждать «Декларацию прав трудящегося и эксплоатируемого народа» и декреты о мире и земле, тем самым подписало себе смертный приговор, обрекло себя на слом, выявив перед широчайшими массами свое контрреволюционное лицо.

«Трудящимся классам пришлось убедиться на опыте, что старый буржуазный парламентаризм пережил себя, что он совершенно несовместим с задачами осуществления социализма, что не общенациональные, а только классовые учреждения (каковы советы) в состоянии победить сопротивление имущих классов и заложить основы социалистического общества» [81].

Декрет о роспуске Учредительного собрания, написанный Лениным и принятый ВЦИК в ночь с 5 на 6 января 1918 г., определил полное банкротство буржуазного парламентаризма и изживание демократических иллюзий масс, убедившихся на деле, что несет им буржуазный парламентаризм. Вся история созыва и разгона Учредительного собрания с особой ясностью вскры-

[79] Ленин, т. XXII, стр. 180.
[80] См. Сталин, Сб. «Об Октябрьской революции», стр. 27.
[81] Ленин, т. XXII, стр. 189.

вает правильность тактики большевиков в отношении демократических иллюзий масс, с одной стороны, и контрреволюционную роль соглашательских партий как верных оруженосцев буржуазии с другой стороны.

III съезд советов (10—18 января 1918 г.), собравшись после разгона Учредительного собрания, принял «Декларацию прав трудящегося и эксплоатируемого народа» и, одобрив все мероприятия советского правительства, наметил дальнейший путь государственного строительства.

В речи при закрытии III съезда советов Ленин, указывая на его историческое значение, говорил: «Можно сказать с неоспоримым основанием, что III съезд советов открыл новую эпоху всемирной истории, и ныне, в условиях мировой революции, все значение этого съезда начинает сознаваться все более и более. Этот съезд, закрепивший организацию новой государственной власти, созданной Октябрьской революцией, наметил вехи грядущего социалистического строительства для всего мира, для трудящихся всех стран.

У нас, в России, в области внутренней политики теперь окончательно признан новый государственный строй социалистической советской республики, как федерации свободных республик разных наций, населяющих Россию. И теперь всем, даже, уверен, нашим врагам, видно, что новый строй, власть советов, не выдумка, не партийный прием, а результат развития самой жизни, результат стихийно складывающейся мировой революции» [82].

«Декларация прав трудящегося и эксплоатируемого народа», написанная лично Лениным с участием Сталина, и «Декларация прав народов России», подписанная Лениным и Сталиным, являясь основами выработанной позднее советской конституции, полностью отражают тот грандиозный размах творческой работы в области государственного строительства, которая была выполнена под руководством партии в течение первых 2½ месяцев существования диктатуры пролетариата.

Эти два величайшей исторической важности документа полностью вскрывают сущность нового типа государства, государства пролетарской диктатуры, основанного на вовлечении масс в непосредственное государственное управление, на удалении эксплоататоров из всех органов власти, на началах братского сотрудничества наций.

Ленин в своем докладе на III съезде советов, отметив, что советское государство к тому времени существует всего на пять дней более, чем Парижская коммуна, представлявшая собой первый опыт пролетарской диктатуры, говорил: «Эту власть рабочих мы должны вспомнить прежде всего, бросая взгляд назад и сравнивая ее с советской властью, образовавшейся 7 ноября

[82] Там же стр 223.

(25 октября). И из этого сравнения первого опыта диктатуры пролетариата и настоящей мы сразу можем видеть, какой гигантский шаг сделало международное рабочее движение и в каком неизмеримо более благоприятном положении находится советская власть в России, несмотря на неслыханно сложные условия в обстановке войны и разрухи... Мы находимся в гораздо более благоприятных обстоятельствах, потому что русские солдаты, рабочие и крестьяне сумели создать аппарат, который об их формах борьбы оповестил весь мир, — советское правительство. Вот что прежде всего изменяет положение русских рабочих и крестьян по сравнению с властью парижского пролетариата. Они не имели аппарата, их не поняла страна, мы сразу же опирались на советскую власть, и поэтому для нас никогда не было сомнения в том, что советская власть пользуется сочувствием и самой горячей, самой беззаветной поддержкой гигантского большинства масс и что поэтому советская власть непобедима»[83].

Чрезвычайно почетная роль в деле государственного строительства принадлежит Совнаркому, этому боевому пролетарскому штабу диктатуры пролетариата, возглавлявшемуся Лениным.

Значение Совнаркома в первый период диктатуры пролетариата во всей практической работе по выковыванию и укреплению нового типа государства будет особенно ясно, если вспомнить, что на этом этапе во ВЦИК входило немало левых эсеров и представителей некоторых других партий, тормозивших работу этого высшего учреждения беспрестанными истериками, запросами и воплями по поводу основных и мелких вопросов государственной политики.

Основная тяжесть государственного управления была в этот период вынесена Совнаркомом на своих плечах. В чрезвычайно сложной политической обстановке, в условиях всеобщего хаоса и разрухи — последствий империалистической войны и эксплоататорской политики царизма и буржуазии — Совнарком настойчиво, уверенно и безошибочно устанавливал и укреплял революционный порядок, организуя на месте разрушаемого революцией эксплоататорского госаппарата новый, высшего типа, советский госаппарат, закладывая основы нового общественного строя, ликвидируя находу пережитки феодализма, оставленные в неприкосновенности буржуазным Временным правительством. Ленин писал по этому поводу следующее: «За какие-нибудь десять недель, начиная от 25 октября (7 ноября) 1917 г. до разгона Учредилки (5 января 1918 г.), мы сделали в этой области в тысячу раз больше, чем за восемь месяцев своей власти сделали буржуазные демократы и либералы (кадеты) и мелкобуржуазные демократы (меньшевики и эсеры).

---

[83] Ленин, т. XXII, стр. 205—206.

Эти трусы, болтуны, самовлюбленные нарциссы и гамлетики махали картонным мечом и даже монархии не уничтожили! Мы выкинули вон всю монархическую нечисть, как никто, как никогда. Мы не оставили камня на камне, кирпича на кирпиче в вековом здании сословности (самые передовые страны, вроде Англии, Франции, Германии, до сих пор не отделались от следов сословности!). Наиболее глубокие корни сословности, именно: остатки феодализма и крепостничества в землевладении, вырваны нами до конца»[84].

Яркое представление о масштабе работы Совнаркома того периода дает уже одно ознакомление с перечнем принятых им за эти 10 недель постановлений. По этим декретам Совнаркома видно, как уверенно и решительно шла работа по созданию нового общественного строя[85].

В невероятно тяжелых условиях, в обстановке жесточайшей классовой борьбы, развернувшейся с первых же дней прихода пролетариата к власти, выковывался новый тип государства, создавался под непосредственным руководством нашей партии и ее величайших вождей Ленина и Сталина мощный госаппарат пролетарской диктатуры.

Напрасно классовый враг рассчитывал путем организации упорного саботажа чиновничества лишить новую власть аппарата управления и добиться ее поражения.

Буржуазная и соглашательская печать немало злорадствовала по этому поводу, предвкушая неизбежное падение новой власти вследствие невозможности использовать старую государственную машину, оставшуюся верным служакой своих старых хозяев.

Так, меньшевистская «Рабочая газета» 26 октября (8 ноября), т. е. на другой день после переворота, писала: «Сутки всего прошло со дня «победы» большевиков, и исторический рок уже начинает жестоко мстить им... Они... попросту не могут взять государственную власть. Она ускользает из их рук, они изолированы от всех, потому что весь служебный и технический аппарат отказывается им служить: и министерские канцелярии, и почта, и телеграф, и железные дороги не желают быть орудием в руках заговорщиков. Они... проваливаются в самый момент своего «торжества» в пропасть»[86].

Меньшевики, эти верные лакеи буржуазии, поторопились в своих выводах.

Классовый враг просчитался в своей оценке сопротивления старой государственной машины. Пролетариат, руководимый

---

[84] Ленин, т. XVII, стр. 25.

[85] «Декреты Октябрьской революции», Партиздат, М., 1933 г., сб. в 463 стр. и еще не полностью охвативший все декреты СНК с 25/X 1917 г. по 6/I 1918 г.

[86] Цитирую по книге Серебрянского «От керенщины к пролетарской диктатуре», стр. 171.

единственной революционной партией, партией большевиков, вооруженной революционной теорией марксизма-ленинизма, и не собирался приспособлять старый бюрократический эксплоататорский госаппарат к своим целям, ясно представляя всю враждебность этого аппарата новому, пришедшему к власти классу. Саботаж чиновничества лишь подтвердил незыблемость положений марксистско-ленинского учения о государстве, подтвердил категорическую необходимость ломки старой государственной машины пролетарской революцией. Позиция соглашателей, в том числе и левых эсеров, этих кратковременных попутчиков пролетарской революции, не перестававших в обстановке классовых боев твердить, как попугаи, о «соглашении всех социалистических партий» и т. п.,—позиция всех соглашателей в вопросе о госаппарате лишь подтвердила известное положение марксизма-ленинизма о том, что марксистом является лишь тот, кто доводит классовую борьбу при капитализме до диктатуры пролетариата, означающей единовластие рабочего класса, руководимого единой и единственной в стране пролетарской партией — партией большевиков.

Контрреволюционная практика соглашателей, стремившихся сохранить старую государственную машину в руках буржуазии, с особой силой и убедительностью подтвердила в глазах широчайших масс правильность ленинской оценки соглашателей как прямых пособников буржуазии. ЦК меньшевиков, ЦК эсеров, обращаясь к рабочему классу с призывом его к борьбе против новой власти, заклиная «сплотиться вокруг органов демократического самоуправления», т. е. вокруг кадетских дум, подготовлявших контрреволюционные восстания, и вокруг всероссийского «Комитета спасения родины и революции», организовавшего восстание юнкеров и саботаж во всех звеньях государственной машины, — всеми этими контрреволюционными действиями открыто говорили массам, по какую сторону баррикад стоят возглавляемые ими партии.

Оценивая сложность и трудность обстановки, в которой протекала деятельность пролетарской диктатуры в первый период и прежде всего в области выковывания госаппарата, нельзя забыть и те чрезвычайно большие дополнительные затруднения, которые создались наличием колеблющихся, оппортунистических элементов, игравших роль рупора классового врага внутри нашей партии.

Особенно следует здесь отметить гнуснейшую роль штрейкбрехеров Октября — Зиновьева и Каменева, которые, всеми силами борясь против взятия власти пролетариатом в Октябре, буквально на другой день после победы Октября, достигнутой несмотря на их предательство, добиваются по сути дела передачи завоеванной власти буржуазии, требуя создания так назы-

ваемой «единой социалистической власти», которая включала бы все социал-соглашательские партии.

Во время ведения переговоров об «однородном социалистическом правительстве» они, несмотря на ясные директивы ЦК партии о недопустимости каких бы то ни было компромиссов, вопреки указаниям Ленина о том, что эти переговоры должны рассматриваться «как дипломатическое прикрытие военных действий» [87], пошли самовольно на ряд недопустимых уступок. вплоть до согласия на предоставление во ВЦИК мест представителям контрреволюционной Петроградской городской думы, и нарушили партийную дисциплину, не проведя во ВЦИК резолюции ЦК по этим вопросам. Наглость этих генералов без армии дошла до того, что они вели переговоры с меньшевиками и эсерами даже по таким вопросам, как устранение Ленина с поста председателя правительства и замена его Авксентьевым или Черновым. Уступки соглашательским партиям в таком важном вопросе, как конструкция власти, естественно не могла не вызвать резкого отпора со стороны ЦК, ультимативно потребовавшего подчинения их решению партии.

Как известно, в ответ на постановление ЦК партии о прекращении этих переговоров и предъявленный им ультиматум 5 членов ЦК (Зиновьев, Каменев, Милютин, Ногин и Рыков) демонстративно ушли из ЦК, а ряд наркомов—Ногин, Рыков, Милютин, Теодорович, Рязанов и Дербышев — вышли из Совета народных комиссаров.

С негодованием встретили рабочий класс и широкие трудящиеся массы этот факт дезертирства в критические дни с ответственнейших государственных постов группы руководящих работников, пытавшихся повернуть страну на путь буржуазного парламентаризма, пошедших на компромисс с соглашателями, на срыв партийной дисциплины.

Этот факт дезертирства был со злорадством встречен классовым врагом как акт, направленный к расшатыванию железного единства ведущей силы пролетарской диктатуры, как акт, шедший навстречу желаниям контрреволюционных сил, ослаблявший только что строящееся советское государство. Классовый враг готов был здесь видеть признаки «распада большевистской диктатуры». Но классовый враг просчитался и на этот раз.

Мощь партии, являющейся авангардом всего пролетариата, ведущей за собой многомиллионные массы трудящихся, не могла быть расшатана фактом дезертирства кучки оппортунистов. На места дезертиров партией тотчас же были поставлены крепкие, устойчивые и непоколебимые большевики. По предложению Ленина ЦК отстранил Зиновьева и Каменева от всякой партийной работы. Оппортунист Каменев был отозван с поста предсе-

[87] Протоколы ЦК РСДРП, 1917—1918 гг., стр. 152.

дателя ВЦИК[88], а председателем был избран железный большевик и гениальный организатор Свердлов.

Так, борясь за железное единство своих рядов, против всяких оппортунистических шатаний, рассматривая последние как прямое выражение влияния классового врага на неустойчивых членов партии, опираясь на рабочий класс и трудящиеся массы, всемерно укрепляя госаппарат пролетарской диктатуры, партия неуклонно вела пролетариат от победы к победе, указывая массам единственно правильный путь к окончательной победе над капитализмом и к построению социалистического общества.

Опыт кратковременной совместной работы с левыми эсерами, закончившийся лево-эсеровским мятежом в июле 1918 г., ясно вскрывшим подлинное лицо левых эсеров, к этому времени потерявших свое влияние в среде трудящихся крестьянских масс, — этот опыт отчетливо показал широким массам, что лишь партия большевиков полностью выражает интересы трудящихся и является ведущей силой диктатуры пролетариата, что всякая иная партия в условиях диктатуры пролетариата неизбежно ведет к контрреволюции.

Если бесславная история Учредительного собрания полностью вскрыла в глазах масс вредность буржуазно-демократических иллюзий, покончила с верой в буржуазный парламентаризм и показала, что лишь советская власть является единственно возможной государственной формой диктатуры пролетариата, то лево-эсеровский мятеж совершенно ясно показал массам вредность всех других, партий и железную необходимость повседневного систематического руководства советами, осуществляемого только одной партией Ленина — Сталина.

Грандиозная творческая работа пролетарской диктатуры в рассмотренный период оказалась возможной лишь благодаря наличию твердой, единственно революционной партии, вооруженной теорией Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, обогащенной величайшим опытом русского и мирового революционного движения, опирающейся на доверие и полную поддержку трудящихся масс, вовлекающей эти массы в непосредственную работу государственного управления, ведущей непримиримую борьбу со всяким оппортунизмом, благодаря руководству таких гениальных вождей мирового пролетариата, как Ленин и Сталин.

---

[88] Протоколы ЦК РСДРП 1917—1918 гг., стр. 178.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

В. Ундревич.—Советы и государственный аппарат буржуазии от Февраля к Октябрю

I. Временное правительство и советы в февральские дни 3
II. Курс социал-соглашателей на „демократизацию“ 28
III. Организация контрреволюции 45
IV. Борьба за большевизацию советов 56
V. Организационное строительство советов 75

М. Карева.—Октябрьская революция и государственный аппарат

I. Осуществление в Октябре 1917 г. марксистско-ленинского учения о ломке старого и строительстве нового государственного аппарата 90
II. Ломка „аппарата концентрированного насилия“ и создание Рабоче-крестьянской красной армии, милиции и суда пролетарской диктатуры 94
III. Борьба буржуазии за сохранение своего аппарата и роль соглашательских партий в этой борьбе 105
IV. Основные пути строительства советского государственного аппарата 118

ИЛ
БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
ЦК КПСС

№ 7110

Цена 2 р. 25 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Издательству „Власть Советов"
при Президиуме ВЦИК
Москва, ГСП 6, Неглинная, д. 21